

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (47)

2021

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.12.2021.
Выход в свет 16.03.2022.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 7,6.
Тираж 25 экз. Заказ 3-09-22.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия; Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ТОЛКОВАНИИ НОРМ О ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ А.В. Дулгер.....	5
ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159.6 УК РФ «МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ», КАК СПЕЦИАЛЬНОГО ВИДА МОШЕННИЧЕСТВА Л.Н. Кабанова, Т.В. Ушакова, П.А. Кабанов.....	11
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ С.В. Кондратюк.....	19
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ: ТЕНДЕНЦИИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ И РАСШИРЕНИЮ А.М. Моисеев.....	26
ОТКАЗ ОТ ПРАВА НА ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ И.В. Ревина, О.С. Пашутина, И.Н. Чебогарева.....	35
ИНСТИТУТЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ О.Ю. Савельева.....	43
ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА СЛЕДОБРАЗОВАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ХИЩЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ Н.И. Старостенко.....	48
К ПРОБЛЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НАРКОМАНИИ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ С.В. Юношев, М.Ю. Жирова, С.В. Кондратюк.....	55
НАШИ АВТОРЫ.....	62

CONTENT

THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INTERPRETATION OF RULES ON ACQUISITION PRESCRIPTION OF LAND PLOTS A.V. Dulger.....	5
THE PROBLEM OF LEGISLATIVE STRUCTURE OF THE BODY OF A CRIME PROVIDED FOR BY ART. 159.6 “CYBER FRAUD” OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SPECIAL TYPE OF FRAUD L.N. Kabanova, T.V. Ushakova, P.A. Kabanov.....	11
PREVENTION OF TAKING UP THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: CULTURAL ASPECT S.V. Kondratyuk.....	19
FORENSIC ACCOUNTING: TRENDS TOWARDS UNIFICATION AND EXPANSION A.M. Moiseev.....	26
THE WAIVER OF A RIGHT TO EXERCISE JUSTICE: LEGAL NATURE AND CONTENT I.V. Revina, O.S. Pashutina, I.N. Chebotareva.....	35
INSTITUTIONS OF MULTIPLE CRIMES AND ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CONTEMPORARY RUSSIAN CRIMINAL LAW O.Yu. Savelyeva.....	43
PECULIARITIES OF THE MECHANISM OF MARKING FORMATION WHEN COMMITTING A THEFT USING THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND SOCIAL ENGINEERING TECHNIQUES N.I. Starostenko.....	48
ON THE PROBLEM OF COUNTERACTING THE SPREAD OF DRUG ADDICTION IN THE SAMARA REGION S.V. Yunoshev, M.Yu. Zhirova, S.V. Kondratyuk.....	55
OUR AUTHORS.....	62

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ТОЛКОВАНИИ НОРМ О ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

© 2021

А.В. Дулгер, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: Конституционный суд РФ; толкование права; приобретательная давность; давностное владение; земельный участок.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению института приобретательной давности в отношении недвижимого имущества (земельных участков), порядок реализации которого установлен ст. 234 ГК РФ. Приведены основные проблемы правоприменительной практики при рассмотрении дел в судах о признании права собственности в силу приобретательной давности. В частности, раскрываются основные причины массовых отказов судов в подобных исках, несмотря на наличие нормы в законе и ряд разъяснений высших органов судебной власти. Анализируются различные научные труды, посвященные данной тематике, на предмет выявления проблем и путей их решения. Отмечается недостаток количества научных трудов по соответствующему вопросу, а также недостаточная разработка проблем и путей их решения. Большинство подходов, несмотря на наличие разъяснений ВС РФ и ВАС РФ, противоречат правоприменительной практике и принципам гражданского права. По неизвестной причине в публикациях после ноября 2020 года не учитывается Постановление КС РФ от 26.11.2020 № 48-П по вопросам приобретательной давности, имеющее общеобязательный характер и отвечающее на множество проблемных вопросов в правоприменительной практике ст. 234 ГК РФ. Описываются новые подходы, предложенные КС РФ, которыми следует руководствоваться при рассмотрении дел по искам о давностном владении и реализации данного института. Ставится тезис о восполнении многочисленных пробелов, однако о завершении дискуссии пока говорить рано. Содержание ст. 234 ГК РФ требует приведения в соответствие с новыми подходами КС РФ к толкованию данной нормы.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественном гражданском законодательстве регламентирован институт приобретательной давности, нормы которого позволяют лицу обратиться в суд с требованием признать за ним право собственности на имущество при соблюдении условий согласно ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Реализация указанных норм обеспечивает сохранность земельных участков, не допуская их бесхозности, закрепляет имущественные права заинтересованного лица, дает возможность законно совершать сделки в отношении такого имущества, а также возвращает имущество в оборот, что соответствует налоговым функциям государства. Реализация права по ст. 234 ГК РФ находится в зависимости от одновременного соблюдения следующих условий: длительность владения, непрерывность владения, открытость владения, добросовестность владения, владение имуществом как своим собственным [1].

Вместе с тем правоприменительная практика норм о приобретательной давности складывалась негативно. Проблема реализации рассматриваемого института связана в основном с отсутствием единообразных подходов к толкованию. Буквально в одном и том же суде двое судей могли по-разному оценивать критерий добросовестности давностного владельца. А совместное Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации (ВС РФ) и Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации (ВАС РФ) от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» стало причиной еще больших разногласий при рассмотрении дел.

Суды массово отказывали лицам, обратившимся за признанием права собственности на землю в порядке приобретательной давности [2]. В единичных случаях истцы проходили через все инстанции вплоть до Верховного суда РФ, который в каждом конкретном случае указывал нижестоящим судам на нужное толкование норм материального права [3]. В последующих судебных актах Верховный суд РФ предлагал совершенно противоположные позиции. Поскольку судебные акты Верховного суда РФ не имеют общеобязательного характера, а содержат разъяснения о применении нормы в конкретном случае, региональные суды первой и апелляционной инстанций могли не руководствоваться такими разъяснениями. Вышеизложенное стало причиной, по которой нормы о приобретательной давности стали практически нерабочими [4], несмотря на то, что законом установлено основание на признание права собственности лицом, которое не является собственником этого имущества [5].

На основании анализа опубликованных работ по теме приобретательной давности отметим следующее:

- 1) малое количество публикаций;
- 2) недостаток академического интереса к проблеме, авторами большинства статей являются студенты юридических институтов. Большая часть статей опубликована в неиндексируемых мультидисциплинарных журналах;
- 3) на протяжении времени количество публикаций снижается. Наибольшее их число приходится на период с 2009 по 2015 год, после 2016 года оно снижается;
- 4) общая закономерность – в публикациях дается общее описание института, в применении которого наблюдаются существенные пробелы;
- 5) исключительные случаи с глубокими идеями, тезисами и предложениями зачастую противоречат самой

норме о приобретательной давности и подходам к ее толкованию. Вместе с тем представлены интересные, заслуживающие внимания идеи;

б) в научных трудах, опубликованных после ноября 2020 года, по неизвестной причине авторы обходят стороной Постановление Конституционного суда Российской Федерации (КС РФ) от 26.11.2020 № 48-П, которое содержит ряд выводов по вопросу толкования п. 1 ст. 234 ГК РФ о приобретательской давности. Именно данное постановление, имеющее общеобязательный характер в отличие от отдельных судебных актов ВС РФ и ВАС РФ, позволило урегулировать практически все проблемные вопросы в институте приобретательной давности.

Цель исследования – раскрытие роли Конституционного суда РФ в толковании норм о приобретательной давности, а также характеристика с учетом нового подхода ее основных условий: добросовестности и давности владения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для проведения исследования наряду с общенаучными формально-логическими методами были использованы формально-юридический метод, а также сравнительно-правовой метод, применяемый при сопоставлении положений современной редакции ст. 234 ГК РФ с учетом ее толкования ВС РФ и ВАС РФ в судебной практике в сравнении с толкованием данной нормы КС РФ, изложенном в Постановлении от 26.11.2020 № 48-П.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Изложенное в Постановлении КС РФ от 26.11.2020 № 48-П является общеобязательным. Приведенные в данном постановлении позиции затрагивают все «болезненные» вопросы, бывшие препятствием к нормальной реализации норм о приобретательной давности.

Сформулирована цель реализации института приобретательной давности. Во-первых, это защита интересов собственника, который утратил интерес к своему имуществу. Во-вторых, защита давностного владельца имущества, который имеет противоположный интерес к сохранению имущества. В-третьих, указывается на публично-правовые интересы, а именно на достижение правового статуса имущества, его возврат в гражданский и фискальный оборот. Конституционный суд РФ указывает нижестоящим судам на актуальность данного института для интересов государства [6].

По вопросу оценочного критерия добросовестности Конституционный суд представил новационную позицию. Даже в случае, когда давностный владелец должен был знать, что у него отсутствуют законные основания для возникновения права собственности, он не лишается права на надлежащее оформление своего права собственности на участок. Формулируя данную позицию, КС РФ обобщил выводы из разъяснений ВС РФ, в частности из определения от 27 января 2015 года № 127-КГ14-9, от 20 марта 2018 года № 5-КГ18-3, от 17 сентября 2019 года № 78-КГ19-29, от 22 октября 2019 года № 4-КГ19-55, от 2 июня 2020 года № 4-КГ20-16.

Характеристика «добросовестного давностного владения» подразумевает в том числе, что начало владения

не является противоправным, т. е. совершено внешне правомерными действиями. Это связано с ошибочными подходами нижестоящих судов к толкованию нормы. Например, суд Ставропольского района Самарской области отказал в иске по соответствующему требованию гражданину, который начал пользование заброшенным земельным участком в СНТ. Данный земельный участок все же имел собственника, который давно устранился от его владения и не стал регистрировать свои права. Тем не менее суд указал, что истец в таком случае не мог начать владение земельным участком и не мог быть принят в члены СНТ, а соответственно, не является добросовестным. И в этой связи разъяснения КС РФ представляются весьма важными: владение должно быть внешне правомерным, а сам давностный владелец не обязательно должен понимать, имеет ли он основания считать себя собственником земельного участка в соответствии с законом или нет.

Конституционный суд РФ также устанавливает следующий тезис. Поскольку приобретательная давность возможна в том числе в отношении бесхозных или заброшенных земельных участков, не имеет значения поведение предыдущего, т. е. титульного, собственника. Имеется в виду, совершил ли прежний собственник какие-либо активные действия, из которых возможен вывод о его отказе от земельного участка, либо достаточно самого факта, что такой собственник не исполняет свои обязанности в отношении земельного участка (не регистрирует право собственности, не уплачивает налоги, не исполняет другие обязанности в соответствии с Земельным кодексом РФ). В таком случае достаточно установить, что прежний собственник давно устранился от владения земельным участком. Это позволяет сделать вывод, что земельный участок брошен (определение СК по гражданским делам ВС РФ от 22 октября 2019 года № 4-КГ19-55).

Совершенно новый подход КС РФ высказал в отношении презумпции государственной собственности на землю, из-за которой ранее суды отказывали в признании права. Сама презумпция заключается в следующем: если у земельного участка имеется собственник, который устранился от его владения, то такой участок априори считается поступившим в государственную собственность. Вместе с тем уполномоченный государственный орган для этого должен обратиться в суд с соответствующим иском. Таким образом, суды нижестоящих инстанций выстраивали следующую логическую цепочку: давностное владение возможно лишь в отношении частной собственности, а брошенный участок является государственной собственностью, следовательно, давностное владение брошенным участком невозможно.

КС РФ указывает, что презумпция государственной собственности на землю при решении вопроса о давностном владении не должна ставить частные лица в невыгодное положение в сравнении с публично-правовыми образованиями. Тем самым КС РФ указал на взаимосвязь нормы о приобретательной давности с принципом равенства субъектов гражданского права.

И последняя важная позиция КС РФ связана с проблемой признания права собственности в силу приобретательной давности на земельный участок, которым лицо пользуется после истечения срока действия какого-

либо договора с ее титульным собственником. Здесь КС РФ указывает, что в таком случае владение не является давностным и оснований для признания права собственности в порядке ст. 234 ГК РФ не возникает (определение ВС РФ от 17 сентября 2019 года № 78-КГ19-29). Этот подход обоснован тем, что при наличии договорных отношений новый владелец не заменяет прежнего, а осуществляет владение вместе с титульным собственником.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Вышеизложенные позиции высших судебных органов отвечают на многие дискуссионные вопросы. Поскольку частная собственность в России появилась относительно недавно – в 1991 году, не все институты гражданского законодательства вызвали интерес со стороны общества. Это коснулось и института приобретательной давности, количество обращений граждан в суд по данному основанию было малым, а значит, практика не могла сформироваться должным образом. Однако эта тенденция в последнее время изменяется.

Одним из вопросов было соотношение нормы о давностном владении землей с иными категориями гражданского права. В частности, не в полной мере было ясно, возможна ли приобретательная давность при условии совершения сделки в отношении земельного участка с лицом, не имеющим на то полномочий. Или возможно ли признание права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь через реализацию данного института. Не представлялось возможным определить способ защиты права «давностного владельца». Возникал вопрос, как норма о приобретательной давности соотносится с нормами земельного права (в части оснований для собственности) или административного права (в части самовольного занятия земельного участка).

На заре становления современного гражданского права Е.А. Суханов утверждал, что применение права приобретательной давности возможно исключительно к объектам, находящимся в частной собственности. При этом бесхозяйные участки не могли быть возвращены в гражданский оборот через рассматриваемый институт, поскольку действовала презумпция государственной собственности на землю [7]. Следовательно, полномочия по распоряжению такими участками находятся в руках у исполнительных органов власти [8]. Отсутствие в законе конкретики презумпции прежде вызывало эти вопросы. Однако с учетом нового мнения КС РФ данный пробел решается однозначно. Не допускается в гражданских правоотношениях приоритет государственных интересов над частными, особенно если этот приоритет достигается посредством деятельности государственных органов [9].

Критерий добросовестности вызывает множество разногласий, определение этого понятия отсутствует [10]. Несмотря на общее правило о презумпции доброй совести субъектов, пока не доказано иное, в отношении института приобретательной давности действуют другие правила. Именно на заявителя возлагается бремя доказывания своей же добросовестности.

Статистика «отказных» судебных решений по данной категории дел свидетельствует в том числе о некотором смещении понятий. Рассматривая вопрос о доб-

росовестности и давности владения, суды определяли следующий предмет доказывания: кроме временного аспекта во владении участком следует доказать законность его приобретения. Возникал вопрос, является ли давностное владение законным [11].

Действительно, представлялось нелогичным поведение давностных владельцев. Начав пользоваться земельным участком, его новый пользователь по неизвестным причинам не задумывался о законности своих действий и о закреплении своих прав на используемое имущество. В этой связи Н.В. Михалева предлагает ставить вопрос о доказывании либо наличия решения уполномоченного органа о предоставлении пользователю земельного участка, либо наличия не оформленного надлежащим образом договора [12].

В противовес вышеизложенному, в настоящее время ценность института представляет для возврата в оборот именно брошенных земельных участков. Критерий доказывания при таких обстоятельствах значительно упрощается: достаточно доказать устранение титульного собственника от пользования участком [13], и необязательно доказывать наличие законных оснований для приобретения земельного участка. В любом случае владение не должно быть связано с насильственными способами или преступными целями, не должны нарушаться права третьих лиц [14]. Предполагается, что права титульного собственника при условии отсутствия у него интереса к судьбе недвижимой вещи не нарушаются. Кроме того, не должно быть каких-либо договорных отношений в отношении титула, т. е. имеются в виду правомочия пользования, владения и распоряжения [15]. Сохраняется возможность приобретения земельного участка в силу давности по недействительной сделке либо при утрате титула [16].

О добросовестности приобретателя возможно вести речь в случае, если оно приобрело земельный участок у лица, у которого отсутствуют соответствующие полномочия, и при этом приобретатель не знает и не может знать об этом с учетом мер должной осмотрительности. Это требование должно быть соблюдено на момент совершения сделки.

Вспоминается проект ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О кадастровой деятельности"», который так и не был внесен на рассмотрение в Госдуму. Этим законопроектом предлагалось установить в Земельном кодексе ограничения, при которых применение приобретательной давности не допускается:

- земельный участок изъят или ограничен в обороте либо предоставлен в пользование другому лицу;
- фактический владелец ранее привлекался к административной ответственности в связи с самовольным занятием земельного участка, либо земельный участок применяется в противоречии с его назначением.

До настоящего момента в Земельном кодексе РФ отсутствуют специальные правила реализации института приобретательной давности в отношении земельных участков [17], видов собственности и категорий земель, в отношении которых возможно «давностное владение», что следовало бы исправить [18].

Институт приобретательной давности может представлять интерес в наследственных вопросах. Несмотря на наличие законного основания для установления

фактического принятия наследства в судебном порядке в случае пропуска срока на обращение к нотариусу, наследники при условии пользования земельным участком более 15 лет также могут оформить свои права с помощью рассматриваемого института [19].

Способ доказывания признака давности конкретно законом или судебной практикой не определен, допускается применять любые средства и источники доказательств. Самым очевидным доказательством давности владения являются свидетельские показания, например, пользователей и собственников соседних земельных участков. Стоит заметить, что их показания должны относиться не только к текущему моменту времени (что на данный момент заявитель пользуется земельным участком), но и к более длительному сроку (более 15 лет назад в отношении недвижимого имущества). Любопытно, что ранее высказывалась точка зрения, что право на обращение в суд по приобретательной давности возникает не сразу по истечении 15 лет, а с учетом трехлетнего срока исковой давности на предъявление каких-либо претензий прежним собственником. В свете этого в ст. 234 ГК РФ было введено правило: срок исковой давности начинается с момента начала фактического пользования либо не позднее государственной регистрации прав собственности. Иными словами, обратиться в суд по давности приобретения возможно сразу, как только пройдет 15 лет [20].

Крайне интересный способ доказывания предлагает Д.В. Пархоменко: используя сведения о месте расположения земельного участка, можно через открытые данные получить сведения о его состоянии несколько лет назад. Например, через приложение Google Earth, в котором возможно найти «исторические снимки» участка, однако данная возможность ограничена самим наличием снимков [21]. Предполагается, что тем самым возможно точно установить давность владения [22]. Однако подобного доказательства в единственном числе явно будет недостаточно. Данный способ сработает, только если получится установить активные действия нового пользователя, а именно благоустройство и ухоженность участка, отсутствие зарослей, наличие забора и каких-либо построек.

Из вышеизложенного следует, что Конституционный суд РФ дал решение по основным спорным вопросам в применении норм о приобретательной давности. Вместе с тем норму ст. 234 ГК РФ следует дополнить положениями в соответствии с позицией КС РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Давностный владелец не обязан знать об отсутствии у него оснований для возникновения прав на землю.
2. Владение не должно быть противоправным, этого достаточно для признания добросовестности владения.
3. Приобретательная давность возможна в отношении бесхозных участков.
4. Презумпция государственной собственности на землю не имеет значения, поскольку действует принцип равенства участников гражданских правоотношений.
5. Владение земельным участком не должно быть основано на каком-либо договоре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тищенко Т.С. Условия возникновения права собственности по давности фактического владения // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4-2. С. 65–69.
2. Зидириду М. Возникновение права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности: проблемы правоприменения и анализ судебной практики // Эпомен. 2019. № 27. С. 148–155.
3. Пулбере А.В. Проблема приобретательной давности на земельный участок // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2015. № 17. С. 13–14.
4. Хилобок Н. Приобретательная давность в отношении земельных участков: проблемы правоприменения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 1. С. 116–119.
5. Стародумова С.Ю. Неэффективность применения норм о приобретательной давности как основания возникновения вещных прав // Нотариус. 2013. № 5. С. 25–30.
6. Бабаян К.В., Скорицкая О.Д. Общие положения и место приобретательной давности в системе способов приобретения права собственности // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3-1. С. 173–176.
7. Суханов Е.А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый Гражданский кодекс // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. С. 214–215.
8. Князев Б.Е., Рязанова Е.Н., Рязанов Н.А. Проблемы приобретения права собственности на бесхозные земельные участки на основе приобретательной давности // Кадастр недвижимости. 2010. № 2. С. 25–31.
9. Руденко А.В., Городулина К.О. Вопрос применения положений о приобретательной давности: теоретический и практический // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 323–327.
10. Аблятипова Н.А., Кравцова А.А. Проблемы применения механизма приобретательной давности к бесхозным недвижимым вещам // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 65–72.
11. Богомолова Н.А., Фирсова Н.В. Условия приобретения права собственности по давности фактического владения // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 56-9. С. 16–19.
12. Михалева Н.В. Проблема приобретательной давности как способа возникновения права собственности на земельные участки в Российской Федерации // Вестник Международного юридического института. 2019. № 2. С. 19–25.
13. Ефимова О.В., Яковенко Д.В. Некоторые правовые проблемы возникновения права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2009. № 1. С. 94–98.

14. Полянцева Е. Проблемы признания права частной собственности на земельные участки в силу приобретательной давности // *Хозяйство и право*. 2007. № 7. С. 74–81.
15. Устюкова В.В. Возникновение права собственности на землю в порядке приобретательной давности // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2015. № 1. С. 74–86.
16. Елисеева И.В. Приобретение права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2012. № 1. С. 118–121.
17. Вербина О.Л. Приобретательная давность как основание возникновения прав на землю // *Наука и практика регионов*. 2020. № 1. С. 81–85.
18. Маргарян О.В. Приобретательная давность как основание возникновения права собственности на земельные участки // *Эпомен*. 2021. № 58. С. 268–272.
19. Тоточенко Д.А. О признании права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2017. № 8. С. 32–39.
20. Герасимов А.В. К вопросу о приобретательной давности в свете новелл гражданского законодательства // *Общество и право*. 2020. № 3. С. 136–139.
21. Пархоменко Д.В., Горбунова О.А. Приобретение прав на земельный участок на основании приобретательной давности в геоинформационном аспекте // *Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения*. 2021. № 3. С. 46–50.
22. Умеренко Ю.А. Возникновение права собственности на земельный участок по основанию приобретательной давности: проблемы практики // *Юрист*. 2016. № 23. С. 18–23.
23. *Grazhdanskiy kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika*. Moscow, Mezhdunarodnyy tsentr finansovo-ekonomicheskogo razvitiya Publ., 1998, pp. 214–215.
24. Knyazev B.E., Ryazanova E.N., Ryazanov N.A. The problems of acquisition of the title on derelict plots of land basing on acquisitive prescription. *Kadastr nedvizhimosti*, 2010, no. 2, pp. 25–31.
25. Rudenko A.V., Gorodulina K.O. The question of application of preservation provisions: theoretical and practical aspects. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 323–327.
26. Ablyatipova N.A., Kravtsova A.A. Problems of application of the mechanism of prescription to ownerless immovable things. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, vol. 8, no. 4A, pp. 65–72.
27. Bogomolova N.A., Firsova N.V. The conditions for acquisition of property right upon actual possession. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 56–9, pp. 16–19.
28. Mikhaleva N.V. The problem of acquisitive practice as a method of owning the right of ownership on the land plot in the Russian Federation. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta*, 2019, no. 2, pp. 19–25.
29. Efimova O.V., Yakovenko D.V. Some legal problems in the accrual of land plot ownership by acquisitive prescription. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2009, no. 1, pp. 94–98.
30. Polynkova E. The problems of recognition of property right for land plots upon acquisitive prescription. *Khozyaystvo i pravo*, 2007, no. 7, pp. 74–81.
31. Ustyukova V.V. The emergence of land ownership in the order of acquisitive prescription. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2015, no. 1, pp. 74–86.
32. Eliseeva I.V. Acquisition of property of the ground area in terms of acquisitive prescription. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 2012, no. 1, pp. 118–121.
33. Verbina O.L. Acquiring prescription as a basis for occurrence land rights. *Nauka i praktika regionov*, 2020, no. 1, pp. 81–85.
34. Margaryan O.V. Acquisition limitation as the basis for the emergence of the right of ownership of land plots. *Epomen*, 2021, no. 58, pp. 268–272.
35. Totochenko D.A. Recognizing the right of ownership of the land in virtue of acquisitive prescription. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 8, pp. 32–39.
36. Gerasimov A.V. To the question of acquisitive prescription in the light of novells of civil law. *Obshchestvo i pravo*, 2020, no. 3, pp. 136–139.
37. Parkhomenko D.V., Gorbunova O.A. Geoinformation aspect of land plot rights acquisition based upon the acquisitive prescription. *Regulirovanie zemelno-Imushchestvennykh otnosheniy v Rossii: pravovoe i geoprostanstvennoe obespechenie, otsenka nedvizhimosti, ekologiya, tekhnologicheskie resheniya*, 2021, no. 3, pp. 46–50.
38. Umerenko Yu.A. Emergence of land title on grounds of prescription: practical issues. *Yurist*, 2016, no. 23, pp. 18–23.

REFERENCES

1. Tishchenko T.S. Trigger events for property right upon actual acquisitive prescription. *Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel*, 2017, no. 4-2, pp. 65–69.
2. Zidiridu M. Appearance of land ownership by acquisitive prescription: problems of law enforcement and analysis of judicial practice. *Epomen*, 2019, no. 27, pp. 148–155.
3. Pulbere A.V. The issue of acquisitive prescription for a land plot. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii*, 2015, no. 17, pp. 13–14.
4. Khilobok N. Acquisitive prescription relating land plots, the problems of law enforcement. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2016, no. 1, pp. 116–119.
5. Starodumova S.Yu. Inefficiency of application of norms on usucaption as a ground for arising of property rights. *Notarius*, 2013, no. 5, pp. 25–30.
6. Babayan K.V., Skoritskaya O.D. General statements and the place of acquisitive prescription in the system of ways of acquisition of property right. *Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel*, 2017, no. 3-1, pp. 173–176.
7. Sukhanov E.A. The problems of legal regulation of public property relations and the new Civil Code.

**THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE INTERPRETATION OF RULES ON ACQUISITION PRESCRIPTION OF LAND PLOTS**

© 2021

A.V. Dulger, lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; interpretation of law; acquisition prescription; prescriptive possession; land plot.

Abstract: The paper considers the institution of acquisition prescription relating to real estate (land plots), the procedure for the implementation of which is established by Article 234 of the RF Civil Code. The paper presents the main problems of the law enforcement practice when considering cases in courts on the recognition of property rights under acquisition prescription. In particular, the study reveals the main reasons for mass refusals of courts in such claims, despite the existence of a norm in the law and a number of explanations of the highest judicial authorities. To identify the problems and the ways to their solution, the author analyzes various scientific works covering this topic; draws attention to the lack of scientific papers on the relevant issue and the insufficient investigation of problems and ways to solve them. Despite the explanation of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, most approaches contradict law enforcement practice and the principles of civil law. For some unknown reason, the publications after November 2020 do not take into account the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.11.2020 No. 48-P on the issues of acquisition prescription, which has a generally binding nature and answers a lot of problematic issues in the law enforcement practice of Article 234 of the RF Civil Code. The paper describes new approaches proposed by the Constitutional Court of the Russian Federation, which should be used when considering cases on prescriptive possession claims and implementation of this institution. The author puts forward a thesis about filling in numerous gaps, but it is too early to speak of the end of the discussion. The content of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation requires bringing in accordance with new approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation in the interpretation of this norm.

**ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159.6 УК РФ
«МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»,
КАК СПЕЦИАЛЬНОГО ВИДА МОШЕННИЧЕСТВА**

© 2021

Л.Н. Кабанова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Т.В. Ушакова, магистрант

П.А. Кабанов, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: мошенничество; компьютерная информация; формы хищения; способ совершения хищения; обман; злоупотребление доверием.

Аннотация: Рассматриваются вопросы, связанные с правовой природой мошенничества в сфере компьютерной информации; вопросы законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Раскрываются особенности новеллы российского законодательства – состава мошенничества в сфере компьютерной информации как общественно опасного деяния с учетом возможных общественно опасных последствий, специфики информационных отношений в сфере хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Отмечается, что существующая конструкция преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, а также его место в комплексе специальных видов мошенничества на сегодняшний день являются крайне дискуссионными вопросами, которые в первую очередь обусловлены уникальными для данного деяния способами его реализации. Рассмотрен вопрос о том, что ряд ошибок, допущенных при принятии анализируемой нормы в 2012 году, были впоследствии исправлены законодателем. Исследуются решения судебной практики, касающиеся проблем квалификации и отграничения мошенничества в сфере компьютерной информации от смежных составов преступлений. В результате проведенного исследования установлены ключевые особенности мошенничества в сфере компьютерной информации, влияющие на правильную квалификацию преступления. Сделаны выводы о том, что существующая законодательная конструкция преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», в силу уникального способа совершения нарушает традиционную логику построения различных форм хищения, что обуславливает комплексное изменение его конструкции. Предложено изменение существующей конструкции ст. 159.6 УК РФ с изменением формы хищения и структурного расположения в уголовном законе.

ВВЕДЕНИЕ

За последние десять лет развития государства и общества рост использования информационных технологий в России и мире отмечается не только в быту, но и в таких сферах, как публичное управление, финансы, медицина, промышленность, безопасность и т. п. Применение новых технологий стимулирует развитие общества и государства. Так, по данным официальных источников планирования, показатель использования населением сети Интернет для реализации товаров и услуг достиг 2,3 % ВВП в 2015 году, и наблюдается тенденция к росту, что характеризует потребность в использовании информационных технологий¹. Однако растущая цифровизация российской экономики, развитие информационно-телекоммуникационных устройств, ресурсов и сетей обусловили и рост преступлений, связанных с использованием таких технологий.

В 2012 году законодатель внес изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ: были введены новые составы мошенничества, предусмотренные ст. 159.1–159.6 УК РФ, охватывающие перечень деяний, никогда ранее не

регламентированных уголовным законом. В паспорте к проекту федерального закона было отмечено, что рост информационных технологий обуславливает введение адекватных уголовно-правовых мер противодействия мошенничеству, поскольку данный вид хищения совершается и в этой области общественных отношений. Рост и развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий стимулирует соответствующий рост преступлений в данной сфере. По данным судебной статистики, в 2016 году по ст. 159.6 УК РФ было осуждено 88 лиц, а в 2020 году – уже 134 лица². Аналогичная динамика сохраняется и в случаях иных преступлений с использованием цифровых технологий, и в сфере компьютерной информации. Таким образом, социально-правовая обусловленность криминализации рассматриваемой категории преступлений, в том числе компьютерных мошенничеств, сомнений не вызывает.

При этом в юридической литературе ведутся оживленные дискуссии по поводу юридической сущности мошенничества в сфере компьютерной информации и,

¹Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>.

²Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России за 2015–2020 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

соответственно, отнесения рассматриваемого деяния к мошенничеству как специального его вида. В основу деления специальных составов мошенничества на виды положены определенные разновидности гражданско-правовых отношений (ст. 159.1–159.6 УК РФ). Первоначально нарушение прав потерпевшего происходит в частноправовой сфере, где и причиняется имущественный вред. Эти обстоятельства в дальнейшем дают возможность квалифицировать деяние по специальному составу мошенничества. Однако, несмотря на динамично развивающееся уголовное законодательство о специальных видах мошенничества (внесены изменения в 2016, а затем в 2018 году), о повышении санкции за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.6 УК РФ и об усилении наказания по ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, проблема определения места рассматриваемого состава преступления в структуре уголовно-правовых норм остается дискуссионной.

Так, одни ученые, придерживаясь классического подхода, основной непосредственный объект определяют как общественные отношения, связанные с отношениями собственности, независимо от формы, а дополнительный – как правоотношения, обеспечивающие информационную безопасность [1–3].

Обобщая мнение ученых о понятиях, входящих в предмет рассматриваемого преступления, следует руководствоваться примечанием к ст. 272 УК РФ [4–6]. Исследовались мнения ученых о целесообразности введения специального состава компьютерного мошенничества. В качестве обоснования своей позиции ученые указывают на нарушение законодательной техники и «излишней казуистичности» уголовно-правовой нормы, что, как следствие, приводит к следственным и судебным ошибкам и ослаблению уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений [7–9]. Другие авторы справедливо отмечают, что на изменения, вносимые в национальное уголовное законодательство, существенное влияние оказывают взятые на себя государством международные обязательства, направленные на борьбу с киберпреступностью [10; 11]. Заслуживает внимания мнение о том, что с точки зрения юридико-технической логики построения уголовно-правовых запретов хищение с помощью электронных средств платежа следует квалифицировать как кражу с использованием компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. В данных правоотношениях нет никакого обмана либо злоупотребления доверием, и потерпевший не сам отдает кровные сбережения – они тайно похищаются таким своеобразным способом [12]. Разделяя позицию автора [13], спорными считаем суждения некоторых ученых о том, что в 2012 году законодатель выделил новый способ мошенничества.

Таким образом, определение законодательной конструкции преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, а также установление его места в комплексе специальных видов мошенничества выступают крайне дискуссионными вопросами, которые в первую очередь обусловлены специальными способами реализации объективной стороны состава преступления.

Цель исследования – анализ законодательной конструкции преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информа-

ции», в контексте нетипичных для мошенничества способов совершения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составил формально-юридический метод, позволяющий определить понятие и признаки состава преступления – мошенничества в сфере компьютерной информации как специального вида мошенничества.

Описываемое в статье исследование проходило в несколько этапов:

- 1) определение социально-правовой обусловленности криминализации рассматриваемой категории преступления;
- 2) выявление и анализ конструктивных общих и специальных признаков, составляющих содержание мошеннических посягательств в сфере компьютерной информации, путем толкования действующего законодательства, доктринальных положений;
- 3) проведение сравнительного анализа правовых норм и правоприменительной практики;
- 4) выявление и обобщение основных проблем законодательной конструкции компьютерного мошенничества, представление предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общие и специальные признаки состава преступления

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, неоднозначно оценивается учеными с позиции понимания признаков рассматриваемого преступления. В теории уголовного права присутствуют доктринальные позиции о том, что мошенничество в сфере компьютерной информации, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, посягает не на общественные отношения собственности как комплексного права владеть, пользоваться и распоряжаться, а на общественные отношения в сфере безопасности компьютерной информации.

Сторонники такого подхода считают, что законодатель при конструкции нормы указал пределы ее действия – сферу компьютерной информации, а при совершении деяния злоумышленнику не требуется окончательное завладение имуществом или правом на него, но посягательство на компьютерную информацию происходит в любом случае [14]. При этом предметом преступления выступает не имущество, а компьютерная информация, под которой в соответствии с примечаниями к ст. 272 УК РФ понимаются «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от способов хранения, обработки и передачи». Такой подход представляется спорным, так как законодателем четко выделена не только сфера компьютерной информации, а в целом область хищения, например, исходя из определения «хищение», закрепленного в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ. Признаками субъективной стороны всех хищений выступает корыстный мотив и цель – завладение чужим имуществом или правом на него. Данный подход находит

подтверждение и в правоприменительной практике. Например, гражданин Л. был осужден за хищение денежных средств путем вмешательства в функционирование банкомата и его модификацию с использованием вредоносных программ. Таким образом, по мнению авторов, умысел в этом случае направлен на незаконное завладение имуществом³. Здесь можно согласиться с мнением ученых, которые рассматривают безопасность компьютерной информации в качестве дополнительного объекта [2; 15].

Рассмотрение признаков хищения позволяет не просто выявить понятие и правовую сущность мошенничества как одной из его самостоятельных форм, но и более эффективно определить проблемы правоприменения. Уголовный закон содержит законодательное определение уголовно-правовой категории «хищение» в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. При исследовании уголовно-правовой категории «хищение», одной из форм которого является мошенничество, необходимо обратить внимание на его общие признаки, которые распространяются и на исследуемое нами деяние. Обобщая научные подходы к категории «хищение», а также исходя из его законодательного определения, можно выделить шесть следующих признаков, раскрывающих его правовую природу [16; 17].

Во-первых, противоправность деяния. Данный признак вытекает из общетеоретических характеристик любого преступления, означает «запрещенность» посредством положений уголовного закона, т. е. в УК РФ предусмотрена отдельная норма, устанавливающая данное деяние как уголовно наказуемое.

Во-вторых, изъятие и (или) обращение чужого имущества. Данный признак, основанный на законодательном определении категории «хищение», выражается в изъятии, т. е. отчуждении имущества от его владельца, и в обращении – распоряжении имуществом как своим собственным, т. е. по личному усмотрению виновного лица. Под обращением следует понимать замену законного собственника на незаконного владельца путем отчуждения, как правило, права на владение, распоряжение или пользование имуществом. Категория «обращение» необходима в случае отдельных способов хищения, когда изъятие невозможно, например по отношению к недвижимому имуществу. Однако пользование, владение и распоряжение похищенным имуществом является незаконным. Под третьими лицами, в пользу которых осуществляется изъятие имущества, следует понимать лица, в отношении судьбы которых у виновного имеется личная заинтересованность. К таким лицам могут относиться родственники, друзья, супруги, лица, перед которыми у виновного имеются долговые обязательства, и другие.

В-третьих, безвозмездность. Данный признак означает, что виновный при изъятии или обращении чужого имущества не предоставляет соответствующей (полноценной) компенсации (эквивалента) за похищенное

имущество. Частичная компенсация либо замена похищенного имущества менее ценным предметом не исключают ответственности, предусмотренной определенной нормой уголовного закона. Под компенсацией (эквивалентом) понимается равноценный похищенному имуществу полезный труд, товарно-материальные ценности либо денежные средства. Другими словами, можно говорить, что безвозмездность при совершении хищения всегда порождает неблагоприятные последствия для потерпевшего в виде материального ущерба.

В-четвертых, неотъемлемым признаком состава преступления любого хищения является преступный результат такого деяния. Результатом хищения является имущественный ущерб, который причиняется потерпевшему вследствие совершения преступного посяательства. В данном случае под ущербом следует понимать выбытие имущества из фактического владения собственника или законного владельца по причине уменьшения или утраты имущества. При этом, как отмечалось ранее, предметом хищения может быть не только имущество, но и право на него, из чего следует, что ущерб также может быть выражен в утрате такого права вследствие его незаконного приобретения виновным. Размер похищенного имущества определяется исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления. Данный признак выступает обязательным неблагоприятным последствием для потерпевшего собственника имущества. Под такого рода последствиями понимаются «прямые убытки, измеряемые стоимостью похищенного имущества». Из анализа норм УК РФ следует, что они должны быть в размере не менее 2 500 рублей. Данный признак характеризует неблагоприятными последствиями для владельца имущества в виде материального ущерба, размер которого, в свою очередь, должен быть исчислимым посредством цены – стоимости в денежных средствах.

В-пятых, чужое имущество. Этот признак хищения заключается в том, что виновный при совершении деяния обязательно посягает на имущество, которое с формально-юридической стороны не имеет отношения к нему, а является собственностью иных субъектов общественных отношений. В данном контексте правовая природа хищения, в том числе мошенничества, выражается именно в посятельстве на чужое имущество, которое составляет предмет хищения (материальная вещь) и объект хищения, как сложное социальное явление, обуславливающее определенную сферу общественных отношений в области социальной связи определенного лица (субъекта) и предмета материального мира (право собственности).

В-шестых, мошенничество, предусмотренное ст. 159–159.6 УК РФ, как и иные формы хищения, является преступлением, общественная опасность которого выражается в посятельстве именно на указанные ранее общественные отношения, связанные с правом собственности как уникальными отношениями между лицом (субъектом) и предметом материального мира. По справедливому мнению ученых, общественные отношения, связанные с правом собственности, определяют границы, меры и способы юридического господства и правовой власти, закрепленной за лицом-собственником по отношению к предмету материального мира как результату вещественного труда, имеющего свою ценность

³Приговор Октябрьского районного суда г. Владимира от 4 июня 2019 г. № 1-95/2019 // Октябрьский районный суд г. Владимира. URL: https://oktiabrsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10140339&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

и стоимость. Соответственно, данные статьи закона закономерно расположены в главе Особенной части УК РФ, которая регламентирует охрану отношений собственности.

Помимо указанных ранее признаков («противоправность», «изъятие и обращение», «безвозмездность», «ущерб», «чужое имущество»), каждый самостоятельный вид хищения обладает своими собственными специальными признаками.

В качестве специального признака предмета мошенничества закон определяет право на имущество. В теории уголовного права нет единого подхода к тому, можно ли рассматривать «правомочие» на имущество в качестве предмета мошенничества как отдельной формы хищения. Анализ литературы позволил нам прийти к выводу, что «право на имущество» как предмет мошенничества должен рассматриваться как приобретение права на владение, пользование, распоряжение, а также иных имущественных прав (обязательственные, наследственные права, право на получение вознаграждения и т. п.). Пример – безналичный банковский счет как имущественное обязательственное право, согласно которому кредитная организация обязана выплатить (перечислить) конкретную денежную сумму. В целом право на имущество – это приобретение любого имущественного права посредством обмана или злоупотребления доверием, позволяющее в дальнейшем распорядиться уже непосредственно самим имуществом по своему усмотрению.

Данные признаки четко установлены в соответствующих статьях УК РФ, поэтому, обращаясь к ст. 159–159.6 УК РФ, можно выявить, что мошенничество обладает своим специфическим признаком, который выражен способом хищения «путем обмана или злоупотребления доверием». Данный признак составляет объективную сторону любого вида мошенничества, предусмотренного УК РФ, за исключением, как нам представляется, ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, является разновидностью хищения, так как в полной мере включается в общее определение хищения и обладает всеми признаками, присущими хищению: корыстная цель, противоправность, безвозмездность, изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц, чужое имущество, причинение ущерба собственнику имущества или иному его владельцу.

Однако спорным выглядит законодательный подход, относящий такое преступление к мошенничеству как виду хищения. Устоявшейся доктринальной позицией, фактически правовой аксиомой, выступает тезис о том, что самостоятельным признаком мошенничества выступает специфический способ совершения преступления – посредством обмана или злоупотребления доверием [1; 13; 18]. Другими словами, в доктрине уголовного права устоявшимся подходом является положение о том, что мошенничество рассматривается как самостоятельная форма хищения, обладающая общими признаками. При этом мошенничество обладает и специальным признаком – способом хищения путем обмана или злоупотребления доверием, что обуславливает самостоятельность деяния как отдельной формы хищения.

Таким образом, по нашему мнению, законодательная конструкция деяния, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, не содержащая обязательных признаков мошенничества как самостоятельной формы хищения – обмана или злоупотребления доверием, была сформирована законодателем исходя из других соображений либо ошибочно.

Анализ судебной практики

Конкретизация способов совершения мошенничеств, предусмотренных ст. 159–159.5 УК РФ, содержится в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48: «Преступления, предусмотренные ст. 159–159.5 УК РФ, совершаются посредством обмана или злоупотребления доверием». При перечислении способов хищения при мошенничестве ст. 159.6 о мошенничестве в сфере компьютерной информации не упоминается.

Предположим, общественно опасное деяние в форме хищения в сфере компьютерной информации было отнесено к мошенничеству еще и потому, что посягательство направлено не только на чужое имущество, но и на право на чужое имущество, что также является свойством, присущим только мошенничеству. Однако такая позиция представляется весьма спорной, ведь анализ уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что формы хищения обособлены друг от друга, исходя из признаков объективной стороны, а не объекта и предмета преступления. Такой тезис подтверждается сформировавшейся позицией в науке уголовного права. Ведь именно способ является основным дифференцирующим признаком объективной стороны любой формы хищения [19]. Во-вторых, хищение как общая категория включает в себя посягательство на правомочие на чужое имущество, что, например, подтверждается ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию». Так, согласно п. 17.1 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29, объективная сторона характеризуется реализацией всех способов в рамках кражи, мошенничества, присвоения и растраты. Поэтому посягательство на правомочие права на чужое имущество технически может осуществляться и в рамках кражи, грабежа, разбоя, что также опровергает тезис о том, что подобное посягательство осуществляется исключительно в рамках ст. 159–159.6 УК РФ.

Совершенно логичной представляется позиция высшей судебной инстанции по уголовному делу в отношении Ю.Ю. Кактана⁴.

Раскрывая определение хищения денежных средств, совершенное с использованием электронных средств платежа, Верховный суд обращает внимание судов на то, что ответственность за мошенничество наступает только в тех случаях, когда изъятие денег было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием их владельца или иного лица.

Так, гражданин К. нашел банковскую карту и решил оплатить свою покупку бесконтактным способом.

⁴ *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 суда РФ // Верховный суд Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1917106.*

Действия виновного были квалифицированы как мошенничество. Квалификация нашла свое подтверждение во всех судебных инстанциях. Однако Верховный суд, не соглашаясь с правовой оценкой фактических обстоятельств, определил, что, поскольку продавец-кассир не принимал участие в осуществлении операций по списанию денежных средств с банковского счета в результате оплаты товара, значит, К. никаких ложных сведений не сообщал и в заблуждение его не вводил. В качестве обоснования своей позиции Верховный суд указал на отсутствие на сегодняшний день каких-либо нормативно-правовых актов, где была бы регламентирована обязанность работников торговых организаций, принимающих расчеты с банковскими картами через платежные терминалы, идентифицировать держателя карты по документам, удостоверяющим его личность. Кроме того, в определении также дается указание на необоснованность применения ссылки нижестоящего суда на разъяснения, содержащиеся в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48, поскольку эти разъяснения были даны применительно к ранее действовавшей редакции ст. 159.3 УК РФ. Однако Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ в ст. 159.3 УК РФ были внесены изменения⁵.

Указанные разъяснения, внесенные изменения в уголовное законодательство способствовали формированию единого подхода к квалификации хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа. Следуя такой законодательной логике, с целью исключения излишней конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации хищений необходимо, чтобы диспозиция уголовно-правовой нормы о любом виде мошенничества включала описание такого специфического, свойственного только мошенничеству способа, как обман и злоупотребление доверием.

В практике также существует проблема определения и, соответственно, описания способов компьютерного мошенничества. Способы мошенничества в судебных актах описаны по-разному.

Так, гражданка А.А. Солдатова, воспользовавшись тем, что за ее преступными действиями никто не наблюдает, взяла из кармана одежды знакомой ей потерпевшей телефон с установленной в нем сим-картой, перевела со счета банковской карты ПАО «Сбербанк России» средства на счет банковской карты, зарегистрированной на имя А.А. Солдатовой. Таким образом, А.А. Солдатова похитила денежные средства, на общую сумму 8 000 рублей. Похищенными денежными средствами А.А. Солдатова в дальнейшем распорядилась по своему усмотрению. Действия А.А. Солдатовой были квалифицированы Рудничным районным судом г. Кемерово Кемеровской области по ч. 2 ст. 159.2 УК РФ⁶.

Однако в данном случае никакого вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации не было – А.А. Солдатова лишь тайно использовала уже установленную на мобильный телефон его владельцем программу с целью незаконного обогащения.

Аналогичным примером является решение того же суда по делу гражданина С.Е. Зотова⁷. Он с помощью компьютера, используя найденную им банковскую карту ПАО «Сбербанк России» и мобильный телефон, принадлежащие Ю.Л. Краснову, с помощью компьютерной сети Интернет, услуги «Мобильный банк», путем ввода данных карты, эмитированной на имя Ю.Л. Краснова, оплатил заказанные им ранее товары, приобретенные в интернет-магазине, списал с лицевого счета Ю.Л. Краснова денежные средства в размере 17 098 рублей, которые перевел в счет оплаты товаров. Первоначально действия С.Е. Зотова органами предварительного расследования были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, однако впоследствии действия были переклассифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Обосновывая свою позицию, суд указал, что исследованными в судебном заседании доказательствами установлен факт совершения С.Е. Зотовым тайного хищения чужого имущества, принадлежащего Ю.Л. Краснову, а не хищения денежных средств Ю.Л. Краснова путем мошенничества.

Согласно п. 21 Пленума Верховного суда РФ № 48 от 30.11.2017, в тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника имущества независимо от способа получения доступа к таким данным, такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети.

Способ «модификация компьютерной информации в программе» в судебной практике может быть обоснован тем, что виновное лицо вставило в принадлежащее ему мобильное устройство выпущенную им сим-карту, подключил услугу «Телефония», позволяющую отправлять и получать SMS-сообщения, осуществлять платежные операции и получать другие услуги сотовой связи. Путем ввода компьютерной информации о перечислении денежных средств выдавая себя за лицо, владеющее правом пользоваться и распоряжаться денежными средствами, виновный совершил модификацию компьютерной информации в программе.

Так, например, в результате незаконного перевода указанным способом гражданин П.В. Зволь совершил хищение денежных средств более чем 100 абонентов, его действия были квалифицированы Автозаводским районным судом г. Тольятти Самарской области по

⁵ *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-Кбсуда РФ // Верховный суд Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1917106.*

⁶ *Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 27.09.2017 № 1-336/2017 // Рудничный районный суд города Кемерово. URL: https://rudnichny-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_o*

p=doc&number=77792753&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

⁷ *Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 26.12.2017 № 1-417/2017 // Рудничный районный суд города Кемерово. URL: https://rudnichny-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_o p=doc&number=96264303&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.*

совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159.6 и ч. 3 ст. 272 УК РФ⁸.

Из приведенных примеров судебной практики видно, что суды совершенно по-разному подходят и к применению разъяснений положений Пленума, и к разграничению хищения по признакам кражи и мошенничества, и под способами совершения мошенничества, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей понимают совершение любых действий, связанных с цифровой средой.

Обращаясь непосредственно к конструкции ст. 159.6 УК РФ, можно заключить, что способом этого вида хищения является ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Спецификой рассматриваемого вида хищения выступают новые способы изъятия или обращения чужого имущества или права на чужое имущество. Для установления свойств таких действий, как ввод, блокирование, модификация и удаление, необходимо обращаться к Методическим рекомендациям по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, а категории «компьютерная информация» – к примечанию к ст. 272 УК РФ⁹. Для определения категории «информационно-телекоммуникационные сети» следует обращаться к ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ как основному акту, регулирующему сферу информации. Следует согласиться и с мнением ученого [20] о том, что состав преступления (ст. 159.6 УК РФ), кроме нетипичных для мошенничества способов, характеризуется тем, что хищение происходит не посредством добровольной передачи имущества, как в случае с мошенничеством, а путем тайного способа, поскольку потерпевший, как правило, не осознает противоправного вмешательства в компьютерную информацию. Другими словами, указанные в диспозиции статьи действия предполагают отсутствие личного контакта с потерпевшим и наличие тайного вмешательства в компьютерную информацию.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

На основании исследования различных мнений о юридической природе мошенничества в сфере компьютерной информации сделано заключение о необходимости восстановить устоявшуюся и традиционную логику построения форм хищения в уголовном законо-

дательстве и изменить законодательную конструкцию ст. 159.6 УК РФ. Разделяем мнение ученых о том, что объективная сторона указанного деяния обуславливает абсолютно новую форму хищения, самостоятельную, обладающую всеми общими признаками хищения, а также имеющую собственный признак – специальный способ, установленный в диспозиции ст. 159.6 УК РФ. Представляется правильным законодательный подход, сформированный в Республике Беларусь, где практически аналогичное преступление формально регламентировано в качестве отдельной и самостоятельной формы хищения, а не как специальный вид мошенничества, закреплено в ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З¹⁰.

Предложены следующие направления совершенствования уголовного законодательства:

– исключить ст. 159.6 УК РФ;

– ввести новую норму – ст. 158.2 УК РФ «Хищение в сфере компьютерной информации» с сохранением основных свойств диспозиции и санкций в существующей редакции ст. 159.6 УК РФ. Предлагается следующая конструкция ч. 1 ст. 158.2 УК РФ: «Хищение в сфере компьютерной информации, то есть изъятие (или) обращение чужого имущества или права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Существующая законодательная конструкция преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», в силу особого способа совершения нарушает традиционную логику построения различных форм хищения. В свою очередь, такая ситуация обуславливает исключение ст. 159.6 из УК РФ, а также введение новой нормы – ст. 158.2 УК РФ «Хищение в сфере компьютерной информации» при сохранении основных признаков диспозиции и санкций, закрепленных в ст. 159.6 УК РФ.

Вместе с тем вопросы определения размера наказаний по сравнению с иными формами хищения, установления отдельных способов (модификаций) совершения преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, разграничения их с преступлениями, предусмотренными гл. 28 УК РФ, несомненно, требуют дальнейшего научного исследования и обоснования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопашенко Н.А. Компьютерное мошенничество – новое слово в понимании хищения или ошибка законодателя? // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 598–609.

⁸Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 12.09.2018 № 1-302/2018 // Автозаводский районный суд г. Тольятти. URL: https://avtozavodskiy-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=126579684&uid=870ec9dc-5ed2-4a3c-9304-a681aca8cfa3&deloid=1540006&caseType=&new=0&doc=1&srv_num=1.

⁹Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epg.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=4900252>.

¹⁰Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Kodeksy-by.com. Ваш гид в законодательстве Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyi_kodeks_rb.htm.

2. Дуюнов В.К., Хлебущкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. М.: РИОР, 2019. 431 с.
3. Здоровцева А.А. Хищения в системе преступлений против собственности: структурно-правовой анализ. Хабаровск: ТОГУ, 2017. 96 с.
4. Журавлева Г.В., Карпова Н.А. О некоторых особенностях квалификации хищения с использованием компьютерных технологий // Евразийская адвокатура. 2018. № 4. С. 14–18.
5. Григорян Г.Р. О предмете мошенничества в сфере компьютерной информации // Законодательство. 2021. № 9. С. 64–68.
6. Лебедева А.А. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Безопасность бизнеса. 2018. № 5. С. 40–48.
7. Лавицкая М.И., Крапчатова И.Н. Структурно-содержательная характеристика главы 28 УК РФ: юридико-технические и правореализационные проблемы составов преступлений в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2021. № 6. С. 35–41.
8. Елин В.М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления // Бизнес-Информатика. 2013. № 2. С. 70–76.
9. Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. М.: ИЗиСП, 2019. 212 с.
10. Karpoff J. M. The future of financial fraud // Journal of Corporate Finance, Forthcoming. 2020. Vol. 62. P. 1–31. DOI: [10.2139/ssrn.3642913](https://doi.org/10.2139/ssrn.3642913).
11. Иванова О.М. Преступления против собственности: теоретическое и прикладное исследование (история, современность, тенденции). М.: Российский университет кооперации, 2019. 222 с.
12. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 5. С. 25–28.
13. Гайфутдинов Р.Р. Типы компьютерных мошенничеств // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 54–58.
14. Кошаева Т.О. Уголовно-правовые средства противодействия мошенничеству, совершаемому в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 122–132. DOI: [10.12737/jrl.2020.085](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.085).
15. Харитонов А.Н., Никulichенкова Е.В. Квалификация мошенничества в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 35–38.
16. Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex Russica (русский закон). 2021. № 6. С. 108–117. DOI: [10.17803/1729-5920.2021.175.6.108-117](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.108-117).
17. Иванова О.М., Иванов М.Г. Проблемы квалификации «бесконтактных» хищений на стадии возбуждения уголовных дел // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3. С. 121–124.
18. Луценко Е.П. О мошенничестве в сфере кредитования и его отличиях от гражданско-правовых деликтов в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 87–89. DOI: [10.24411/2312-0444-2020-10020](https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10020).
19. Хоменко А.Н., Черемнова Н.А. Способ и цель совершения мошенничества // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 4. С. 95–99.
20. Тюнин В.И., Степанов Ю.И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (криминализация и квалификация преступлений) // Российский следователь. 2021. № 3. С. 41–45.

REFERENCES

1. Lopashenko N.A. Cybercrime: advance in the understanding of fraud or a lawmaker's mistake? *Permskiy yuridicheskiy almanakh*, 2019, no. 2, pp. 598–609.
2. Duyunov V.K., Khlebushkin A.G. *Kvalifikatsiya prestupleniy: zakonodatelstvo, teoriya, sudebnaya praktika* [Classification of crimes: legislation, theory, judicial practice]. Moscow, RIOR Publ., 2019. 431 p.
3. Zdorovtseva A.A. *Khishcheniya v sisteme prestupleniy protiv sobstvennosti: strukturno-pravovoy analiz* [Thefts in the system of property crimes: structural legal analysis]. Khabarovsk, TOGU Publ., 2017. 96 p.
4. Zhuravleva G.V., Karpova N.A. About some features of qualification of plunders with use of computer technologies. *Evraziyskaya advokatura*, 2018, no. 4, pp. 14–18.
5. Grigoryan G.R. Fraud in cyber sphere. *Zakonodatelstvo*, 2021, no. 9, pp. 64–68.
6. Lebedeva A.A. Relevant issues of cyber fraud qualification. *Bezopasnost biznesa*, 2018, no. 5, pp. 40–48.
7. Lavitskaya M.I., Krapchatova I.N. The structural and content characteristics of chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation: legal writing and law enforcement problems of constituent elements of crimes involving computer information. *Rossiyskiy sledovatel*, 2021, no. 6, pp. 35–41.
8. Elin V.M. Computer-related fraud as a new offense in the Russian law. *Biznes-Informatika*, 2013, no. 2, pp. 70–76.
9. Golovanova N.A., Gravina A.A., Zaytsev O.A. *Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii* [Criminal-jurisdictional activity in the context of digitalization]. Moscow, IZiSP Publ., 2019. 212 p.
10. Karpoff J. M. The future of financial fraud. *Journal of Corporate Finance, Forthcoming*, 2020, vol. 62, pp. 1–31. DOI: [10.2139/ssrn.3642913](https://doi.org/10.2139/ssrn.3642913).
11. Ivanova O.M. *Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoreticheskoe i prikladnoe issledovanie (istoriya, sovremennost, tendentsii)* [Crimes against property: theoretical and applied research (history, modernity, trends)]. Moscow, Rossiyskiy universitet kooperatsii Publ., 2019. 222 p.
12. Yani P.S. E-payment fraud. *Zakonnost*, 2019, no. 5, pp. 25–28.
13. Gayfudinov R.R. Types of computer fraudsters. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2017, no. 2, pp. 54–58.
14. Koshaeva T.O. Criminal-legal means of countering fraud in the sphere of entrepreneurial activity. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2020, no. 7, pp. 122–132. DOI: [10.12737/jrl.2020.085](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.085).
15. Kharitonov A.N., Nikulichenkova E.V. Qualification of fraud in the field of computer information. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 11, pp. 35–38.

16. Kochoi S.M. The doctrine and legal positions developed by the courts in theft of someone's property cases. *Lex Russica (russskiy zakon)*, 2021, no. 6, pp. 108–117. DOI: [10.17803/1729-5920.2021.175.6.108-117](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.108-117).
17. Ivanova O.M., Ivanov M.G. The problem of qualification “contactless” theft at the stage of initiating criminal cases. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, 2021, no. 3, pp. 121–124.
18. Lutsenko E.P. About credit fraud and its differences from civil law torts in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2020, no. 1, pp. 87–89. DOI: [10.24411/2312-0444-2020-10020](https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10020).
19. Khomenko A.N., Cheremnova N.A. Problem of qualification fraud. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*, 2018, no. 4, pp. 95–99.
20. Tyunin V.I., Stepanov Yu.I. Theft from a bank account and theft of electronic money (offense criminalization and qualification). *Rossiyskiy sledovatel*, 2021, no. 3, pp. 41–45.

THE PROBLEM OF LEGISLATIVE STRUCTURE OF THE BODY OF A CRIME PROVIDED FOR BY ART. 159.6 “CYBER FRAUD” OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SPECIAL TYPE OF FRAUD

© 2021

L.N. Kabanova, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

T.V. Ushakova, graduate student

P.A. Kabanov, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: fraud; computer information; forms of theft; the way of committing a theft; dishonesty; abuse of trust.

Abstract: The paper considers the issues related to the legal nature of fraud in the cyber realm; the issues of the legislative structure of the body of a crime provided for by Article 159.6 of the RF Criminal Code. The paper reveals the features of the novelty of the Russian legislation – the elements of cyber fraud as a socially dangerous act, taking into account the possible socially dangerous consequences, the specifics of information relations in the sphere of storage, processing, or transmission of computer information. The authors note that the existing structure of a crime, which is provided for by Art. 159.6 of the RF Criminal Code, and its place in the complex of specific types of fraud, today, are the controversial issues primarily caused by the ways of implementation unique for this act. The paper considers the issue when some mistakes, made while adopting the analyzed norm in 2012, were subsequently corrected by the legislator. The authors study the decisions of judicial practice concerning the problems of classification and delineation of cyber fraud from the related bodies of crimes. As a result of the study, core features of cyber fraud affecting the correct classification of a crime are identified. The authors conclude that the existing legislative structure of the crime provided for by Art. 159.6 of the RF Criminal Code “Cyber Fraud” due to the unique way of commitment, violates the traditional logic of constructing various forms of theft, which causes the comprehensive change in its structure. It is proposed to alter the existing structure of Art. 159.6 of the RF Criminal Code changing the form of embezzlement and its structural arrangement within the criminal law.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2021

С.В. Кондратьев, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии; предупреждение преступлений; преступная иерархия; вор в законе; культурология; криминальная субкультура; судебная экспертиза.

Аннотация: Рассмотрены особенности криминальной субкультуры, способствующие укреплению преступной иерархии и занятию высшего положения в ней. Выделены регулятивные и атрибутивные признаки криминальной субкультуры. Соответствующие им культурологические меры по предупреждению занятия высшего положения в преступной иерархии сведены к преодолению тоталитаризма и экстремизма, культа личности преступных лидеров, а также пресечению использования культовых татуировок, жаргона, других атрибутов криминальной субкультуры. Определено, что при установлении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, большое значение имеют специальные знания не только о психической сфере преступника, но и о криминальном «мире», который в своей совокупности образует определенную криминальную субкультуру. Установлено, что атрибутивные элементы криминальной субкультуры выполняют в преступном мире ряд функций: коммуникативную, конспиративную и опознавательно-стратификационную, так как позволяют установить принадлежность конкретного индивида к той или иной преступной касте. Конкретизированы культурологические детерминанты занятия высшего положения в преступной иерархии, и на их основе предложены криминологические подходы к противодействию данному виду преступности. Акцентировано внимание на том, что предметом культурологической экспертизы при установлении факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является конкретный статус отдельного лица, особенности его приобретения и наличие отличительных атрибутивных элементов. Основной задачей эксперта является определение соответствия процесса занятия лицом конкретного криминального статуса существующим нормам, традициям криминального сообщества. На примерах из следственно-судебной практики показаны возможности судебной культурологической экспертизы по установлению фактов и обстоятельств, которые способствовали (могли способствовать) занятию высшего положения в преступной иерархии.

ВВЕДЕНИЕ

Озабоченность государства возрастающим влиянием лидеров преступного мира выражена нормой ст. 210¹ УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Законодателем выделен специальный субъект преступления – лицо, занимающее указанное положение, однако остается неопределенным содержание понятий преступной иерархии и высшего положения в ней [1–3]. Между тем в современной судебной практике можно найти попытки правоприменителя сформулировать данные понятия. Так, Верховный суд РФ в одном из своих определений по уголовному делу трактует статус вора в законе как занимающего высшее положение в преступной иерархии [4]. Этим термином обозначено лицо, обладающее непрерываемым авторитетом в преступном мире. По мнению большинства ученых и данных научной литературы, к статусным лидерам преступной иерархии также относятся положенец, смотрящий, держатель воровской кассы и другие [5–7]. Можно видеть, что содержание понятий, связанных с дефиницией указанной статьи УК РФ, определено правилами и традициями преступного мира [8]. Результаты литературного обзора показали, что эти проблемы совершенно недостаточно разработаны и весьма слабо освещаются, в том числе и в нормативной литературе [9; 10]. Ученые-криминологи указывают, что на современном этапе развития российского общества насаждается преступная идеология, укрепляются воровские традиции и обычаи [11; 12].

Система таких правил и традиций осыящена криминальной субкультурой. По мнению ученых, на ее основе структурируется преступный мир, обеспечивается его устойчивость и стабильность [13]. В соответствии с положениями криминальной субкультуры, воры в законе и иные высшие иерархи преступного мира – это лица, получившие такое звание на воровских сходках, нередко обставленных пышными церемониями и воровскими ритуалами. Принятая в преступном мире ритуальная форма занятия высшего положения в преступной иерархии служит укреплению позитивного имиджа уголовно-воровских обычаев и традиций в общественном сознании. Именно благодаря культурной поддержке преступное лидерство приобретает распространение в обществе. Представители современной молодежи чаще рассматривают образ криминальных лидеров как отрицательный. А часть представителей старшего поколения, напротив, считают, что криминальные лидеры скрываются за имиджем богатых, уважаемых людей, которые в прошлом преступили закон. В любом случае культура закрепляет в общественном сознании идеи и ценности преступного лидерства.

Становится очевидным значение культурологических факторов, детерминирующих совершение такого преступления, как занятие высшего положения в преступной иерархии. Однако до настоящего времени в научной литературе не исследованы культурологические причины преступности рассматриваемого вида. Не разрабатываются и соответствующие направления в противодействии занятию высшего положения в преступной иерархии. Поэтому на современном этапе приобретают

актуальность исследования культового компонента преступлений, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии.

Цель работы – конкретизация культурологических детерминант занятия высшего положения в преступной иерархии и на этой основе предложение криминологических подходов к противодействию данному виду преступности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект настоящего исследования – особенности криминальной субкультуры, способствующие укреплению преступной иерархии и занятию высшего положения в ней. Предмет исследования – определение соответствия процесса занятия лицом конкретного криминального статуса существующим нормам, традициям криминального сообщества. Исследование проведено на материалах практики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, представленных в научной литературе и других источниках.

Ввиду ограниченности практического материала (количество возбужденных уголовных дел по рассматриваемой уголовно-правовой статье составляет единицы) применен кейс-метод для изучения сведений об отдельных лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии. В результате исследования выделены регулятивные и атрибутивные признаки криминальной субкультуры, детерминирующие занятие высшего положения в преступной иерархии. Формально-логический метод положен в основу проведения судебной культурологической экспертизы по установлению фактов и обстоятельств, которые способствовали занятию высшего положения в преступной иерархии. Специальным сравнительным методом судебной экспертизы построены методики проверки достоверности представленных объектов путем установления признаков их фальсификации, уничтожения, видоизменения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Криминальная субкультура как система антиобщественного поведения, способствующая организованности преступных групп

Криминальная субкультура занимает определенное место в сфере культуры. Культура понимается как совокупность производственных, общественных и духовных достижений человека. Ее определяют как совокупность символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность. Она включает убеждения и моральные ценности общества. Однако культура, господствующая в обществе, не носит для него универсального характера. Отдельные общественные группы создают собственную субкультуру как систему ценностей, установок, способов поведения определенной социальной группы [14].

Исследованию криминальной субкультуры уделяют внимание современные криминологи. В научной литературе обсуждаются различные подходы к определению этого феномена. Так, ученые трактуют указанное понятие как систему антиобщественных традиций и обы-

чаев, совокупность ценностей, норм и правил антиобщественного поведения, направленных на организацию преступной жизнедеятельности, искаженных человеческих ценностей, способствующих организованности преступных групп [15]. Встречаются определения данного понятия как социально-негативного поведения на общесоциальном уровне, как определенного уровня развития жизни преступных сообществ, как образа жизнедеятельности участников криминальных групп и стереотипов криминогенного поведения лиц с криминальными установками. Некоторые авторы ограничивают распространение криминальной субкультуры местами лишения свободы [16]. В целом рассматриваемое понятие обозначает правила криминальных взаимоотношений, включающие систему неофициально установленных обычаев, традиций, норм и правил антиобщественного поведения. Криминальная субкультура содержит свод законов для участников преступной деятельности, а также санкции за отступление от них. В ней представлен порядок взаимодействия между преступными группировками. Такая субкультура создает условия для формирования и воспроизводства преступной иерархии. Ее экспансия в общественное сознание осуществляется в интересах статусных лидеров преступного мира. Данный вывод подтверждается наличием в ней структурных элементов, способствующих укреплению преступной иерархии и существованию статусных лидеров в ней.

Сращивание криминальной субкультуры с идеей тоталитаризма и экстремизма

Исследователи обращают внимание на поглощение криминальной субкультурой идеей тоталитаризма и экстремизма. Действительно, одобрение преступной иерархии и культа ее статусных лидеров сращивается с идеологией тоталитарных сообществ. Выраженное в преступной среде пренебрежение законом, а также нормами морали находит замену в криминальной субкультуре идеями экстремизма, прославлением квазиморальных ценностей, оправданием экстраординарных мер для достижения преступными сообществами собственных целей. В таком ключе авторы выделяют среди приверженцев криминальной субкультуры группы экстремистов и радикалистов, тоталитарные организации и др. [17]. Ученые отмечают, что экстремистам, радикалистам и тоталитарным организациям присущи такие общие черты с субкультурой профессиональной и организованной преступности. Поэтому указанные группы можно называть объединениями профессиональных преступников. Становится очевидным, что распространение в обществе криминальной субкультуры способствует укреплению в нем идей тоталитаризма и экстремизма. Это направление в культуре корреспондирует с укреплением преступного лидерства [18]. Поэтому предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии должно производиться по направлениям противодействия указанным идеям, распространяемым средствами криминальной субкультуры.

Криминологи выделяют следующие элементы в структуре криминальной субкультуры: определенный «табель о рангах», который закрепляет положение участника преступного мира посредством таких элементов, как клички, татуировки, привилегии, поведенческие

стереотипы; воровские и тюремные законы, правила, традиции, клятвы, проклятия, принятые в криминальной среде; коммуникативные атрибуты, включающие уголовный жаргон, жесты, клички и татуировки; тюремная лирика (песни, стихи) [19]. К этому перечню другие ученые добавляют невербальные способы общения (жесты, знаки, сигналы) и тюремные традиции и нормы поведения, за нарушение которых предусмотрено наказание, а также криминальный культ, составляющими которого являются культ личности и оружия. В целом элементы криминальной субкультуры разделяют на: 1) регулятивные, т. е. законы и правила поведения, посредством которых осуществляется регулирование криминальных взаимоотношений; 2) атрибутивные – татуировки, жаргон, клички, жестикация, мимика, отражающие принадлежность к тому или иному виду преступной деятельности; 3) эмоциональные, включающие тюремный фольклор.

Авторы, исследуя вопросы привлечения к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, следующим образом выделяют в предмете доказывания обстоятельства культурологического характера, подлежащие установлению в ходе расследования: содержание криминальных традиций и обычаев, правил и процедуры занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также атрибутивных и регулятивных элементов криминальной субкультуры, соответствующих высшему статусу преступной иерархии [20].

Установление фактов и обстоятельств, определяющих культовое содержание способа совершения преступления

При расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии и установлении места и роли конкретного лица в преступном мире применяют специальные знания в области криминальной субкультуры. Формой применения таких специальных знаний называют судебную культурологическую экспертизу [21]. Необходимость экспертных культурологических исследований обусловлена рядом процессов, связанных с развитием информационного общества, массовизацией, поглощающей индивидуальность человека, маргинализацией и глобализацией. Культурологическая экспертиза позволяет исследовать не фрагменты реальной преступной действительности, а криминальное субкультурное пространство и его место в культурном пространстве общества. Объекту, предмету и задачам судебной культурологической экспертизы уделяют внимание ряд авторов. Так, ее содержание трактуют как исследование знаковых, коммуникативных и смысловых аспектов современной культуры. Посредством такой экспертизы оценивается характер символической деятельности человека, т. е. его представления о событии или явлении жизни и отношение к ним. Методологической основой культурологической экспертизы называют культурологический подход, ставящий целью установление культурного значения и ценности предметов, фактов, явлений и суждений сферы культуры. В качестве объектов культурологической экспертизы авторы называют культурные материальные ценности, моральные, нравственные и социальные нормы, мировоззрение, правила и типы поведения и т. п. К матери-

альным объектам такой экспертизы относят произведения художественного творчества, в частности вербальные тексты. В нашем случае объектами экспертного исследования выступают конкретные символические изображения (например, татуировки), а также явления криминальной субкультуры (например, ритуал занятия лицом высшего положения в преступной иерархии), другие материальные носители символических смыслов, означающих принадлежность лица к высшей ступени преступной иерархии.

К предмету культурологической экспертизы относят факты и обстоятельства, исследуемые посредством использования специальных культурологических знаний. Предметное поле культурологической экспертизы обозначают понятием «культурные ценности», такие как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения. Ученые отмечают постоянное расширение предметной области культурологической экспертизы. Применительно к проблематике настоящего исследования определенные факты и обстоятельства занятия высшего положения в преступной иерархии могут быть установлены судебной культурологической экспертизой материальных носителей культовых смыслов. Порядок назначения и производства культурологической экспертизы урегулирован главой 27 УПК РФ.

Конкретизируем задачи судебной культурологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии. По представленным материалам уголовного дела установлению подлежат факты и обстоятельства, определяющие культовое содержание способа совершения преступления. Действия, составляющие способ совершения рассматриваемого преступления, закреплены в криминальной субкультуре. Устанавливаемые факты и обстоятельства, свидетельствующие о воровских обычаях и традициях присвоения лицу лидерского статуса в преступной иерархии, составляют регулятивный элемент криминальной субкультуры. Экспертизой устанавливаются и атрибутивные элементы статусного лидерства – поведенческие стереотипы высшего преступного иерарха, его клички и используемый жаргон.

В общем, объектом культурологической экспертизы по установлению факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии являются неформальные нормы и правила поведения («воровские законы», «преступные традиции», «понятия», «тюремные законы», «прогоны», «правила»), т. е. неписанные императивные нормы преступного мира, посредством которых урегулирована преступная иерархия, а также основания и порядок занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Посредством специальных культурологических знаний в области криминальной субкультуры возможно установить, является ли конкретное лицо ее носителем, т. е. занимает ли данное лицо определенное статусное положение в преступной иерархии; какие регулятивные/атрибутивные элементы криминальной субкультуры свидетельствуют о его криминальном статусе; какими нормами криминальной субкультуры руководствуется данное лицо в ходе реализации приобретенного преступного статуса.

Перечень указанных фактов и обстоятельств позволяет установить культурологические характеристики способа совершения указанного преступления. Так,

задачей данной экспертизы становится установление соответствия процедуры приобретения лицом конкретного преступного статуса нормам, традициям и правилам, закрепленным в криминальной субкультуре. Устанавливаются культурологические признаки данного преступления, такие как выполнение требований, установленных воровским законом для соответствующей высшей ступени преступной иерархии (вор в законе, положенец, смотрящий и др.) в части прав, запретов и обязанностей.

Судебно-экспертная профилактика в системе мер профилактической деятельности органов досудебного следствия и суда

Содержание судебно-экспертной профилактики составляют экспертные профилактические исследования, проводимые в рамках профилактической работы следователя (суда) [22]. В специальной литературе судебная экспертиза признана одним из важных средств определения причин и условий, способствовавших совершению преступлений [23]. Судебно-экспертную профилактику следует понимать как систему мер по применению специальных знаний в профилактической деятельности органов досудебного следствия и суда. Судебно-экспертная профилактика на сегодня приобретает большое значение с учетом развития квалифицированных форм противодействия расследованию [24]. Поэтому оправданным представляется участие судебных экспертов в профилактической деятельности по предупреждению занятия высшего положения в преступной иерархии. На результатах экспертного профилактического исследования материалов расследуемого дела основаны профилактические рекомендации судебного эксперта по предупреждению занятия высшего положения в преступной иерархии.

Продемонстрируем возможности судебно-экспертной профилактики на примере опубликованных материалов следственно-судебной практики по результатам расследования занятия высшего положения в преступной иерархии.

В мае 2021 года Саратовский областной суд вынес обвинительный приговор С.Э. Асатрян (Осетрина Младший) по ст. 210¹ УК РФ¹. Факт занятия осужденным высшего положения в преступной иерархии был установлен в том числе и на основании заключения судебной экспертизы. Объектом экспертного исследования стали татуированные изображения. В результате установлено, что изображение паука, ползущего вверх по паутине, означает, что его носитель не намерен прекращать свою преступную деятельность. Татуированные изображения восьмиконечной звезды соответствуют занятию лицом высшего положения в преступной иерархии. Из приведенного примера можно заключить, что на основе специальных культурологических знаний подтверждена принадлежность лица к высшей ступени преступной иерархии. В профилактическом плане результаты экспертизы свидетельствуют о закреплении в криминальной субкультуре атрибутивных символов преступной иерархии. Поэтому с целью предупрежде-

ния рассматриваемого преступления можно рекомендовать меры по противодействию распространению культа татуированных символов преступного иерарха.

Следует отметить, что во всех доступных и рассмотренных материалах следственно-судебной практики культурологическая экспертиза проводилась только относительно имеющих на теле подозреваемого татуировок. Между тем объектами культурологической экспертизы могут служить не только они. Культурологическому исследованию подлежат и такие атрибутивные элементы криминальной субкультуры, как поведенческие стереотипы, клички и жаргон, а также иные отображения норм, закрепляющих криминальную иерархию и порядок занятия лицом высшего положения в ней.

Так, в научной литературе упомянуто уголовное дело по обвинению Ш.Т. Озманова по ст. 210¹ УК РФ, по которому был вынесен обвинительный приговор 7 октября 2020 года Московским городским судом города Москвы (документ по данному делу официально опубликован не был) [25]. В фабуле дела присутствует ссылка на то, что Ш.Т. Озманов был коронован ворами в законе. Однако при этом отсутствуют сведения о процедуре присвоения лицу указанного статуса. В деле также имеется воровской прогон (циркуляр), адресованный заключенным под стражу в СИЗО «Пресня» и подписанный ворами в законе, среди которых подпись Ш.Т. Озманова. В данном примере очевидны возможности судебной культурологической экспертизы устанавливать, опираясь на материалы дела, соответствие проведенной коронации вора в законе регулятивным нормам (традициям и обычаям), закрепленным криминальной субкультурой. Объектами экспертного исследования могут служить показания участников уголовного процесса, протоколы освидетельствования подозреваемого, различного рода документы (в т. ч. воровские прогоны), а также сведения, зафиксированные техническими средствами. В плане судебно-экспертной профилактики результаты проведенных экспертиз могут свидетельствовать о распространенности культа преступного иерарха, а также о степени общественного восприятия соответствующего ритуала. Культурологические экспертные исследования воровского прогона могут указать на обстоятельства, способствующие распространению и укреплению значения данного рода воровских циркуляров в обществе.

Из текста апелляционного определения Новосибирского областного суда от 5 октября 2016 г. по делу № 22-5764/2016 в отношении лидеров уголовно-криминальной среды А. и Ш. следует, что решение суда основано в том числе и на письменных документах, таких как материалы нелегальной переписки. Подозреваемый распространил среди спецконтингента письменное сообщение (прогон), обязательное для исполнения всеми заключенными и арестованными. В деле фигурируют протоколы осмотра изъятых документов, где приводится их содержание. Имеются результаты оперативно-розыскного мероприятия – прослушивания телефонных разговоров. Заметим, что указанные материалы дела могут стать объектами судебной культурологической экспертизы для выяснения фактов и обстоятельств принадлежности подозреваемых к числу статусных лидеров преступной иерархии. Могут быть установлены обстоятельства, способствующие воспри-

¹Саратовский областной суд вынес приговор «вору в законе» // Саратовский областной суд. URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1698.

ятию воровских прогонов спецконтингентом в качестве циркуляров, обязательных к исполнению. Данные обстоятельства могут служить основанием для выработки профилактических мер среди представителей указанного контингента, направленных на предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

По нашему мнению, культурологическому экспертному исследованию следует подвергнуть факты, свидетельствующие об изменениях воровских обычаев относительно присвоения лицу высшего статуса в преступной иерархии. Так, в 2012 году Андрей Казаков (Чили, Андруха Калининградский), бывший грабитель и насильник лиц престарелого возраста, но еще и охранник со стажем, получил титул вора в законе. Однако данный воровской статус урегулирован рядом запретов: нельзя осуществлять трудовую деятельность, проходить службу в армии, иметь семью, защищать интересы государства, допускать контакты с представителями власти, давать показания следственным и судебным органам и др. Между тем известны и другие воры в законе, получившие преступный статус в обход традиций криминальной субкультуры (например, Вова Питерский, Тимур Саратовский и др. имеют армейское прошлое). Материалы следственно-судебной практики, содержащие факты, противоречащие традиционным нормам криминальной субкультуры, требуют культурологического исследования, в том числе и по вопросам профилактического характера, поскольку изменение воровских традиций и ритуалов затрудняет расследование и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Показано влияние криминальной субкультуры на распространение занятия высшего положения в преступной иерархии. Соответственно, в плане преодоления данного преступления предложено пресекать проявления криминальной субкультуры в общественной практике.

2. Отмечены регулятивные и атрибутивные признаки криминальной субкультуры, детерминирующие занятие высшего положения в преступной иерархии. К регулятивным отнесены присущие криминальной субкультуре тоталитаризм, одобрение идей экстремизма, квазиморальных ценностей, культ личности преступного лидера. К атрибутам приверженцев криминальной субкультуры отнесены татуировки и другие элементы внешности, клички, стереотипы антиобщественного поведения, жаргон.

3. Показано, что меры криминологического предупреждения занятия высшего положения в преступной иерархии следует направлять на преодоление в общественном сознании идей тоталитаризма и экстремизма, на запрет прославления преступных лидеров, а также на пресечение других проявлений криминальной субкультуры, как основных, так и атрибутивных.

4. Предложено проводить судебную культурологическую экспертизу по установлению фактов и обстоя-

тельств, которые способствовали (могли способствовать) занятию высшего положения в преступной иерархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Расторопов С.В., Брежнева К.В. “Viam supervadet vadens”, или как правоприменитель прокладывает свой путь в освоении ст. 210.1 УК РФ // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3. С. 256–259.
2. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57–61.
3. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 147–152.
4. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 110–123.
5. Агапов П.В., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 33–39.
6. Карпов А.А., Кохман Д.В., Грибцов А.Н. Уголовно-правовое регулирование ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности квалификации и перспективы законодательного совершенствования // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2021. № 1. С. 162–171.
7. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica (Русский закон). 2020. № 10. С. 159–170.
8. Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Лапша В.Л. Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 210.1 УК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 2. С. 82–87.
9. Глупова А.В., Карчаева К.А. К вопросу применения статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4. С. 267–268.
10. Ишигеев В.С., Исакова Е.А. Влияние искусства и средств массовой информации на формирование правосознания сотрудников полиции // Философия права. 2021. № 1. С. 169–172.
11. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 46–52.
12. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблемные вопросы доказывания статуса «вора в законе» у обвиняемого при расследовании преступлений // Закон и право. 2019. № 6. С. 140–142.
13. Топильская Е.В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалист. 2020. № 2. С. 38–42.
14. Брежнева К.В. Криминологические детерминанты профессиональной преступности и отдельные про-

- блемы ресоциализации рецидивистов // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4. С. 38–41.
15. Караваева Ю.С. Криминологическое-правовое значение высшего положения в преступной иерархии как характеристики социального статуса субъекта преступления и личности преступника // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 3. С. 64–71.
 16. Берестовой Д.А. Преступная причастность к аутоагрессивным актам в местах изоляции от общества: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Аграрное и земельное право. 2021. № 3. С. 124–128.
 17. Беляева Т.Н., Борисов С.В. Противодействие экстремизму (терроризму): приоритетное направление правоохранительной деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4. С. 105–116.
 18. Расторопов С.В., Брежнева К.В. Влияние средств массовой информации на отношение в российском обществе к лидерам организованной преступности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5. С. 274–276.
 19. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26–31.
 20. Ишигеев В.С., Смолькова И.В., Пузикова А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии как объект криминологического исследования // Российский следователь. 2020. № 11. С. 45–48.
 21. Дамдинов Б.В., Парфенов А.В. Применение специальных познаний в организации оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по борьбе с организованной преступностью и привлечению к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии // Закон и право. 2021. № 5. С. 176–178.
 22. Моисеев А.М., Кондратюк С.В., Налапкин А.П. Профилактика преступлений в структуре судебно-экспертных технологий // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2. С. 367–371.
 23. Хрусталева В.Н. К вопросу о содержании профилактической деятельности судебного эксперта // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 237–241.
 24. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 105–108.
 25. Скобликов П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4. С. 43–51.
 - the Russian Federation. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 256–259.
 2. Stepanov-Egiyants V.G. On criminalization of occupation of the supreme position in a criminal hierarchy. *Rossiyskiy sledovatel*, 2019, no. 5, pp. 57–61.
 3. Karmanovskiy M.S., Kosyanenko E.V. Responsibility for crimes under the articles 210 and 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 147–152.
 4. Shesler A.V. “Thief in law”: criminal status or basis of criminal liability. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2020, no. 1, pp. 110–123.
 5. Agapov P.V., Sukharenko A.N. Relevant Issues of Struggle against Russian Criminal Environment Leaders. *Bezopasnost biznesa*, 2017, no. 5, pp. 33–39.
 6. Karpov A.A., Kokhman D.V., Gribtsov A.N. Criminal law regulation of responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy: features of qualification and prospects for legislative improvement. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 2021, no. 1, pp. 162–171.
 7. Pantyukhina I.V., Larina L.Yu. Issues of Regulation and Application of the Criminal Law Norm providing for Responsibility for Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, no. 10, pp. 159–170.
 8. Ishigeev V.S., Romanova N.L., Lapsha V.L. Criminal the subculture and its role in determining the highest provisions in criminal hierarchy (Issues qualifications in the Article 210.1 the Russian Criminal Code). *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2020, no. 2, pp. 82–87.
 9. Tlupova A.V., Karchaeva K.A. On the application of article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2021, no. 4, pp. 267–268.
 10. Ishigeev V.S., Isakova E.A. The influence of art and media on the formation of the legal consciousness of police officers. *Filosofiya prava*, 2021, no. 1, pp. 169–172.
 11. Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Criminal subculture and its prevention. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2015, no. 2, pp. 46–52.
 12. Ardashev R.G., Turkova V.N. Problematic issues of proving “thief in law” status of an accused while investigating crimes. *Zakon i pravo*, 2019, no. 6, pp. 140–142.
 13. Topilskaya E.V. On some specifics of the elements of crimes provided for in art. 210 and art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Kriminalist*, 2020, no. 2, pp. 38–42.
 14. Brezhneva K.V. Criminological determinants of professional crime and some problems of resocialization of repeat offenders. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2020, no. 4, pp. 38–41.
 15. Karavaeva Yu.S. Criminological and legal value of the highest position in the criminal hierarchy as characteristics of the social status of the subject of the crime and the personality of the criminal. *Rossiyskiy zhurnal pravovyykh issledovaniy*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 64–71.
 16. Berestovoy D.A. Criminal involvement in auto-aggressive acts in places of isolation from society: criminological

REFERENCES

1. Rastoropov S.V., Brezhneva K.V. “Viam supervadet vadens”, or how the law enforcement paves his way in the development of art. 210.1 of the Criminal Code of

- and criminal-legal aspects. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, 2021, no. 3, pp. 124–128.
17. Belyaeva T.N., Borisov S.V. Countering extremism (terrorism): priority direction of law enforcement activities in the aspect of ensuring national security. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 105–116.
 18. Rastoropov S.V., Brezhneva K.V. The influence of the media on the attitude in Russian society to leaders of organized crime. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2020, no. 5, pp. 274–276.
 19. Bychkov V.V. Criminal characteristic the first in criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 3, pp. 26–31.
 20. Ishigeev V.S., Smolkova I.V., Puzikova A.V. Occupation of the highest position in a criminal hierarchy as an object of criminalistic research. *Rossiyskiy sledovatel*, 2020, no. 11, pp. 45–48.
 21. Damdinov B.V., Parfenov A.V. Application of special knowledge in the organization of operational-search, search and identification activities to combat organized crime and bring to criminal responsibility persons occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Zakon i pravo*, 2021, no. 5, pp. 176–178.
 22. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V., Nalapkin A.P. Prevention of crimes in the structure of forensic expert technologies. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 367–371.
 23. Khrustalev V.N. On the issue of the content of the preventive activities of the forensic expert. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2020, no. 2, pp. 237–241.
 24. Khmyz A.I. To a question about expert prevention in the production of judicial expertise. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 105–108.
 25. Skoblikov P.A. First verdict on charges of occupation of the highest position in the criminal hierarchy: media coverage and importance to law enforcement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2020, no. 4, pp. 43–51.

PREVENTION OF TAKING UP THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: CULTURAL ASPECT

© 2021

S.V. Kondratyuk, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: the highest position in the criminal hierarchy; crime prevention; criminal hierarchy; code-bound thief; cultural studies; criminal subculture; forensic examination.

Abstract: The paper analyzes the features of the criminal subculture that contribute to strengthening the criminal hierarchy and occupying the highest position in it. Regulatory and attributive features of the criminal subculture are highlighted. The corresponding cultural measures aimed at prevention of taking up the highest position in the criminal hierarchy are reduced to overcoming totalitarianism and extremism, the cult of criminal leaders’ personality, restriction on the use of cult tattoos, jargon, and other attributes of the criminal subculture. It is specified that when identifying a person who holds the highest position in the criminal hierarchy, special knowledge is essential not only regarding the mental sphere of the criminal but also about the criminal “world”, which in its whole forms a certain criminal subculture. It is proved that the attributive elements of the criminal subculture perform a number of functions in the criminal world, such as communication, conspiracy identification, and stratification as they allow to establish affiliation of a particular individual to a particular criminal caste. The paper specifies cultural determinants of taking up the highest position in the criminal hierarchy, and on their basis describes criminological approaches to prevent this type of crime. It is emphasized that the subject of cultural expertise in establishing the fact that a person holds a higher position in the criminal hierarchy is the specific status of this individual, the features of its acquisition, and the presence of distinctive attribute elements. The main task of the expert is to determine the conformity of the process of taking up a specific criminal status by a person to existing norms and traditions of the criminal community. The examples from investigations and court practice demonstrate the possibilities of forensic cultural expertise to establish the facts and circumstances that contributed (could have contributed) to the occupation of the highest position in the criminal hierarchy.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ: ТЕНДЕНЦИИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ И РАСШИРЕНИЮ

© 2021

А.М. Мусеев, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс», заведующий кафедрой правовых дисциплин
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)
Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь (Россия)

Ключевые слова: цифровая криминалистика; криминалистический учет; специальные исследования; расширенный доступ; семантический поиск.

Аннотация: В современных условиях информационный подход активно внедряется в следственную (судебную) практику. Однако его компьютеризация вызывает затруднения организационного характера, что актуализирует исследования в данном направлении. Работа посвящена проблемам применения криминалистического учета в качестве информационного источника в уголовном судопроизводстве. Криминалистический учет представлен как самостоятельное учение в криминалистике. Рассмотрено содержание понятия объекта криминалистического учета. Рекомендовано применять матричное представление объектов и их признаков. Показаны перспективы объединения криминалистических регистраций и учета. Рассмотрены новые объекты криминалистического учета, к которым отнесены цифровые следы. Выявлена тенденция к формированию единого информационно-поискового пространства для задач следственной и судебной практики. Проанализированы негативные факторы, оказывающие влияние на объекты криминалистического учета и на каналы передачи информации. Для выявления таких факторов предложено проводить комплексное экспертное исследование подучетных объектов с целью установления факта их фальсификации, видоизменения или искажения. Для обеспечения информационной безопасности предложено применять принцип дублирования относительно информации, заключенной в признаках объекта, и материальных носителей информации. Положительный эффект при этом достигается за счет использования большого количества информационных сигналов, передаваемых в различных формах и по независимым каналам. Перспективными признаны информационные системы на основе веноскопии, ретиноскопии, изучения признаков рисунка флексорных линий, одонтометрии, по признакам ушной раковины, а также на основе физиологических, поведенческих и других динамических признаков человека. Получен вывод о нечетком характере представления объектов объединенного криминалистического учета. Для преодоления данного негативного фактора рекомендовано использовать алгоритмы семантического поиска.

ВВЕДЕНИЕ

Как ответ на организованный и технологически оснащенный характер современной преступности, криминалистами предложен информационный подход в следственной и судебной практике. Криминалистические учеты содержат сведения о средствах преступной деятельности, предметах, веществах, других объектах, связанных с событием преступления. Поэтому информатизация криминалистических учетов признается перспективным направлением в криминалистике [1].

Современные авторы акцентируют внимание на применении криминалистических учетов как информационных источников в уголовном судопроизводстве, а также в качестве массива образцов для экспертного исследования преступлений способствует автоматизация криминалистических учетов [2–4]. Полноте и оперативности расследования преступлений способствует автоматизация криминалистических учетов [5–7]. Учеными признано, что криминалистические учеты создаются по принципам законности, системности, планомерности, научности [8; 9]. Объекты, размещенные в таких учетах, являются носителями криминалистически значимой информации. Сведения, получаемые из таких источников, могут приобретать доказательственное значение, а также использоваться для планирования расследования, выдвижения версий [10; 11].

Однако до настоящего времени криминалистические учеты остаются разрозненными информационно-

поисковыми системами. Такое положение дел связано с отсутствием общепризнанного определения понятия подучетных объектов, а также единых подходов к описанию и кодированию их признаков. Криминалистические информационные источники остаются закрытыми для государственных и общественных структур по направлениям профилактики преступлений. Нельзя назвать решенной проблему информационной безопасности при обращении к массивам криминалистических учетов. Изложенное актуализирует проблему расширения возможностей использования указанных систем.

Цель работы – определение направлений совершенствования криминалистических учетов в свете задач информатизации следственной и судебной практики.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами настоящего исследования послужили современные виды и формы криминалистических учетов, а также данные следственно-судебной практики, отображающие результативность их применения.

Последовательность изложения материала предполагает поступательное раскрытие следующих смысловых блоков: 1) теоретические основы построения криминалистических учетов; 2) объекты, размещаемые в криминалистических учетах; 3) криминалистические регистрации и учет; 4) объединение криминалистического и экспертных учетов; 5) семантический поиск. На каждом

из этапов анализировалась научная литература по теме исследования. При этом использовались общенаучные, формально-юридический (при исследовании информационной безопасности пользователей криминалистического учета), сравнительно-правовой (при установлении негативных факторов, оказывающих влияние на объекты криминалистического учета и на каналы передачи информации) методы. Сформулированные тезисы подтверждены данными следственно-судебной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические основы построения криминалистических учетов

Современным средством организации криминалистических учетов стали информационные сети. Однако соответственно развитию информатики научный базис их применения требует усовершенствования. Криминалистический учет приобрел статус самостоятельного криминалистического учения. В его понятийный аппарат включают научные определения криминалистического учета и регистрации, понятие криминалистически значимой информации, информационных массивов и криминалистических баз данных, криминалистической информационной системы и др. До настоящего времени продолжают дискуссии относительно смыслов указанных понятий (А.П. Аленин, И.А. Возгрин, Г.И. Грамович, Р.Е. Демина, Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко, С.П. Митричев, Г.М. Меретуков, Н.И. Порубов, М.П. Терещенко, А.Г. Филиппов, В.И. Шаламов, Н.Г. Шурухов, С. Backman, В. Heberton, Т. Terry и др.). В научной литературе выделена отрасль «криминалистическая информатика» [12]. Из результатов проводимых в этом направлении исследований выделяем обоснование информатизации криминалистических учетов.

Соответственно информационному подходу в криминалистике расследование преступлений понимают как деятельность информационно-познавательную. Расследование преступления сводится к систематизации информации о преступлении. Событие преступления рассматривают как процесс взаимодействия и следообразования. Содержание информационного подхода в криминалистике дополняем следующими положениями.

1. Информацию представляем как основной ресурс производства расследования. Ее обозначают как криминалистическую [13] либо как информацию криминалистического значения. В ходе расследования ее добывают и перерабатывают.

2. В результате производства следственных действий она приобретает значение доказательственной, если отображает элементы предмета доказывания.

3. Доказательство трактуем как носитель криминалистической информации. Исходя из информационной сути криминалистической деятельности, предлагаем классифицировать доказательства по типу носителя информации. Если носителем информации, имеющей доказательственное значение, является сознание лица, т. е. в его памяти сохранены сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, то такие доказательства называют показаниями. Ко второму типу носителей доказательственной информации относим документы, т. е. материальные объекты, на которых ин-

формация закодирована буквенным (письменные документы), цифровым (например, электронные носители информации), пиктографическим, аналоговым кодом. К последним относим фото-, кино-, видеодокументы. Носители такого типа могут приобретать процессуальный статус протоколов следственных действий, а также выступать как «иные (другие) документы». К третьему типу носителей доказательственной информации относим такие, в которых доказательственная информация зафиксирована их свойствами, причем отдельные из этих свойств формируются или видоизменяются в процессе совершения преступления. В итоге свойства такого объекта отображают преступное событие на его стадиях. Очевидно, что в данном случае речь идет о вещественных доказательствах.

Объекты, размещаемые в криминалистических учетах

Криминалистические учеты формируют из объектов различной природы. Однако в научной литературе до настоящего времени отсутствует единое понимание объекта, размещаемого в криминалистических учетах. В различных научных источниках к таким объектам относят материальные вещи, информацию, следы либо признаки [14]. Между тем представление об объекте криминалистического учета способствует уяснению его сущности и создает условия для использования информации, содержащейся в нем. Объект и его структура определяют содержание информационных систем в криминалистике. Его называют элементом теории информационного обеспечения расследования преступлений [15].

В настоящее время превалирует позиция, что криминалистический учет составляют объекты и явления материального мира. Ранее к объектам криминалистического учета ученые относили преступный элемент страны, предметы, которые были добыты преступным путем, потерпевшие, неопознанные трупы и лица, пропавшие без вести; преступные действия, а также следы, оставленные преступником на месте совершения противоправного деяния [16]. Сейчас с позиций информатизации объектами криминалистического учета считают сведения, используемые в ходе раскрытия и расследования преступлений, а также имеющие значение для профилактической деятельности следствия (суда). Другими словами, объектом учета авторы называют криминалистическую информацию. Такой взгляд сформировался, исходя из его представления как информационной системы.

Однако, по нашему мнению, информацию не следует отрывать от материального носителя. В пределах задач следственной и судебно-экспертной практики объект криминалистического учета рассматриваем как информационный носитель, применяемый при получении и оценке доказательств, либо как образец, используемый при производстве экспертизы. Поэтому объекту криминалистического учета необходимо представлять в формате, сравнимом с форматом доказательств, в частности объектов экспертизы. Для этого рекомендуем применять матричное представление таких объектов. Его сущность состоит в следующем. Объект описываем совокупностью признаков, имеющих значение для следственной и судебно-экспертной практики. В каждом признаке выделяем его составляющие элементы:

1) информацию и 2) материальный носитель информации. Признаки объекта распределяем по установленной специальным исследованием природе его происхождения.

Другим параметром признака называем следственную-экспертную задачу, для решения которой он имеет значение. При таком подходе признаки приобретают две координаты: 1) природа происхождения признака (механическая, химическая, биологическая и т. п.) и 2) решаемая задача (признаки идентификационные, диагностические, профилактические и др.). Каждый признак объекта размещаем в ячейке матрицы, по строкам которой распределены признаки одной природы происхождения, а по столбцам – экспертные задачи, для решения которых применимы данные признаки. Предлагаемый матричный подход позволяет распределять признаки объекта и по другим параметрам, например характеру признака (динамический/статический), степени выраженности (слабовыраженный/выраженный), размерности (точечный, линейный, поверхностный, объемный). Данный подход позволяет представить объект криминалистического учета в виде многомерной матрицы. В таком случае он также приобретает матричную форму с добавлением координаты, по которой размещаем входящие в криминалистический учет объекты. В итоге такой учет в целом, а также его объекты и признаки открыты для цифровизации. Кодирование объекта учета как системы его признаков предлагаем производить путем описания их на естественном (юридическом) языке. Тогда оцифрованный криминалистический учет становится пригодным для организации семантического поиска по массиву объектов-носителей криминалистической информации.

Криминалистическая регистрация и учет

Информатизация криминалистических учетов открывает перспективы объединения их с криминалистической регистрацией. По своему смысловому содержанию данные понятия сопоставимы. Представляется, что они соотносятся как целое и часть. Действительно, регистрацию понимают как начальную операцию при формировании криминалистического учета. Регистрацию трактуют как запись или отметку с целью учета. Обращаем внимание, что регистрация означает фиксацию индивидуализирующих признаков объектов, связанных с событием преступления.

Криминалистической регистрации подлежат объекты следующих видов:

1) лица различных категорий (подозреваемые, обвиняемые, осужденные, разыскиваемые, арестованные или задержанные, пропавшие без вести и т. п., а также трупы и их фрагменты, костные останки). Регистрация указанных объектов производится по общефизическим, анатомическим, функциональным, биологическим и другим признакам;

2) различного рода материальные предметы – оружие, пули, гильзы со следами огнестрельного оружия, самодельные взрывные устройства, похищенные транспортные средства; похищенные и бесхозные вещи, поддельные документы и деньги и т. п.;

3) события преступлений (фиксируется способ совершения, орудия преступления, типичные следы и другие признаки).

Такие же объекты входят и в криминалистические учеты.

Авторы разделяют понятия объекта криминалистического учета и объекта криминалистической регистрации. В литературе криминалистического направления доминирует мнение об их несовпадении. Криминалистический учет предусматривает систематизацию зарегистрированных объектов и представление их в виде, пригодном для применения в задачах следственной и судебной практики. В таком смысле учет определяют как процедуру фиксации зарегистрированного объекта. Криминалистическим учетам сопутствует система поиска, адаптированная к задачам указанного типа. Очевидно, что оперативности поиска способствует информационный подход к созданию и функционированию систем криминалистической регистрации. Информатизация также обеспечивает и объединение систем криминалистической регистрации и криминалистического учета. В этом плане предлагаем параметры регистрации объекта (наименование, другие установочные данные) рассматривать как его дополнительный признак при размещении в криминалистическом учете. Объем криминалистического учета при этом увеличивается за счет подключения системы регистрации. Но используемые средства автоматизированного поиска по информационным массивам не критичны к увеличению их объема. Однако разобщенность регистрации и учета создает определенные технические трудности. Поэтому слияние информационных ресурсов криминалистической регистрации и криминалистических учетов в объединенный криминалистический учет делает его перспективным для применения в следственной и судебной практике.

Произведем обобщение характеристик разнообразных объектов, размещаемых в криминалистическом учете. Они содержат объекты, в отношении которых были проведены специальные исследования (как правило, в рамках экспертизы определенного вида). С их помощью объект учета распределяют на признаки, которые подлежат цифровизации и систематизации. Тем самым мы обосновываем вывод, что проведение специального исследования объектов обеспечивает их представление в цифровой форме. Цифровизация криминалистического учета соответствует тенденции его включения в информационную систему обеспечения следственной и судебной деятельности.

Объединение криминалистического и экспертных учетов

Рассмотрим соотношение криминалистического и экспертных учетов. Носители криминалистической информации стали общепризнанными объектами учета в следственной и судебной деятельности. К ним относят орудия взлома, стреляные пули и гильзы, неопознанные трупы, поддельные документы и т. п. В судебной-экспертной практике объектами учета становятся следы, обладающие значимыми признаками. В частности, экспертные учеты систематизируют следы человека – дактилоскопической природы (следы неустановленных лиц, изъятые с мест преступлений, а также дактилокарты лиц подучетных категорий); массивы ДНК (неопознанных трупов, а также биологических объектов, изъятых с мест преступлений), образцы голоса,

видеоизображения и субъективные портреты лиц под-учетного контингента [17]. К следам человека относим костные останки и их фрагменты. В экспертные учеты входят механические следы – орудий и инструментов, транспортных средств; пулегильзотеки; оружие огнестрельное и холодное. Авторы подчеркивают значение учета образцов поддельных документов и денежных купюр, микрообъектов (таких как микроволокна, частицы лакокрасочных покрытий, полимеров и металла) [18]. Во всех случаях отмечаем необходимость применения специальных знаний для выделения требуемой информации. В аспекте задач расследования информативные признаки в подучетных объектах выявляют в результате проведения экспертных исследований. Система установленных таким способом признаков конкретизирует данный объект. Можно заключить, что объект экспертных учетов представлен системой признаков, установленных в результате проведения специального исследования. Применена цифровая форма их представления. Отсюда можно заключить, что цифровизация экспертных учетов также соответствует тенденции к их объединению.

На современном этапе объектом экспертных учетов становится цифровой след. Его понимают как представленную в цифровой форме криминалистически значимую информацию, отобразившуюся в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Цифровые следы выделяют наряду с идеальными и материальными. Их определяют и как виртуальные [19]. В научной литературе используют также термины «электронно-цифровые», «информационные», «компьютерно-технические следы». К таким следам относят дампы оперативной памяти и дампы трафиков, файлы и их обрывки, создаваемая программными и аппаратными средствами их получения служебная информация об этих файлах, располагающиеся на материальных носителях информации в виде цифровых кодированных последовательностей. Особенностью цифрового следа называем необходимость применения специальных знаний в области использования специализированных программных и аппаратных средств для его представления в доступной форме. В таком понимании цифровой след относится к объектам компьютерно-технической экспертизы. Другим примером применения специальных знаний для актуализации объекта криминалистического учета выбираем геномный объект. Он представляет собой закодированную запись, содержащую его расшифровку. Представить в доступной форме такую запись может специалист в области медико-биологических исследований. Видим, что определенная часть объектов экспертных учетов по своей природе приобрела цифровую форму. На основе цифровизации экспертные учеты также пригодны для включения в единую информационно-поисковую систему обеспечения следственной и судебной деятельности.

По нашим наблюдениям, современная информатизация уголовного судопроизводства ведет к объединению информационных ресурсов криминалистики и судебной экспертизы. Интеграция этих систем означает создание единого информационного пространства с целью оперативной обработки информации криминалистического значения. Этому может способствовать задействование облачных ресурсов для размещения кри-

миналистического учета. Авторы высказывают мнение о необходимости открытой формы криминалистических ресурсов, использовании их в различных сферах государственной деятельности [20]. Мы считаем оправданным расширение криминалистических информационных систем и на общественную сферу деятельности.

Между тем процесс интеграции криминалистических информационных систем сопряжен с определенными трудностями. Так, благодаря созданию автоматизированных баз данных и защищенных каналов связи существенно повысилась эффективность в сфере получения криминалистически значимой информации. Однако адаптация различных сегментов автоматизированных систем затруднена в силу несовпадения технических параметров канала передачи информации и рабочего места пользователя. Отмечаем проблему доступа к авторизованным ресурсам криминалистической регистрации и криминалистических учетов с автоматизированного рабочего места (далее – АРМ) эксперта. В настоящее время такие ресурсы функционируют в ведомственных сетях. В научной литературе обосновывается позиция о целесообразности переноса криминалистических систем регистрации и учета в общедоступный Интернет. Очевидно, что при этом актуализируется проблема защиты информации, имеющей служебный характер, в уголовном судопроизводстве. В настоящее время для получения доступа к данным системам необходимо получить сертификат ключей проверки электронных подписей.

Наряду с этим мы поддерживаем и другой принцип организации доступа к криминалистическим массивам с рабочего места пользователя (на примере АРМ эксперта). Организация работы эксперта с криминалистическими учетами требует соответствующего программно-технического обеспечения. Современные программно-технические комплексы внедрены в экспертную практику и включены в АРМ эксперта. Такие АРМ обеспечивают удаленный доступ к информационным ресурсам, а также комиссионную форму производства экспертиз, дистанционное участие эксперта в судебном заседании [21].

Конкретизируем факторы, негативно влияющие на получение экспертом криминалистической информации по каналам связи. Прохождение информации по ним сопровождается различного рода потерями. Скорость ее передачи от хранилища к потребителю уменьшена затратами времени на кодирование, передачу и перекодирование в конечном пункте. Отмечают и другие факторы, негативно влияющие на процессы передачи криминалистической информации по каналам связи, такие как технические сбои оборудования, помехи в сетях, а также ошибки персонала и намеренные действия по ее искажению, фальсификации или уничтожению.

Среди негативных выделяем факторы умышленного видоизменяющего воздействия на объекты криминалистического учета. Результатом такого воздействия на материальные носители становится их повреждение, видоизменение или уничтожение. Соответственно, криминалистическая информация при этом искажается, фальсифицируется или утрачивается. Негативные факторы имеют и объективную природу. Так, информация убывает вследствие естественного старения материальных объектов-носителей. Технические сбои, действие

шумов и посторонних сигналов в каналах ее передачи могут исказить полезный сигнал.

Одним из эффективных способов обеспечения целостности информации, т. е. ее устойчивости относительно искажающих воздействий различной природы, называют дублирование. Это означает как увеличение количества копий материальных носителей, так и создание параллельных информационных каналов. Принцип дублирования признают средством защиты информации и от действия факторов случайного характера, и от угрозы преднамеренного воздействия. При использовании массивов криминалистического учета дублирование рассматриваем относительно: 1) информации, заключенной в признаке объекта; 2) материальных носителей информации, каковыми являются признаки объекта. Дублирование предлагаем обеспечивать множественностью объектов, размещаемых в криминалистическом учете. Этим достигается избыточность носителей информации, а также количество и разнообразие каналов ее передачи для использования в следственно-судебной и экспертной практике. Тогда большое количество информационных сигналов, передаваемых в различных формах и по независимым каналам, обеспечивает объективизацию получаемой информации. Применение алгоритмов семантического поиска на этапе обработки сигналов, поступающих от объектов криминалистического учета, уменьшает избыточность до минимально достаточного уровня [22].

Для обеспечения восстановимости при преобразованиях информационного сигнала рекомендовано документировать все шаги и включения/выключения в процессе передачи информации по каналам связи. Такая процедура обозначена термином «принцип блокчейн». Данный подход применим в следственно-судебной и экспертной практике при обращении к массивам криминалистического учета.

Считаем, что для нейтрализации факторов негативного влияния на объекты криминалистических учетов применимы средства судебной экспертизы. Заметим, что объекты криминалистического учета, как материальные предметы, следы, так и цифровой след и геномный объект, представлены в цифровой форме. Подчеркиваем, что признаки действия негативных факторов, заключенные в представленном объекте, носят скрытый и разнообразный характер. Поэтому для их выявления перспективным называем производство комплексного экспертного исследования. Полагаем обязательным проведение экспертного исследования подучетных объектов с целью выявления признаков их фальсификации, видоизменения или искажения.

Таким образом, в плане реализации информационного подхода сложились условия для объединения криминалистического и экспертных учетов в единую информационно-поисковую систему.

Семантический поиск

Устоявшиеся способы построения криминалистического учета отдают предпочтение фиксации идентификационных признаков его объектов. Совокупность указанных признаков составляет идентификационное поле. По нему осуществляется поиск и выделение объекта из числа подобных. Признаки, составляющие идентификационное поле объекта, предложено именовать поис-

ковыми. Идентифицируемым называют объект, устанавливаемый путем поиска по криминалистическому учету. В таком случае идентифицирующими становятся следы, дактилокарты и иные образцы, хранящиеся в массивах криминалистического учета. Однако, поскольку в процессе идентификации задействованы признаки как группового характера, так и индивидуализирующего, обращаем внимание на невозможность их распределения на групповые и индивидуальные без проведения специального исследования.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проблему различного характера признаков объекта учета предлагаем обойти путем использования естественного языка для их описания. Очевидно, что его использование делает представление признаков нечетким. Однако современные поисковые системы позволяют устранять фактор нечеткости описания путем применения семантических алгоритмов. В связи с этим полагаем, что автоматизация криминалистических учетов открывает возможности для организации поиска по идентификационному полю, применяя алгоритмы на основе нечетких параметров. Такого рода семантический поиск предполагает установление совпадений между объектами, представленными расплывчатым описанием признаков. Подобная система признаков подучетного объекта в информатике обозначена понятием нечеткого множества [23]. Для осуществления поиска по таким массивам применяют вероятностные подходы. Подобные алгоритмы позволяют осуществить выделение объекта из массива подобных на основе совпадения нечетких описаний.

В научной литературе предложено преодолевать неопределенность описания объектов с помощью статистических методов. Вероятностный способ описания неопределенностей заимствован из естественнонаучной практики. В зарубежной криминалистике и судебной экспертизе вероятностный принцип применяют уже продолжительное время. Отмечаем, что в понимании отечественных криминалистов вероятность рассматривается как степень внутреннего убеждения об идентификационном значении определенного признака. А в зарубежных странах применение вероятностных методов в следственной и экспертной практике приобрело иное значение. Там допускается вероятностная оценка доказательств с указанием количественной степени их достоверности, как, например, это принято в практике геномной регистрации [24]. Предметом научных исследований зарубежных ученых остается вероятностная оценка достоверности судебных доказательств. При этом в качестве причины неопределенности в их описании называют различного рода ошибки, например естественные неточности показаний добросовестных свидетелей [25]. Распространяем положение о применимости статистических методов к исследованию доказательств, представленных нечеткими описаниями. Из этих соображений выводим необходимость применения математических средств для организации поиска по массивам криминалистического учета, составленным на основе нечетких описаний.

В научной литературе принято за аксиому, что связующим элементом при размещении объектов в крими-

налистическом учете становится личность преступника. Традиционно примером нечеткого описания подучетного объекта служит «модус операнди». Действительно, криминалисты не отмечают полного повторения почерка преступника. Между тем привычки и навыки человека закономерно отображаются в следах преступления. Подобные следы формируются действиями преступника. Поэтому в системе признаков регистрируемых лиц преимущество отдается физиологическим и биометрическим показателям. Например, в настоящее время функционируют массивы радужной оболочки глаза. Такие объекты криминалистического учета характеризуются уникальностью и долговременным идентификационным периодом. Благодаря возможностям современных компьютерных технологий становятся актуальными и массивы новых признаков. К таким, по нашему мнению, перспективным относят портретные изображения, геометрию ладони, других частей тела человека. На основе статистического подхода реализованы поисковые системы по изображениям головы с учетом поворота, наклона, мимики. Работает криминалистическая система «Портрет-поиск», объединяющая разнообразные анатомические, физиологические, функциональные признаки подучетного лица. Однако отмечаем нечеткость признаков подобных объектов, что обусловлено их изменениями, например, в результате пластической операции, или тем, что в геометрии ладони не конкретизирован до настоящего времени комплекс индивидуальных признаков.

В систему криминалистического учета включают другие биометрические данные, представленные нечеткими описаниями. Так, ранее не нашли применения информационные системы по рисунку вен на различных частях тела человека (веноскопия). Но уже в настоящий период находят применение ретиноскопия (массив признаков роговой и сетчатой оболочек глаза), массив признаков рисунка флексорных линий, одонтометрия (описание признаков зубов и зубного ряда). Что касается последнего из указанных направлений, то в качестве объектов такого массива используют следы зубов, рентгенограммы зубов и челюстей, фотоизображения зубного ряда. Объектами учета становятся медицинские данные о состоянии зубов, о прикусе, а также о проведенном терапевтическом, хирургическом, ортопедическом лечении. К подобным системам криминалистического учета авторы добавляют массив по признакам ушной раковины. Данным объектам присущи идентификационные свойства (устойчивость формы и расположения, неповторимое распределение цвета и др.). Однако трудности вызывает неразработанность терминологического аппарата для представления их признаков.

В научной криминалистической литературе внимание уделяют информационным массивам на основе физиологических, поведенческих и других динамических признаков. К ним относят жестикуляцию, мимику, речь, артикуляцию, походку, почерк, подпись и др. Так, опубликованы исследования динамических признаков клавиатурного почерка. По нашим наблюдениям, для задач раскрытия и расследования преступлений значение приобретают поисковые системы учета и по другим динамическим признакам, в основе которых лежит стереотип подсознательных движений (походка, мимика, жестикуляция и т. п.). Очевидно, что реализация ин-

формации подобного характера для формирования криминалистического учета может быть обеспечена применением семантического поиска на основе нечетких алгоритмов.

Суммируя сказанное, поддерживаем внедрение массивов различных биометрических данных в криминалистический учет. Они дополняют различного рода следотеки. Возникающую при этом проблему избыточности описания предлагаем преодолевать на основе технологий информационной обработки больших массивов. Проблема нечеткости описаний объектов криминалистического учета устраняется применением алгоритмов семантического поиска.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Подтверждена перспективность объединения массивов криминалистического учета в единую информационно-поисковую сеть. За счет новых носителей криминалистической информации, таких как электронные следы, цифровые сигналы, файловые структуры и др., предложено расширить круг объектов, размещаемых в криминалистическом учете.

2. Уточнено понятие объекта криминалистического учета. Этим термином предложено обозначать материальный носитель криминалистической информации, закодированной различными способами. Объект, размещаемый в криминалистическом учете, разделен на материальный носитель и информационное содержание. Носителем информации является материальная субстанция (вещественное доказательство, письменный или иной документ), аналоговый и цифровой сигналы, файловая структура. Криминалистическая информация в учетном объекте содержится в его признаках. Признак понимаем как свойство объекта, установленное в результате проведенного специального исследования. Кодированием информации называем способ описания признаков объекта – кодами аналоговым или цифровым, буквенным, пиктографическим, символьным, другим. Тогда объект, размещенный в криминалистическом учете, приобретает вид системы признаков, полученных в результате его всестороннего специального исследования и описанных на естественном языке, а также другими кодами.

3. Конкретизированы перспективные способы кодирования информации, содержащейся в объектах, размещаемых в криминалистическом учете. Выбор новых способов кодирования направлен на представление объекта как системы признаков, выявленных проведенными специальными исследованиями. Описание установленных в ходе указанного исследования признаков объекта предложено производить с использованием естественного языка.

4. Предложено расширить круг пользователей криминалистического учета, включив в него, помимо правоохранительных и судебных органов и судебно-экспертных учреждений, государственные органы и общественные структуры.

5. Показана перспективность цифровой формы представления объектов криминалистического учета. Организацию доступа к массивам криминалистического учета предложено осуществить на основе облачных ресурсов.

6. Предложен комплексный подход к обеспечению информационной безопасности для пользователей криминалистического учета, наряду с применением специальных каналов и криптографических ключей доступа, шифрования, резервного копирования, использования облачных хранилищ, а также технологий блокчейн. Для обеспечения информационной безопасности в качестве перспективного определено широкое применение принципа дублирования, распространяемого как на информационные носители, так и на каналы передачи данных.

7. Внедрение современных средств организации и представления объектов криминалистического учета открывает возможности для применения алгоритмов семантического поиска по его массивам, что расширяет границы применимости криминалистического учета для задач расследования, следственной (судебной) профилактики и прогнозирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Особенности оценки и использования в доказывании результатов судебных экспертиз в условиях цифровизации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 3. С. 3–8.
2. Григорьев А.Н. Информация как объект криминалистического познания // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2016. № 3. С. 13–16.
3. Каминский А.М., Овчинникова Д.А. Использование электронных криминалистически неупорядоченных банков данных в раскрытии преступлений // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2020. Т. 30. № 1. С. 91–98.
4. Бертовский Л.В., Самелюк М.А. Методика расследования преступлений как научно квалификационная работа // *Публичное и частное право*. 2018. № 3. С. 160–184.
5. Аминев Ф.Г., Шахкелдов Ф.Г. Об усовершенствованных специальных методах криминалистики в расследовании преступлений // *Право и практика*. 2021. № 1. С. 87–91.
6. Ложис З.З. Информационное обеспечение расследования преступлений в практике главного управления криминалистики следственного комитета Российской Федерации // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2020. № 1. С. 119–124.
7. Иванов Д.В., Карнаухова О.Г. Правовые основы криминалистической регистрации геномной информации // *Юридическая наука*. 2019. № 11. С. 84–88.
8. Яковец Е.Н., Саркисян Г.Г. История создания криминалистических и криминологических учетов Российской империи // *Вопросы истории*. 2020. № 6. С. 261–268.
9. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция вредоносных программ как способов совершения компьютерных преступлений: классификация и технологии противоправного использования // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14. № 5. С. 699–709.
10. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2021. Т. 1. № 2. С. 193–199.
11. Карагодин В.Н. Цифровизация и наука «Криминалистика» // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*. 2021. № 3. С. 35–39.
12. Смушкин А.Б. О природе электронной цифровой криминалистики // *Lex russica (Русский закон)*. 2020. № 6. С. 110–121.
13. Полякова А.В. Перспективы развития судебной баллистики в свете применения современных способов фиксации криминалистической информации // *Законность и правопорядок*. 2019. № 4. С. 36–41.
14. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // *Вестник Академии права и управления*. 2021. № 2. С. 51–57.
15. Бирюков В.В. Сопутствующие предметы: значение в расследовании преступлений, розыске без вести пропавших и установлении личности неопознанных трупов // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9. № 4-1. С. 350–359.
16. Пшеничный Р.В. Криминалистические учеты и их применение при расследовании и раскрытии преступлений // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 1. С. 156–163.
17. Демин К.Е., Потокин Р.С. Об инновационных технологиях получения дактилоскопической информации, содержащейся в системе криминалистических учетов // *Вестник экономической безопасности*. 2021. № 3. С. 148–151.
18. Колесникова Н.С. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности, влияющие на качество заключения эксперта и достоверность криминалистически значимой информации // *Вестник Российской правовой академии*. 2021. № 3. С. 110–117.
19. Кузьмин И.А. О формировании федерального экспертно-криминалистического учета виртуальных следов преступлений // *Евразийская адвокатура*. 2019. № 1. С. 86–88.
20. Сидоренко Д.Н. Некоторые организационно-методические проблемы территориальных органов внутренних дел по осуществлению экспертно-криминалистической деятельности // *Судебная экспертиза*. 2020. № 2. С. 8–18.
21. Латышов И.В., Пальчикова И.Г., Кондаков А.В., Васильев В.А., Смирнов Е.С. Актуальные проблемы разработки современных технических средств для криминалистического исследования следов выстрела // *Судебная экспертиза*. 2017. № 4. С. 55–64.
22. Мочалова А.В. Алгоритм семантического анализа текста, основанный на базовых семантических шаблонах с удалением // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2014. № 5. С. 126–132.
23. Орлов А.И. Теория нечетких множеств – часть теории вероятностей // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2013. № 92. С. 51–60.
24. Романовская О.В., Романовский Г.Б. Правовое регулирование геномной регистрации в Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2013. № 8. С. 43–46.

25. Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 6–15.
13. Polyakova A.V. Prospects for the development of forensic ballistics in the light of the use of modern methods for recording forensic information. *Zakonnost i pravoporyadok*, 2019, no. 4, pp. 36–41.
14. Kondratyuk S.V. Proving leadership in the criminal hierarchy. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2021, no. 2, pp. 51–57.
15. Biryukov V.V. Related elements: their role in investigation of crimes, search for missing persons and the identification of unidentified corpses. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2019, vol. 9, no. 4-1, pp. 350–359.
16. Pshenichnyy R.V. Criminal records and their application in investigation and solution of crimes. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 2019, no. 1, pp. 156–163.
17. Demin K.E., Potokin R.S. About innovative technologies for obtaining fingerprint information contained in the system of forensic records. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2021, no. 3, pp. 148–151.
18. Kolesnikova N.S. Actual issues of forensic activity affecting the quality of the expert's opinion and the reliability of criminalistic significant information. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*, 2021, no. 3, pp. 110–117.
19. Kuzmin I.A. On the creation of federal forensic accounting of virtual crime traces. *Evraziyskaya advokatura*, 2019, no. 1, pp. 86–88.
20. Sidorenko D.N. Some organizational and methodological problems of territorial bodies of internal affairs in the implementation of forensic activities. *Sudebnaya ekspertiza*, 2020, no. 2, pp. 8–18.
21. Latyshov I.V., Palchikova I.G., Kondakov A.V., Vasilev V.A., Smirnov E.S. Topical problems of the development of the modern technical means for the criminalistic research of the shot tracks. *Sudebnaya ekspertiza*, 2017, no. 4, pp. 55–64.
22. Mochalova A.V. Algorithm for semantic text analysis by means of basic semantic templates with deletion. *Nauchno-tehnicheskiy vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki*, 2014, no. 5, pp. 126–132.
23. Orlov A.I. Fuzzy sets theory as the part of probability theory. *Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2013, no. 92, pp. 51–60.
24. Romanovskaya O.V., Romanovskiy G.B. Legal Regulation of Genomic Registration in the Russian Federation. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 8, pp. 43–46.
25. Usov A.I., Gradusova O.B., Kuzmin S.A. The use of probabilistic and statistical methods to test the significance of scientific evidence: comparative analysis of current forensic practices in Russia and abroad. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 6–15.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. Features of evaluation and use in proving the results of forensic examinations in the context of digitalization. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 3, pp. 3–8.
2. Grigorev A.N. Information as an object of forensic knowledge. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 3, pp. 13–16.
3. Kaminskiy A.M., Ovchinnikova D.A. Use of electronic forensically disordered data banks in crime disclosure. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 91–98.
4. Bertovskiy L.V., Samelyuk M.A. Crimes investigation methods as a scientific and qualification work. *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 160–184.
5. Aminev F.G., Shakhkeldov F.G. About the improved special methods of criminalistics in the investigation of crimes. *Pravo i praktika*, 2021, no. 1, pp. 87–91.
6. Lozhis Z.Z. Information support of crime investigation in the practice of the general directorate of criminalistics of the investigative committee of the Russian Federation. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2020, no. 1, pp. 119–124.
7. Ivanov D.V., Karnaukhova O.G. Legal basis of forensic registration genomic information. *Yuridicheskaya nauka*, 2019, no. 11, pp. 84–88.
8. Yakovets E.N., Sarkisyan G.G. History of the creation of forensic and criminological records of the Russian empire. *Voprosy istorii*, 2020, no. 6, pp. 261–268.
9. Rossinskaya E.R., Ryadovskiy I.A. The concept of malware as a means of committing computer crimes: classification and methods of illegal use. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 699–709.
10. Kondratyuk S.V. The method of committing a crime in the structure of occupation of the highest position in the criminal hierarchy. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2021, vol. 1, no. 2, pp. 193–199.
11. Karagodin V.N. Digitalization and forensic science. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*, 2021, no. 3, pp. 35–39.
12. Smushkin A.B. The nature of electronic digital forensics. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, no. 6, pp. 110–121.

FORENSIC ACCOUNTING: TRENDS TOWARDS UNIFICATION AND EXPANSION

© 2021

A.M. Moiseev, Doctor of Sciences (Law), Professor,
 professor of Chair “Criminal Law and Procedure”, Head of Chair of Legal Disciplines
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
Institute of Economics and Law (branch) of the educational institution of Trade Unions of Higher Education
“Academy of Labor and Social Relations” in Sevastopol, Sevastopol (Russia)

Keywords: digital forensics; forensic accounting; special research; extended access; semantic search.

Abstract: Today, the information-based approach actively penetrates the investigative and litigation practice. However, its cybernation involves organizational difficulties, which make investigations in this field actual. The paper deals with the issues of forensic accounting application as an information source in criminal procedure. Forensic accounting is considered an independent doctrine in criminalistics. The paper presents the comprehension of a forensic accounting object. It is recommended to use the matrix representation of objects and their features. The study shows the prospects of combining forensic registration and accounting. The author considered new objects of forensic accounting, including digital footprints, and identified a tendency towards the formation of an integrated information-retrieval space for the tasks of investigative and litigation practice. The author analyzed the negative factors affecting forensic accounting objects and information transmission channels. To identify these factors, the author proposes to conduct a comprehensive expert study of registered objects to establish the fact of their falsification, modification, or distortion. To ensure information security, it is suggested to apply the duplication principle against the information contained in the object characteristics and physical data carriers. The positive effect is achieved by using numerous information signals transmitted in various forms through independent channels. The information systems based on the study of vein patterns, retinoscopy, the study of signs of the flexor lines pattern, odontometry, and on the signs of the auricle, as well as based on physiological, behavioral, and other dynamic characteristics of a person are recognized as promising. The author concludes on the fuzzy nature of the representation of forensic accounting objects, and to eliminate this negative factor, proposes using semantic search algorithms.

ОТКАЗ ОТ ПРАВА НА ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ

© 2021

И.В. Ревина, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
О.С. Пацутина, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
И.Н. Чеботарева, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия)

Ключевые слова: правосудие; отказ от права; гражданский долг; реализация права; присяжные заседатели; юридическая обязанность; уголовное судопроизводство.

Аннотация: Представлены результаты правового исследования, посвященного вопросам привлечения граждан к отправлению правосудия при производстве по уголовным делам. Действующее уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает соответствующую процедуру. Вместе с тем некоторые аспекты участия граждан в отправлении правосудия в сфере уголовного судопроизводства на сегодняшний день регламентированы недостаточно полно, что вызывает определенные трудности у правоприменителя. Акцентируется внимание на особой конституционно-правовой значимости подобного участия как формы взаимодействия государства и общества в целом. Участие граждан в отправлении правосудия рассмотрено не только как конституционная гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, но и с позиции процессуального обеспечения соответствующего права участника уголовного судопроизводства. Констатируется, что участие граждан в отправлении правосудия в большей степени характеризуется их правом, чем обязанностью. Обосновывается вывод о том, что необходимо по-разному интерпретировать понятия «гражданский долг» и «юридическая обязанность». Такая позиция обоснована тем, что навязанная форма участия в правосудии не исключает возможности умышленного нарушения присяжным заседателем установленных в отношении него запретов. В работе уделено внимание исследованию процесса формирования коллегии присяжных заседателей при производстве по уголовному делу. Авторами выявлены и проанализированы причины, обуславливающие нежелание граждан реализовывать анализируемое право. Рассмотрены как допустимые не противоречащие правовым нормам формы подобного отказа, так и завалированные его виды, препятствующие осуществлению правосудия. Установлено, что отказ от реализации права на отправление правосудия может быть обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. На основе анализа статистических данных и с учетом примеров из судебной практики обоснована необходимость дальнейшего совершенствования норм действующего законодательства в области обеспечения участия граждан в отправлении правосудия.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение правовой сущности правосудия как основной формы осуществления судебной власти, ее различных аспектов не теряет своей актуальности и всегда находится в центре внимания ученых.

Участие граждан в отправлении правосудия имеет особое конституционно-правовое значение. Это право гарантировано каждому гражданину Российской Федерации в соответствии со ст. 32 Конституции. Вовлечение граждан в отправление правосудия можно рассматривать как одно из условий развития подлинно демократических принципов судебной системы, как основную форму взаимодействия государства и общества, важный показатель его правовой культуры.

Вопросы теоретического и практического характера реализации обозначенного конституционного права неоднократно становились предметом оживленных научных дискуссий в юридической литературе. Авторы акцентируют внимание прежде всего на общих вопросах обеспечения конституционного права на участие граждан в правосудии. Так, отмечается, что институты, реализующие привлечение граждан к отправлению правосудия, выступают эффективным средством обеспечения подлинного независимого правосудия, способны

существенно влиять на становление гражданского общества, развитие гражданской ответственности и гражданского правосознания. Знаковым проявлением участия граждан в отправлении правосудия является институт присяжных заседателей [1].

Ключевой аспект анализируемой тематики касается формы привлечения граждан к участию в отправлении правосудия. В научной доктрине выделяют различные способы реализации данного права. Отмечается, что участие граждан в отправлении правосудия может выступать в качестве одной из форм непосредственной демократии. Это проявляется в прямом отправлении правосудия со стороны профессиональных судей, полномочия которых приобретаются с соблюдением демократических процедур, а также в деятельности присяжных заседателей [2]. Отдельные ученые, выделяя комплексный характер участия граждан в отправлении правосудия, предполагают два различных способа участия граждан в осуществлении судебной власти: профессиональный и общественный [3]. Данная позиция находит свое отражение во многих научных работах [4; 5].

Одним из главных событий судебно-правовой реформы в России, бесспорно, является возрождение суда присяжных, призванного оздоровить и повысить эффективность системы правосудия, способствовать фор-

мированию нового правосознания и в конечном счете стать важной гарантией необратимости демократических преобразований государства и общества [6].

При анализе главных преимуществ и недостатков данной формы осуществления правосудия в уголовном процессе отмечается необходимость комплексного подхода к изучению правового регулирования рассматриваемого института [7; 8]. Определению особенностей и совершенствованию института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве посвящено немало работ. В научной доктрине акцентируется внимание на распределении прав и обязанностей по рассмотрению и разрешению уголовного дела между профессиональным судьей (судьей «права») и присяжными заседателями (судьей «факта») [8; 9].

Вопросы повышения эффективности данного института как самостоятельной уголовно-процессуальной формы и обеспечение незыблемости принципа привлечения граждан к отправлению правосудия находятся под пристальным вниманием ученых на протяжении всего периода его функционирования. Так, в качестве факторов, снижающих эффективность правосудия участием присяжных заседателей, ученые отмечают неудовлетворительную законодательную регламентацию отдельных положений данного института, а также низкую правовую культуру населения. Сформулированы выводы о необходимости дальнейшего совершенствования института присяжных заседателей в целях сокращения сроков рассмотрения уголовных дел, обеспечения прозрачности механизма отбора кандидатов в присяжные заседатели, стабильности приговоров, постановленных на основе вердикта, повышения культуры правоприменения в исследуемой сфере [10].

Законодательное урегулирование проблем, связанных с вызовом в судебное заседание лиц, отказывающихся по причинам как объективного, так и субъективного характера от рассмотрения уголовного дела в качестве присяжных заседателей, позволит упростить формирование коллегии присяжных заседателей во время судебного заседания [11], а также будет способствовать совершенствованию института присяжных заседателей как института гражданского общества.

Расширение подсудности суда присяжных в рамках действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) стало существенным шагом в области его реформирования в отечественном уголовном судопроизводстве. Однако до настоящего времени остаются неразработанными существенные вопросы, прежде всего связанные с процедурой отбора присяжных заседателей [12], а также обусловленные возможностью привлечения граждан к ответственности за отказ участвовать в отправлении правосудия [13].

В аспекте обозначенных вопросов высказывают предложения, направленные на изменение норм действующего законодательства и судебной практики с учетом ретроспективного анализа основных источников права [14; 15].

Цель исследования – изучение правовой природы отказа от конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия в уголовном судопроизводстве, разграничение понятий «гражданский долг» и «юридическая обязанность» на основе анализа их

содержания, определение форм и условий допустимости отказа от осуществления вышеуказанного права.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования был использован комплексный подход, состоящий в переносе конституционной модели обеспечения права граждан на участие в отправлении правосудия в сферу уголовно-процессуального права. Данный подход дает возможность рассмотреть его реализацию в качестве процессуального права участника уголовного судопроизводства.

Описываемое в статье исследование проходило в несколько этапов:

1) анализ института присяжных заседателей как основной формы участия граждан в отправлении правосудия в сфере уголовного судопроизводства;

2) определение факторов, обуславливающих отказ от реализации права на отправление правосудия при производстве по уголовному делу;

3) обозначение основных проблем теоретического и прикладного характера, препятствующих совершенствованию данного процессуального института.

На каждом из этапов анализировалась научная литература по теме исследования, сопоставлялись научные идеи с российским уголовно-процессуальным законом, для проверки тезисов анализировалась судебная и зарубежная практика, статистические данные.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Институт присяжных заседателей как основная форма участия граждан в отправлении правосудия в сфере уголовного судопроизводства

В настоящее время единственной формой участия граждан в отправлении правосудия в сфере уголовного судопроизводства является институт присяжных заседателей. Данный институт впервые был закреплен в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Введение суда присяжных стало огромным достижением российского правосудия на пути прогрессивно развивающейся страны. Суд присяжных был самым демократическим достижением судебной реформы XIX века. Однако законодательство о суде присяжных за свою историю претерпело большое количество изменений и дополнений.

Как важнейший инструмент гражданского общества, суд присяжных можно охарактеризовать как дополнительную гарантию в области обеспечения судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Эти обстоятельства обуславливают необходимость комплексного подхода к изучению правового регулирования рассматриваемого института. Отношение к эффективности и целесообразности такой формы отправления правосудия неоднозначно как с позиции ученых, так и со стороны правоприменителя. При анализе некоторых аспектов деятельности присяжных заседателей в научной литературе отмечается, что разрешение уголовного дела в суде присяжных является кульминацией состязательного процесса. Именно с помощью этой формы реализуются все принципы и гарантии принятия

законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Яркий сторонник рассматриваемого института, С.А. Пашин весьма лаконично высказывает свою позицию по этому вопросу, отмечая, что суд присяжных необходим обществу для обеспечения подлинной состязательности и равенства сторон, а также реализации таких принципов уголовного судопроизводства, как презумпция невиновности, право на защиту и влияние защиты в суде [7].

Обосновывая свое мнение неэффективностью данной формы правосудия в целом, в основном прокуроры и следователи акцентируют внимание на незащищенности граждан, являющихся членами жюри присяжных, что не исключает возможного влияния представителей преступного сообщества на их решения по существу дела. В качестве основного аргумента против суда присяжных его оппоненты указывают на вынесение оправдательных приговоров без достаточных оснований, под эмоциональным воздействием, что порождает незащищенность общественных интересов в целом [8].

Реализация права на участие в отправлении правосудия: анализ действующего законодательства и судебной практики

Формирование суда присяжных в уголовном судопроизводстве ориентировано на вовлечение общественности в процесс отправления правосудия. В настоящее время порядок привлечения граждан в статусе присяжных заседателей регулируется Федеральным законом от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее – Закон о присяжных заседателях). Порядок производства в суде с участием присяжных заседателей определен главой 42 УПК РФ. Отдельные вопросы, связанные с участием присяжных заседателей в отправлении правосудия, были разъяснены в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», а также являлись предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации.

Как показывает обобщение судебной практики, количество ходатайств о рассмотрении дела в «народном суде» с каждым годом увеличивается. Мы считаем, что это связано в том числе с изменениями, внесенными в действующее уголовно-процессуальное законодательство, – расширением предметной подсудности уголовных дел этому суду. Так, в 2017 году на рассмотрение присяжных было передано 286 уголовных дел, в 2018 году – в полтора раза больше – 457 дел, затем после вступления в силу этих изменений в 2019 году на рассмотрение уже было передано 724 уголовных дела, в 2020 году – 783 уголовных дела, за первое полугодие 2021 года – 392 дела¹. Эти показатели судебной статистики свиде-

тельствуют об росте активности подсудимых в реализации своего конституционного права на использование именно этой формы судебного разбирательства.

Вопрос о расширении юрисдикции суда присяжных актуален в современных условиях. В научных исследованиях по этому поводу высказываются различные мнения. Так, ряд ученых полагают, что подобные преобразования преждевременны и нерациональны прежде всего с экономической точки зрения. Кроме того, не исключена определенная предвзятость в деятельности присяжных заседателей в небольших населенных пунктах из-за личной заинтересованности [14]. Другие, напротив, считают расширение сферы деятельности суда присяжных очень важным законодательным достижением, которое положительно скажется на качестве предварительного расследования, а также будет способствовать формированию активной гражданской позиции в современном обществе [15].

Ошибочным, на наш взгляд, является утверждение о том, что благодаря проанализированным изменениям были решены многие проблемы, вызванные трудностями при отборе членов жюри.

Участие граждан в отправлении правосудия: гражданский долг или юридическая обязанность

Как показывают различные социологические опросы, сами претенденты на статус присяжных заседателей зачастую не выражают желания воспользоваться анализируемым правом. Так, согласно исследованию, проведенному Общественной палатой Российской Федерации, четверть респондентов указали, что морально не готовы участвовать в процессе в качестве «народного судьи», такой же процент не ответил на вопрос². На практике часто возникают проблемы с формированием коллегии в основном из-за неявки граждан в суд, что, в свою очередь, влияет на сроки разрешения уголовных дел в нарушение ст. 6.1 УПК РФ. В настоящее время у граждан нет мотивации участвовать в судебных заседаниях в статусе присяжных. В некоторых регионах явка кандидатов колеблется от 5 до 10 %. Как показывает практика, из 300 кандидатов, вызванных повестками, в суд приходят не более 20 человек. Часто присяжные заседатели, не мотивировав свое решение, покидают коллегию без каких-либо объяснений³.

Возникает резонный вопрос: является ли участие граждан в отправлении правосудия их правом или обязанностью? Конституционные нормы закрепляют право гражданина на участие в правосудии. В то же время ряд федеральных законов предусматривает, что участие граждан в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей является их гражданским долгом⁴.

²Россияне все больше доверяют суду присяжных – опрос ОП РФ // Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/news/rossiyane-vse-bolse-doverayut-sudu-prisizhnyh-v-grazhdanskikh-processy>.

³Судят по себе. Предложено ввести присяжных в гражданские процессы // Российская газета: Федеральный выпуск. 2020. № 49 (8103). URL: <https://rg.ru/2020/03/05/predlozhenovvesti-prisizhnyh-v-grazhdanskikh-processy.html>.

⁴См. ч. 2. ст. 2 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», а также ч. 2 ст. 8

¹Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2021 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>.

Поэтому необходимо сопоставить категории «гражданский долг» и «юридическая обязанность». Мы считаем, что эти понятия не идентичны по следующим причинам. Гражданский долг в большей степени относится к сфере морального, а не правового регулирования, в отличие от юридического долга. Содержание гражданского долга можно охарактеризовать как субъективное сознательно-волевое понимание гражданином своих обязательств перед обществом и государством в целом. Восприятие себя как члена гражданского общества определяет соответствующее поведение, предполагающее соблюдение правовых и моральных норм в интересах своей страны и общества в целом [16]. Юридическая обязанность предполагает меру надлежащего поведения гражданина, выраженную в нормах права и обусловленную властным требованием [17]. Данная мера осуществляется исходя из необходимости обеспечения общественных интересов, что определяет возможность наступления неблагоприятных правовых последствий в отношении лица в случае отказа от ее осуществления или ненадлежащего осуществления. Это, в свою очередь, способствует воспитанию граждан в духе уважения верховенства закона и права.

В связи с вышеизложенным следует согласиться с мнением А.А. Головачева, который считает, что членство в жюри присяжных «рассматривается не только как общественная обязанность, но и как неотъемлемое право, поскольку оно позволяет стать посредником между требованиями закона и жизнью, предоставляет средство влиять на законодательство и, в то же время, служит общественной школой, через которую законодательство влияет на жизнь» [10, с. 42]. Приведенный выше тезис, на наш взгляд, позволяет утверждать, что реализация этого права в первую очередь зависит от правильного осознания кандидатом в присяжные заседатели своего гражданского долга. В силу особой моральной значимости исключается возможность принудительного исполнения гражданского долга. В противном случае его выполнение становится обременительным обязательством. Поэтому невозможно – и мы полностью согласны с этим утверждением – заставить гражданина быть «судьей факта» против его воли.

Причины отказа от реализации права на участие в отправлении правосудия

На наш взгляд, причины, по которым гражданин может отказаться от осуществления исследуемого права, обусловлены как объективными, так и субъективными факторами. Так, нормы Закона о присяжных заседателях устанавливают определенную категорию лиц, участие которых исключается в судебном разбирательстве в силу прямого указания закона (ч. 2–3 ст. 3). Уголовно-процессуальные нормы также предусматривают, что при наличии обоснованных сомнений в объективности присяжного заседателя в связи с оказанным на него незаконным воздействием или наличием предвзятого мнения, осведомленностью о рассматриваемом деле, а также по другим причинам в соответствии со ст. 61 УПК РФ участие этого лица не допускается.

В данном случае речь идет о безусловном отказе от осуществления такого права, которое, по сути, не зависит от воли субъекта, а прямо вытекает из правовых норм [19; 20].

К сожалению, в судебной практике не исключены такие ситуации, когда потенциальные присяжные заседатели скрывают информацию, которая мешает им участвовать в уголовном судопроизводстве. Именно это обстоятельство послужило основанием для отмены вышестоящей инстанцией вердикта присяжных, вынесенного Курским областным судом. В целях пересмотра решения суда было выявлено нарушение правовых норм в ходе процедуры формирования жюри присяжных, связанное с включением в его состав лица, состоявшего на психоневрологическом учете⁵. В данном случае речь идет о недопустимой форме реализации гражданином своего права на участие в отправлении правосудия, что, в свою очередь, привело к принятию неправосудного решения из-за незаконного состава присяжных заседателей [16].

К числу объективных причин, исключающих для многих возможность такого участия в правосудии, необходимо отнести длительные сроки рассмотрения уголовных дел данной категории, что зачастую является обременительным для граждан, имеющих статус присяжных заседателей, поскольку это негативно сказывается на выполнении профессиональных задач и повседневной деятельности. Например, в США процесс рассмотрения дел обычно не превышает двух дней, четверть всех дел рассматривается не более недели. Доля решений за период более месяца составляет менее одного процента⁶. В Великобритании, несмотря на довольно сложный подготовительный этап судебных процедур, среднее время рассмотрения уголовного дела и принятия по нему решения составляет 5–6 дней. В России срок рассмотрения такой категории уголовных дел исчисляется в лучшем случае месяцами.

Отказ от права участвовать в отправлении правосудия может быть реализован путем самоотвода кандидата в присяжные заседатели. Нормы уголовно-процессуального закона устанавливают перечень лиц, которые могут быть освобождены от обязанностей присяжных заседателей по их устному или письменному заявлению (ч. 7 ст. 326 УПК РФ). Этот список не является исчерпывающим. Ст. 7 Закона о присяжных заседателях дополняет его категориями лиц, которые в силу определенных обстоятельств, обусловленных возрастом, состоянием здоровья, спецификой профессиональной деятельности, могут быть освобождены от выполнения соответствующих обязанностей, но, как подчеркнул Пленум Верховного суда Российской Федерации, только

⁵ Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за второе полугодие 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 марта 2014 г.) // Праворуб: профессиональное сообщество юристов и адвокатов. URL: <https://alexbox.pravorub.ru/personal/37250.html>.

⁶ Профессионализм и независимость. На заседании Клуба имени Замятина обсудили, как развивать институт присяжных // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/03/05/professionalizm_i_nezavisimost_na_zasedanii_kluba_imeni_zamiatina_obsudili_kak_razvivat_institut_p.

по их просьбе с учетом мнения сторон⁷. Следовательно, осуществление права на отказ от участия в отправлении правосудия исключает диспозитивный характер и ставится в зависимость от усмотрения участников процесса в случаях, когда судья не удовлетворяет заявленный отвод на том основании, что его доводы о невозможности участия в судебном заседании не были приняты сторонами во внимание.

По нашему мнению, неправильно, когда граждане включаются в состав жюри против их собственной воли. В связи с тем, что главной характерной чертой института присяжных заседателей является добровольность, мы считаем, что участие граждан в отправлении правосудия в большей степени характеризуется их правом, чем обязанностью. Такая позиция обоснована тем, что навязанная форма участия в правосудии не исключает возможности умышленного нарушения присяжным заседателем запретов, установленных ч. 2 ст. 333 УПК РФ, с целью исключения его дальнейшего участия в производстве по данному делу без каких-либо правовых последствий. В данном случае мы видим завуалированный отказ воспользоваться этим правом.

Основные направления совершенствования суда присяжных как процессуального института

Как показывают различные исследования, необходимо совершенствовать рассматриваемый институт гражданского общества. Юристы выделяют два основных направления: наряду с расширением категории преступлений, подпадающих под юрисдикцию суда присяжных, не менее актуальной является разработка мер, направленных на повышение явки кандидатов в присяжные заседатели, а также исключение возможности их уклонения от участия в судебном заседании.

По словам адвоката А. Сердюка, повысить явку можно различными способами, диаметрально противоположными друг другу. Наряду с предложением ввести ответственность в отношении субъектов, уклоняющихся от явки в суд для участия в судебном заседании в таком статусе, не исключен вариант увеличения материального вознаграждения присяжных заседателей. В любом случае необходимо сосредоточиться на повышении правовой грамотности граждан как факторе, определяющем дальнейшее развитие этого института⁸.

Отметим, что в дореволюционной России не было проблем с формированием коллегий, так как служба присяжного заседателя была не правом, а обязанностью, при этом она никак не оплачивалась.

В анализируемом аспекте привлекает внимание опыт зарубежных стран, когда можно привлечь к ответственности граждан, которые в нарушение своего гражданского долга, при отсутствии уважительных причин, не желают его выполнять. В США, например, благодаря реализации соответствующей программы в 2008 году более 900 тыс. человек были вызваны в качестве при-

сяжных заседателей, и только 6 % проигнорировали повестку в суд.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает ответственность исключительно за неявку на судебное заседание в виде применения меры уголовно-процессуального принуждения – денежного взыскания в отношении лица, указанного в списках присяжных заседателей [18].

Вопрос привлечения граждан к ответственности за отказ участвовать в отправлении правосудия представляет интерес с точки зрения научной дискуссии. Так, в научных публикациях по данному поводу высказываются предложения о введении ответственности как в отношении лица, проигнорировавшего повестку в судебное заседание при отсутствии уважительных причин, так и в отношении работодателя в случае создания препятствий работнику, выразившему желание участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве присяжного заседателя. Некоторые ученые предлагают ввести административную или уголовную ответственность в связи с неявкой граждан в суд для участия в формировании жюри присяжных без уважительной причины, по аналогии с зарубежным законодательством стран англосаксонской правовой системы, которое предусматривает уголовную ответственность при подобных обстоятельствах.

На наш взгляд, такие выводы выглядят опрочечиво. Теоретически возможно, что это поможет привлечь граждан к участию в суде, хотя, вероятно, больше из-за страха наказания. Полностью разделяем мнение ученых, диаметрально противоположное данной позиции, полагающих, что более эффективным было бы сосредоточиться на принятии мер, побуждающих граждан выполнять столь важную гражданскую миссию [13]. Полагаем, материальные стимулы для граждан, а также повышение уровня их правовой осведомленности будут более действенными, нежели привлечение к ответственности.

Сама процедура формирования жюри присяжных также вызывает определенные опасения. Во-первых, процедура отбора кандидатов в присяжные заседатели не регламентирована законом. Закон предусматривает, что отбор осуществляется методом случайной выборки, но нет никакой формы контроля над ходом его осуществления. Возникает ряд процедурных вопросов: как предполагается сформировать коллегия в малонаселенном районе? Подразумевает ли форма случайной выборки кандидата в присяжные заседатели получение от него письменного согласия на участие в отправлении правосудия в этом статусе? Такие теоретические вопросы вызваны допускаемыми на практике нарушениями. Так, Верховный суд Российской Федерации отменил решение суда присяжных в связи с тем, что в вынесении приговора принимал участие гражданин, который не был включен ни в один из списков кандидатов в присяжные заседатели⁹. Во-вторых, закрепленное в законе

⁷П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

⁸См. 7.

⁹Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 сентября 2011 г. № 46-О11-64СП: Суд отменил приговор и направил дело на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе судей, поскольку вердикт по уголовному делу в отношении осужденного вынесен незаконным составом коллегии присяжных заседателей // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/58204028/>.

право сторон ходатайствовать о немотивированном отводе исключает возможность осуществления этого права гражданином, тем самым противоречит сути данного института.

Анализируя эффективность данной формы отправления правосудия, уполномоченный по правам человека Российской Федерации В.П. Лукин высказывает вполне обоснованную мысль о том, что, поскольку ход судебного разбирательства зависит от процедуры отбора присяжных заседателей, необходимо исключить возможность какого-либо внешнего влияния на этот процесс для объективного отправления правосудия [11].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В свете вышеизложенного полагаем, следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают необходимым дальнейшее совершенствование действующего законодательства, регламентирующего производство в суде с участием присяжных заседателей. Актуальная проблема судопроизводства в современных условиях, обусловленная трудностями в подборе состава присяжных заседателей из-за нежелания граждан участвовать в суде присяжных, не находит должного разрешения ни в теории, ни на практике. Приведенные в статье варианты ее разрешения нацелены на реформирование норм действующего законодательства России.

В качестве самостоятельного тезиса для обсуждения приведем довод о том, что отказ от права участвовать в отправлении правосудия может быть обусловлен как свободным волеизъявлением гражданина, выраженным в нежелании воспользоваться предоставленным ему конституционным правом, так и наличием предусмотренных законом оснований, препятствующих его осуществлению. Реализация права на отказ от участия в качестве присяжного заседателя может быть поставлена в зависимость от усмотрения сторон.

В качестве факторов, исключающих возможность участия в статусе присяжного заседателя, могут выступать: обеспечение собственной безопасности и безопасности семьи; тяжесть и обстоятельства совершенного преступления; недооценка важности этого института гражданского общества, а также важности личного участия, своей роли в отправлении правосудия; формальное отношение к выполнению своего гражданского долга.

Дополнительно отметим, что в проведенном исследовании затронут далеко не полный перечень проблемных вопросов, связанных с участием граждан в отправлении правосудия по уголовным делам. Изучение вопросов, связанных с привлечением граждан к отправлению правосудия, имеет как теоретическое, так и практическое значение для обеспечения конституционных прав граждан, способствует повышению эффективности правосудия и правовой культуры.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Реализация гражданами своего конституционного права на участие в отправлении правосудия зависит от правильного осознания кандидатом в присяжные заседатели своего гражданского долга.

2. Гражданский долг и юридическая обязанность не равнозначные правовые категории.

3. Отказ от реализации права на участие в отправлении правосудия может быть обусловлен как правовыми предписаниями, так и субъективным усмотрением кандидата в присяжные заседатели. Недопустим как противоречащий закону завуалированный отказ от реализации права на участие в правосудии.

4. В качестве гарантии обеспечения явки в судебное заседание кандидатов в присяжные заседатели необходимо в федеральном законе «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» предусмотреть нормы о дополнительном материальном стимулировании; в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации изменить процедуру формирования коллегии присяжных заседателей.

5. В целях эффективного обеспечения участия граждан в отправлении правосудия требуется разработка комплекса мер, направленных на повышение их правовой грамотности.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарутто С.В., Смирнова В.А. Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика. М.: Проспект, 2008. 205 с.
2. Ляднова Э.В. Конституционно-правовое регулирование участия граждан в отправлении правосудия. Орел: ОРАГС, 2009. 103 с.
3. Липчанская М.А. Участие граждан в отправлении правосудия – как способ участия граждан в управлении делами государства // Черные дыры в Российском Законодательстве. 2010. № 4. С. 7–9.
4. Романова Ю.В. Основы конституционных прав граждан на обращение в суд и участие в отправлении правосудия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2003. № 1. С. 87–91.
5. Шиховцова А.О. Конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия: некоторые проблемы развития в российской федерации на современном этапе // Право и политика. 2021. № 6. С. 116–128.
6. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992. 110 с.
7. Пашин С.А. У нас есть много вещей, которые выглядят как настоящие, только не работают // Закон. 2019. № 4. С. 8–21.
8. Рябцева Е.В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 57–60.
9. Чистилина Д.О. Особенности апелляционного порядка обжалования решений судов с участием присяжных заседателей // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 136–141.
10. Перетягко Н.М., Федюнин А.Е. Реализация права граждан на участие в осуществлении правосудия по уголовным делам: законодательные установления и проблемы правоприменения // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 40–46.

11. Лукин В.П. Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России // Безопасность Евразии. 2004. № 4. С. 229–243.
12. Шигуров А.В. Проблемы реализации принципа случайной выборки при формировании коллегии присяжных заседателей в российском уголовном процессе // Юридические исследования. 2016. № 3. С. 7–15.
13. Кобзарёв Ф.М., Смирнова Е.В. Суд присяжных в России расширяется, а проблемы остаются // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 214–218.
14. Бабенко И.А., Кулик Ю.К. Проблемы и перспективы развития института суда присяжных // Современная научная мысль. 2017. № 4. С. 256–261.
15. Демченко В. Суд присяжных: проблемы и возможности // Законность. 2010. № 1. С. 17–21.
16. Ревина И.В. Нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности адвоката. Курск: Университетская книга, 2019. 185 с.
17. Горбачева Е.В. Субъективные права и интересы обвиняемого (подозреваемого) как объект защиты в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 62–70.
18. Пушкин А.В. Суд присяжных: право, долг, обязанность и гарантии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 60–63.
19. Чеботарева И.Н., Пашутина О.С., Ревина И.В. Признаки отказа от субъективного права в уголовном процессе как акта волеизъявления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и Право. 2020. Т. 10. № 4. С. 62–72.
20. Чеботарева И.Н. Отказ от субъективного права в российском уголовном процессе: вопросы теории, нормативного регулирования и правоприменения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 651–665.
5. Shikhovtsova A.O. The constitutional right of citizens to participate in the administration of justice: some problems of development in the Russian Federation at the present stage. *Pravo i politika*, 2021, no. 6, pp. 116–128.
6. Pashin S.A., ed. *Kontseptsiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of judicial reform in the Russian Federation]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 110 p.
7. Pashin S.A. We have a lot of things that look like real, but they don't work. *Zakon*, 2019, no. 4, pp. 8–21.
8. Ryabtseva E.V. Jury trial in Russia: questions to discuss. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2008, no. 1, pp. 57–60.
9. Chistilina D.O. Features of the appeal procedure for appealing decisions of courts with the participation of jurors. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 136–141.
10. Peretyatko N.M., Fedyunin A.E. Implementation of the right of citizens to participate in the administration of justice in criminal cases: legislative provisions and problems of law enforcement. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*, 2020, no. 3, pp. 40–46.
11. Lukin V.P. Problems of advancing the jury's activity in today's Russia. *Bezopasnost Evrazii*, 2004, no. 4, pp. 229–243.
12. Shigurov A.V. Problems of the implementation of the random sampling principle in the formation of the jury in the Russian criminal process. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2016, no. 3, pp. 7–15.
13. Kobzarev F.M., Smirnova E.V. The jury trial in Russia expands, but problems remain. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 214–218.
14. Babenko I.A., Kulik Yu.K. Problems and prospects of the development of institution of jury trial. *Sovremennaya nauchnaya mysl*, 2017, no. 4, pp. 256–261.
15. Demchenko V. Jury court: problems and possibilities. *Zakonost*, 2010, no. 1, pp. 17–21.
16. Revina I.V. *Nravstvennoe sodержanie ugolovno-protsessualnoy deyatel'nosti advokata* [The moral content of the criminal procedural activity of a lawyer]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019. 185 p.
17. Gorbacheva E.V. The subjective rights and interests of accused (suspect) as object of protection in criminal legal proceedings. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2004, no. 3, pp. 62–70.
18. Pushkin A.V. Trial by jury: the right, duty, obligation and warranties. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 60–63.
19. Chebotareva I.N., Pashutina O.S., Revina I.V. Attributes of waiver of rights in criminal proceedings as an act of will. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i Pravo*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 62–72.
20. Chebotareva I.N. Waiver of rights in Russian criminal procedure: issues of theory, legislative regulation, and law enforcement. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 651–665.

REFERENCES

1. Narutto S.V., Smirnova V.A. *Prisyazhnye i arbitrazhnye zasedateli: teoriya i praktika* [Jurors and assessors: theory and practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 205 p.
2. Lyadnova E.V. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie uchastiya grazhdan v otpravlenii pravosudiya* [Constitutional and legal regulation of citizens' participation in the administration of justice]. Orel, ORAGS Publ., 2009. 103 p.
3. Lipchanskaya M.A. Citizens' participation in the administration of justice – as a way of citizens' participation in the management of public affairs. *Chernye dyry v Rossiyskom Zakonodatel'stve*, 2010, no. 4, pp. 7–9.
4. Romanova Yu.V. Fundamentals of the constitutional rights of citizens to appeal to the court and participate in the administration of justice. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2003, no. 1, pp. 87–91.

THE WAIVER OF A RIGHT TO EXERCISE JUSTICE: LEGAL NATURE AND CONTENT

© 2021

I.V. Revina, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
O.S. Pashutina, PhD (Law),
assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
I.N. Chebotareva, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
Southwest State University, Kursk (Russia)

Keywords: justice; waiver of a law; civil duty; exercise of a right; jurors; legal obligation; criminal proceedings.

Abstract: The paper presents the results of legal research on the involvement of citizens in the administration of justice during criminal proceedings. The existing Russian criminal procedure legislation provides for a relevant procedure. However, some aspects of citizens' participation in the administration of justice in the sphere of criminal proceedings, for today, are regulated insufficiently, which causes certain difficulties by an executor of law. The study focuses attention on the special constitutional and legal significance of such participation as a form of interaction of the state and society on the whole. The authors consider the participation of citizens in the administration of justice both as a constitutional guarantee of the defense of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation and concerning the procedural support of the corresponding right of a criminal procedure participant. The paper states that citizens' participation in the administration of justice is characterized to a greater degree by their rights than by responsibility. The authors justify the conclusion on the necessity of different interpretations of the concepts of civil duty and legal duty. Such attitude is proved by the fact that the imposed form of participation in justice does not make impossible the juror's intentional violation of bans stipulated towards a juror. The paper pays attention to the study of the process of trial jury formation in criminal proceedings. The authors identified and analyzed the reasons for citizens' unwillingness to exercise this right. The study considers both the admissible not contradictory to legal rules forms of such denial and its covert types hindering the administration of justice. It is identified that the waiver of a right to exercise justice can be caused both by objective and subjective factors. Based on the analysis of statistical data and with the account of the examples from judicial practice, the authors justify the necessity of further improvement of norms of the current legislation in ensuring the citizens' participation in the administration of justice.

ИНСТИТУТЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© 2021

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: множественность преступлений; неоднократность преступлений; специальный рецидив; административная преюдиция; судимость.

Аннотация: Несмотря на то, что законодатель постепенно расширяет количество составов преступлений с признаком административной преюдиции, до сих пор в Общей части УК РФ не дается никакого определения административной преюдиции. Это приводит к тому, что признаки административной преюдиции в составах преступлений Особенной части УК РФ сформулированы по-разному. В частности, одни составы преступлений содержат признак неоднократности как элемент административной преюдиции, а другие – нет. В рамках данного исследования также затрагивается иной институт уголовного права – множественность преступлений. Это обусловлено тем, что параллельно с административной преюдицией постепенно стала вводиться ответственность для лиц, имеющих судимость за тождественные и (или) однородные деяния. Это свидетельствует как о возрождении ответственности за специальный рецидив, так и о появлении уголовно-правовой категории, не охватываемой этим понятием. Для выявления проблем, связанных с конструкцией составов преступлений с обозначенными признаками, и определения путей их решения проводилось межотраслевое сравнение норм уголовного и административного законодательства, анализировались доктринальные точки зрения, уяснялась позиция правоприменителя в лице высших судебных инстанций, исследовался законопроект о внесении изменений в УК РФ. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что признаки административной преюдиции в составах преступлений Особенной части УК РФ сформулированы по-разному. Это осложняет правильное толкование данных уголовно-правовых норм. Некорректной также видится конструкция ч. 1 ст. 284.1 УК РФ, содержащей одновременно и признак административной преюдиции, и признак судимости за тождественное деяние. Критические замечания вызывает и позиция Правительства РФ, выраженная в законопроекте № 536-8 об изменении ст. 116.1 УК РФ.

ВВЕДЕНИЕ

Институт множественности преступлений давно известен российскому уголовному законодательству. До 8 декабря 2003 года к видам множественности относились повторность (неоднократность), совокупность и рецидив. Понятие неоднократности давалось в ст. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ институт неоднократности был упразднен. Одновременно из Особенной части УК РФ исключались нормы с признаками неоднократности и (или) специального рецидива (например, п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лицом, ранее судимым за убийство). Единственными нормами, сохранившими после 08.12.2003 признаки неоднократности, остались ст. 154 и 180 УК РФ. Это обуславливалось тем, что здесь неоднократность являлась обязательным признаком объективной стороны преступлений, а не видом множественности.

Спустя восемь лет, т. е. с 2011 года, термин «неоднократность» как признак объективной стороны преступления стал вводиться в другие статьи Особенной части УК РФ. Например, федеральным законом от 21.07.2011 № 253-ФЗ в УК РФ была установлена ответственность за неоднократную розничную продажу алкоголя несовершеннолетним гражданам (ст. 151.1 УК РФ). При этом в примечании к данной норме под неоднократностью понимается повторное совершение деяния, описываемого в ст. 151.1 УК РФ, лицом с непогашенным административным наказанием за такие же действия. В примечаниях к составам преступлений по

ст. 212.1 и 314.1 УК РФ при формулировке признака неоднократности указывается термин «административная ответственность».

На сегодняшний день Особенная часть УК РФ насчитывает двадцать составов с признаком, который в доктринальной литературе принято именовать административной преюдицией [1; 2]. Однако только десять составов включают признак «неоднократность». Например, в ст. 116.1 УК РФ такой признак отсутствует. В ст. 154 и 180 УК РФ, наоборот, содержится признак неоднократности, но не упоминается об административном наказании. Авторы указывают на полное отсутствие законодательного закрепления данного понятия и его судебного толкования [3], притом что разъяснения относительно применения ст. 180 УК РФ приводятся в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 26.04.2007 № 14. Таким образом, совершенно справедливо к отрицательным моментам криминализации деяний посредством введения административной преюдиции учеными относится способ законодательного описания данного института [4; 5].

Помимо административной преюдиции, законодатель стал вводить повышенную уголовную ответственность для лиц, имеющих судимость за однородные или тождественные преступления. Соответствующие квалифицированные признаки в 2012 году появились в ст. 131–132, 134–135 УК РФ, а в 2016 году включены в новеллы уголовного законодательства, предусмотренные ст. 204.2, 291.2 УК РФ.

Тенденцией последнего времени является установление ответственности для лиц, имеющих судимость за

однородные или тождественные преступления, наряду с ответственностью за деяния с признаком административной преюдиции. Так, подобные изменения были внесены в ст. 264.1 и 284.1 УК РФ. При этом в ст. 284.1 УК РФ установлена равная ответственность для лиц, ранее совершивших административное правонарушение, и для лиц, имеющих судимость за преступление.

В свою очередь, те составы преступлений, в которых установлена ответственность только за деяния с признаками административной преюдиции, становятся предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ). Так, постановлением КС РФ от 08.04.2021 № 11-П была признана не соответствующей Конституции РФ ст. 116.1 УК РФ в части несоразмерной уголовно-правовой защиты прав пострадавших от действий ранее судимых и действий правонарушителей. Принятие данного решения КС РФ было позитивно воспринято в доктрине [6].

В научной литературе также представлена позиция, касающаяся несогласованности юридической конструкции преступлений с административной преюдицией с институтом судимости [7].

Цель исследования – проведение системного анализа положений уголовного, административного законодательства, разъяснений КС РФ и ВС РФ на предмет выявления проблем в законодательстве в части регламентации ответственности за отдельные административные правонарушения, преступления с признаками административной преюдиции и (или) судимости за совершение однородных или тождественных деяний.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Описываемое в статье исследование проходило в несколько этапов:

1) выборочный анализ статей УК РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) для выявления взаимосвязей и противоречий в законодательной конструкции отдельных составов преступлений с признаками административной преюдиции и соответствующих им составов административных правонарушений;

2) выборочный анализ составов преступлений с признаками судимости за ранее совершенные однородные и (или) тождественные деяния;

3) анализ законопроекта № 536-8 «О внесении изменений в статью 116-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Каждый из обозначенных этапов исследования сопровождался анализом доктринальной литературы, разъяснений Пленума ВС РФ и КС РФ по теме исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уголовная ответственность за преступления с признаком административной преюдиции

Системный анализ положений УК РФ и КоАП РФ свидетельствует о том, что в тех составах преступлений, которые предусматривают уголовную ответствен-

ность с признаком административной преюдиции, содержится прямая отсылка к соответствующему составу административного правонарушения, закреплённому в КоАП РФ. Она указывается либо непосредственно в диспозиции уголовно-правовой нормы (например, ст. 116.1 УК РФ), либо в примечании к норме (например, ст. 151.1 УК РФ). Исключения составляют ст. 154 и 180 УК РФ, где отсутствуют отсылки к нормам КоАП РФ. Но при этом, как отмечалось выше, здесь обязательным признаком объективной стороны является «неоднократность».

Толкование термина «неоднократность» применительно к ст. 180 УК РФ дается в п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 26.04.2007 № 14. Неоднократность рассматривается в двух значениях: как совершение двух и более деяний в форме действий, описываемых в диспозициях ч. 1, 2 ст. 180 УК РФ, либо как одновременное использование двух и более чужих товарных знаков (касательно ч. 1 ст. 180 УК РФ). Отдельные авторы такую неоднократность именуют «реальной» и «идеальной» по аналогии с видами совокупности преступлений [8].

В ст. 14.10 КоАП РФ установлена административная ответственность за совершение тех действий, которые перечислены в ч. 1 ст. 180 УК РФ, а в ч. 2 данной нормы дается отсылка к положениям УК РФ. Следовательно, в первом значении неоднократности лицо может нести ответственность по ч. 1 ст. 180 УК РФ при условии, что ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичные деяния. В ином значении (наличие двух и более фактов совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 180 УК РФ) это бы противоречило положениям действующего уголовного законодательства с исключенной ст. 16 УК РФ. Поэтому именно как повторность правонарушений рекомендуется трактовать признак неоднократности в ст. 180 УК РФ [9]. Однако в таком случае становится непонятным, сколько раз лицо должно быть ранее привлечено к административной ответственности. К примеру, для наступления уголовной ответственности по ст. 151.1, 157, 171.4 УК РФ законодатель указал на однократное привлечение к административной ответственности, а по ст. 314.1 УК РФ – на двукратное.

Что же касается второго значения неоднократности, то, исходя из толкования данного термина, которое дается в словаре русского языка, неоднократные – это действия, производимые несколько раз. Соответственно, одновременное использование двух и более товарных знаков – это однократное, а не неоднократное совершение действий.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ст. 14.10 КоАП РФ вообще не установлена административная ответственность за те действия, которые предусмотрены ч. 2 ст. 180 УК РФ, что является пробелом, поскольку, исходя из вышеизложенного, ответственность по ч. 2 ст. 180 УК РФ по признаку «неоднократность» по действующему УК РФ может наступать только при наличии административной преюдиции.

Что касается преступления, предусмотренного ст. 154 УК РФ, то ст. 5.37 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за совершение тех действий, которые описываются в данной норме. Но при этом в ст. 5.37 КоАП РФ отсутствует отсылка к УК РФ.

Таким образом, понятие «неоднократность» в действующей редакции УК РФ следует отличать от понятия «неоднократность», ранее сформулированного в ст. 16 УК РФ, по следующим признакам: во-первых, речь идет не о виде множественности преступлений, а о совершении единичного преступления; во-вторых, это признак административной преюдиции, предполагающий наличие однократного или многократного привлечения к административной ответственности; в-третьих, виновное лицо считается впервые совершившим преступное деяние, а не повторно.

Все вышеизложенное подтверждает мысль о необходимости выработки единого подхода к пониманию сущности административной преюдиции, ее правовой природы и основных характеризующих черт [10].

Не совсем ясна позиция законодателя в части формулировки неоднократности как признака административной преюдиции в ст. 212.1 и 314.1 УК РФ. Как отмечается в литературе, плюрализм мнений порождает факт отсутствия законодательного определения термина «лицо, привлеченное к административной ответственности» [11].

Исходя из разъяснений, даваемых КС РФ в Постановлениях от 10.02.2017 № 2-П и от 27.01.2020 № 7-О в части применения ст. 212.1 УК РФ, а также в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 24.05.2016 № 21, где дано толкование ст. 314.1 УК РФ, следует, что ответственность по данным статьям несут лица, подвергнутые административному наказанию, а не просто привлеченные к административной ответственности, как это сформулировано в действующих редакциях рассматриваемых норм. Необходимо отметить, что после вынесения Постановления КС РФ от 10.02.2017 № 2-П, фактически оправдывающего существование административной преюдиции в уголовном праве, это вызвало бурную дискуссию противников данного института [12; 13]. Однако были и те, кто положительно воспринял решение КС РФ [14].

Уголовная ответственность за преступления, совершенные лицами, ранее судимыми за однородные или тождественные преступления

Анализ составов преступлений, предусматривающих ответственность для лиц, ранее судимых за тождественные или однородные действия, позволяет подразделить их на две группы: 1) составы преступлений со специальным рецидивом (наличие судимости за умышленные деяния, относимые по категориям к средней тяжести, тяжким и особо тяжким); 2) составы преступлений без специального рецидива (наличие судимости за умышленные деяния, относимые по категориям к небольшой тяжести, либо за неосторожные деяния).

В частности, исходя из положений п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58, к первой группе следует относить преступления по п. «б» ч. 4 ст. 131, 132 УК РФ, совершенные лицом, судимым за аналогичные деяния в отношении малолетних. То, что в данном случае речь идет именно о специальном рецидиве, подтверждается мнением ученых [15]. При этом в п. 14 другого Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 14 указывается на то, что при квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 131, 132 УК РФ учитывается су-

димность за совершение аналогичных деяний в отношении малолетних, имевшая место в несовершеннолетнем возрасте. Однако данная трактовка специального рецидива противоречит положениям ст. 18 УК РФ, запрещающей учитывать при рецидиве судимость в несовершеннолетнем возрасте. Такая позиция ранее уже высказывалась автором статьи [16]. Аналогичного мнения придерживаются и других ученые [17].

Ко второй группе, к примеру, следует отнести состав преступления по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, где предусмотрена ответственность для лица, имеющего судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ. К специальному рецидиву отнести данный состав нельзя, так как деяния по ст. 264 УК РФ относятся к неосторожному преступлению.

Отдельного внимания заслуживают положения ст. 284.1 УК РФ. Здесь законодатель установил равную ответственность для лиц, ранее привлеченных к административной ответственности и имеющих судимость за аналогичные действия. Такая конструкция нормы свидетельствует о нарушении принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, так как здесь не учитывается более высокий уровень опасности лица, ранее совершившего преступления. Кроме того, когда диспозиция нормы осложнена несколькими альтернативными признаками, то это дает возможность совершения преступления посредством выбора одного из вариантов преступного поведения, описанного в статье. В таком случае имеет место так называемое преступление с альтернативными признаками [18], относимое к единичному сложному преступлению [19]. Однако когда речь идет о повторном совершении деяния лицом, имеющим судимость за аналогичное деяние, то уже возникает множественность преступлений.

Интересная позиция высказана в одном из научных исследований относительно влияния рецидива на назначение наказания по ст. 314.1 УК РФ. Авторы пишут о том, что в данном составе рецидив заложен в конструкцию объективной стороны состава [20]. Полагаем, что это не совсем верно. Субъектом преступления по ст. 314.1 УК РФ может являться рецидивист, уклоняющийся от надзора. Он совершает единичное деяние. При рецидиве преступлений всегда имеет место множественность преступлений.

Корректировки требуют и положения ст. 116.1 УК РФ, которая, как отмечалось выше, частично признана не соответствующей Конституции РФ. На сегодняшний день Правительством РФ на рассмотрение в Госдуму РФ уже внесен законопроект № 536-8, в котором предлагается ужесточить уголовную ответственность за побои, нанесенные лицом, имеющим судимость (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ). Однако трактовка «судимость за преступление, совершенное с применением насилия» звучит сомнительно, поскольку под категорию «преступление, совершенное с применением насилия» фактически попадают все насильственные преступления, включая убийство. Суть же позиции КС РФ по данному вопросу видится иначе: усилить ответственность лиц, имеющих судимость именно за нанесение побоев, то есть деяния, предусмотренные ст. 116 и 116.1 УК РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Проводимое реформирование уголовного законодательства зачастую носит бессистемный характер, разрушающий связи между Общей и Особенной частями УК РФ. Базовые, основные определения, которые должны быть отражены в Общей части УК РФ и конкретизированы в составах преступлений, размещенных в Особенной части УК РФ, не находят воплощения в нормах Общей части действующего УК РФ.

Для устранения данных противоречий необходимо включить в Общую часть УК РФ понятие административной преюдиции и унифицировать признаки составов преступлений с данным признаком.

2. Положения ст. 154 и 180 УК РФ должны быть приведены в соответствие с действующим законодательством. Для этого требуется дополнить данные нормы примечаниями, по содержанию схожими с теми, которые предусмотрены в составах преступлений с административной преюдицией.

В свою очередь, в ст. 14.10 КоАП РФ необходимо установить административную ответственность за незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в РФ товарного знака или наименования места происхождения товара с отсылкой к УК РФ. А в ст. 5.37 КоАП РФ должна быть сделана отсылка к УК РФ.

3. Необходимо дифференцировать ответственность за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 284.1 УК РФ. В частности, ответственность лиц, имеющих судимость за аналогичное деяние, должна быть отнесена к квалифицированному обстоятельству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузнеченко С.Ю. Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 25–28.
- Хоменко А.Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 1. С. 37–42.
- Телегин А.С., Тиунова Н.В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4. С. 626–650.
- Иногамова-Хегай Л.В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53–58.
- Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право. Образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20–25.
- Костылева Е.Д. Судебная защита личных прав и свобод // Современный юрист. 2021. № 2. С. 45–55.
- Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.
- Есаков Г.А., Сарваров Д.М. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности //

Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5. С. 82–90.

- Карабанова Е.Н., Цепелев К.В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 57–60.
- Одоев О.С. О понятии административной преюдиции в уголовном праве России и стран СНГ // Административное и муниципальное право. 2019. № 2. С. 1–11.
- Эргашева З.Э. Обстоятельства, имеющие значение для квалификации по делам о преступлениях с административной преюдицией // Российский следователь. 2018. № 4. С. 62–65.
- Головкин Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богуш Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.
- Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
- Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53.
- Пантюхина И.В. Вопросы квалификации множественности половых преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2014. № 1. С. 28–31.
- Савельева О.Ю. Административная преюдиция и неоднократность как признаки преступлений против личности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3. С. 43–46.
- Базаров Р.А. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за особо квалифицированные составы изнасилования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 2. С. 21–24.
- Сальников Н.В. Особенности преступлений с альтернативными признаками состава и их оценка в целях индивидуализации уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 2. С. 118–127.
- Мусина Р.Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 250–254.
- Климов А.С., Хорьяков С.Н. Особенности установления рецидива преступлений и его правовые последствия по действующему уголовному законодательству // Мировой судья. 2018. № 9. С. 20–26.

REFERENCES

- Kuznechenko S.Yu. Features of prejudice in the criminal procedure law of Russia. The contrast of the institute of prejudice in civil, arbitration and administrative proceedings. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 9, pp. 25–28.
- Khomenko A.N. Problems of the use of administrative prejudice in criminal law. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 37–42.

3. Telegin A.S., Tiunova N.V. Repetition of administrative offenses. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2019, no. 4, pp. 626–650.
4. Inogamova-Khegay L.V. Current trends of criminalization and decriminalization in the Russian criminal law. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 53–58.
5. Neznamova Z.A. Crimes with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation: conflicts of intersectoral regulation. *Rossiyskoe pravo. Obrazovanie, praktika, nauka*, 2015, no. 6, pp. 20–25.
6. Kostyleva E.D. Judicial protection of personal rights and freedoms. *Sovremennyy yurist*, 2021, no. 2, pp. 45–55.
7. Kapinus O.S. Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 6, pp. 78–86.
8. Esakov G.A., Sarvarov D.M. On understanding large damage, size and repeated against compositions of crimes against intellectual property. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 5, pp. 82–90.
9. Karabanova E.N., Tsepelev K.V. On the issue of the prospect of using administrative prejudice in the criminal law of Russia. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2020, no. 11, pp. 57–60.
10. Odov O.S. On the concept of administrative prejudice in the criminal law of Russia and CIS countries. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2019, no. 2, pp. 1–11.
11. Ergasheva Z.E. Circumstances of importance for qualification of the cases on crimes with administrative prejudice. *Rossiyskiy sledovatel*, 2018, no. 4, pp. 62–65.
12. Golovko L., Korobeev A., Lopashenko N., Pashin S., Reznik G., Bogush G., Esakov G. Administrative prejudice in criminal law: the case of Ildar Dadin. *Zakon*, 2017, no. 2, pp. 21–29.
13. Lopashenko N.A. Decrease in repressiveness of the criminal law: proposed measures and their assessment. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 84–93.
14. Ivanchin A.V. About advantage of reasonable use of an administrative prejudice in criminal law (in connection with the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017 no. 2-p). *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 50–53.
15. Pantyukhina I.V. The issues of classification of multiple sexual crimes. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*, 2014, no. 1, pp. 28–31.
16. Saveleva O.Yu. Administrative prejudice and not momentariness as signs of crimes against the personality. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 3, pp. 43–46.
17. Bazarov R.A. Issues of legal regulation of the criminal liability for especially aggravated forceful rape. *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2019, no. 2, pp. 21–24.
18. Salnikov N.V. Features of crimes with alternative elements of corpus delicti and their assessment for the purpose of individualization of criminal responsibility. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 2, pp. 118–127.
19. Musina R.R. On the issue of reasons and means of formulation of corpus delicti with alternative signs of objective part. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2011, no. 3, pp. 250–254.
20. Klimov A.S., Khoryakov S.N. Peculiarities of identification of the repetition of crime and its legal consequences under the applicable criminal laws. *Mirovaya sudya*, 2018, no. 9, pp. 20–26.

INSTITUTIONS OF MULTIPLE CRIMES AND ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CONTEMPORARY RUSSIAN CRIMINAL LAW

© 2021

O.Yu. Savelyeva, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: multiple crimes; crime duplicity; special recidivism; administrative prejudice; conviction.

Abstract: Despite the legislator is step by step expanding the number of bodies of a crime with the sign of administrative prejudice, up to the present, the General part of the RF Criminal Code does not define administrative prejudice. It leads to the fact that the Special part of the RF Criminal Code formulates the administrative prejudice features in the bodies of crimes in different ways. In particular, only some of the bodies of crimes contain the duplicity feature as an administrative prejudice element. Within this investigation, the author considers as well the other criminal law institution – multiple crimes. It is caused by the fact that collaterally with the administrative prejudice, the liability for persons previously convicted for identical and (or) similar actions starts to be introduced. It speaks for both the reappearance of liability for special recidivism and the introduction of the criminal law category not covered by this concept. To identify the problems related to the structure of bodies of crimes with indicated signs and specify the ways for their solution, the author carried out the interdisciplinary comparison of norms of criminal and administrative legislation, analyzed doctrinal points of view, explained the position of the executor of law represented by the supreme judicial authorities, and investigated a draft law on the amendments in the RF Criminal Code. As a result of the study, the author concludes that the Special part of the RF Criminal Code formulates the administrative prejudice signs in the bodies of crimes in different ways. It complicates the correct interpretation of specified criminal law norms. Moreover, the author considers incorrect the structure of part 1 of Art. 284.1 of the RF Criminal Code, which contains both the sign of administrative prejudice and the sign of conviction for identical action. The position of the RF Government expressed in draft law No. 536-8 on the amendments in Art. 116.1 of the RF Criminal Code calls for comments as well.

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ХИЩЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

© 2021

Н.И. Старостенко, адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарский университет МВД России, Краснодар (Россия)

Ключевые слова: криминалистика; механизм следообразования; хищение; социальная инженерия; информационно-телекоммуникационные технологии.

Аннотация: Одним из основных способов реализации корыстных целей в хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является применение методов социальной инженерии, реализуемых с помощью приемов психологического воздействия и направленных на управление сознанием и поведением людей. Несвоевременное выявление таких хищений, а также наличие недостатков при сборе первичного материала в ходе предварительного расследования говорит о необходимости изучения особенностей их механизма следообразования. Статья посвящена криминалистической характеристике материальных, идеальных, а также электронно-цифровых следов, присущих указанному виду преступности. Материальные следы представлены в виде следов-предметов (технических устройств, приспособленных для реализации методов социальной инженерии, сим-карт, банковских карт, документов), следов-отображения (биологических следов, позволяющих установить, что хищение денежных средств совершалось конкретным лицом при помощи определенного технического устройства). К идеальным следам авторы относят мысленный образ совершенного преступления в сознании человека, представленный в показаниях потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, эксперта, специалиста и других лиц, складывающийся в результате противоправных дистанционных действий подозреваемого (обвиняемого) по оказанию психологического воздействия (использования методов социальной инженерии) на потерпевшего с применением информационно-телекоммуникационных технологий. В работе дается определение электронно-цифровых следов, рассматриваются конкретные их примеры в зависимости от применения злоумышленниками сети Интернет и (или) компьютерных, мобильных устройств, а также методов социальной инженерии. Сформирована типичная следовая картина анализируемых хищений, знание которой позволяет получить криминалистически значимую информацию о способе и характере совершения преступления, причастных к нему лицах, а также определить тактику проведения дальнейших оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

ВВЕДЕНИЕ

По официальным данным МВД Российской Федерации, в 2020 году число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с 2019 годом возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %¹.

Изучение криминалистической характеристики анализируемых общественно опасных деяний позволяет предположить наличие специфического механизма совершения таких преступлений, обладающего важными особенностями. Среди таких особенностей выделяется активное использование приемов социальной инженерии в ходе подготовки, совершения и сокрытия мошеннических действий [1].

В общем смысле социальную инженерию определяют в качестве одной из составляющих процесса управления людьми [2]. В сфере информационной безопасности социальная инженерия рассматривается как метод контроля над поведением пользователей для хищения их конфиденциальной информации [3]. Следует согласиться с точкой зрения авторов о том, что социальная инже-

нерия превратилась в один из самых распространенных приемов психологического воздействия на человека для получения необходимой информации [4].

Анализируя различные научные подходы к определению социальной инженерии, можно констатировать, что она представляет собой приемы обмана и психологического манипулирования людьми в целях осуществления контроля над их поведением или действиями.

С точки зрения действий, направленных на завладение электронными (в том числе безналичными) денежными средствами жертвы, применение методов социальной инженерии характеризуется распространением или сообщением заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационной среде. Восприятие таких сведений жертвой приводит к добровольному разглашению персональных данных или банковских сведений, подтверждающих ту или иную финансовую операцию либо способствующих предоставлению злоумышленнику удаленного доступа к сервису дистанционного банковского обслуживания, а также к совершению необдуманных действий с банковским счетом, приводящих к имущественному ущербу [5]. Под иными действиями с банковским счетом необходимо понимать оформление кредитов, перевод денежных средств сторонним лицам, оплату различных покупок или несуществующих услуг в сети Интернет и др.

Методы социальной инженерии характеризуются набором определенных техник, направленных на психологическое воздействие и введение человека

¹Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь – декабрь 2020 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>.

в заблуждение в целях завладения его конфиденциальными данными и получения финансовой выгоды [6]. Среди вышеупомянутых методов можно выделить несколько основных:

1) методы социальной инженерии, реализуемые при помощи сети Интернет:

– получение конфиденциальных данных с помощью осуществления рассылки в сети Интернет от имени известных компаний/организаций;

– рассылка писем по электронной почте или в социальных сетях с просьбой скачать вредоносную программу, предварительно замаскированную под интересное приложение, любопытный графический файл и др. [7];

2) методы социальной инженерии, реализуемые при помощи средств сотовой связи:

– получение конфиденциальной информации пользователей при помощи осуществления телефонных звонков от имени различных государственных и негосударственных организаций;

– выдача себя за другое лицо и использование при общении с жертвой предварительно подготовленного сценария (текста) или алгоритма взаимодействия с жертвой.

Хищения рассматриваемого вида подразумевают под собой неправомерное получение и использование персональных или иных конфиденциальных данных людей для реализации корыстных мотивов. Конфиденциальная информация в рассматриваемых преступлениях представляет собой сведения о конкретном человеке или группе лиц, знание которых позволяет злоумышленникам эффективно вступать во взаимодействие с жертвой, оказывать на нее психологическое воздействие, склонять к добровольной передаче денежных средств или добровольному предоставлению дистанционного доступа к своему банковскому счету (карте), а также с помощью нее осуществлять хищения с указанных банковских счетов (карт). В контексте изучаемой проблемы к таким данным следует отнести: Ф. И. О., возраст, место жительства, иные паспортные данные, место работы; номер мобильного телефона; сведения как о клиенте банка (держателе банковской карты), включающие в себя реквизиты счета карты, номер карты, ее срок действия, код безопасности (CVV2/CVC2), данные о номере счета, номере расчетного счета и банковской организации, в которой счет открыт, секретные коды (для подтверждения перевода или покупки, поступающие на номер потерпевшего в SMS-сообщении); информацию о состоянии здоровья; информацию о других личных данных жертвы, которые можно использовать для достижения корыстного результата.

Если говорить об использовании приемов социальной инженерии для доступа к конфиденциальной информации или электронным денежным средствам, обычно считается, что их реализация происходит без использования специальных технических или программно-аппаратных средств. Однако стоит уточнить, что в контексте обозначенной проблемы информационно-телекоммуникационные технологии служат не для взлома компьютерного устройства или программного обеспечения, а для создания условий для психологического воздействия на человеческое сознание, поскольку жертва, будучи обманутой, находящаяся под влиянием

методов социальной инженерии, самостоятельно сообщает конфиденциальные данные злоумышленнику либо совершает определенные действия в его интересах, используя техническое устройство.

Хищения, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии, обладают высокой латентностью, что обуславливает серьезную сложность в установлении виновного лица, способствует появлению новых неочевидных преступлений и позволяет правонарушителям избегать ответственности за совершение деяний.

Основными источниками криминалистически значимой информации о виновных лицах являются следы преступления. Благодаря названной информации, правоохранительные органы получают данные о событии преступления, позволяющие установить и изобличить преступника. А изучение механизма образования следов преступления и работа следователя (суда), связанная с их обнаружением и анализом, как известно, составляют основу криминалистики.

Профессор И.Н. Якимов, которого называют основоположником учения о следах в криминалистике, многие годы придерживался широкого их понимания. Он считал следами все те материальные изменения, которые происходят в обстановке места происшествия, в окружающей среде и предметах, которые связаны с событием преступления [8]. Р.С. Белкин под механизмом следообразования понимал процесс, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения. По мнению автора, элементами этого процесса являются объекты следообразования – следообразующий, следовоспринимающий и вещество следа, следовой контакт как результат взаимодействия между ними вследствие приложения энергии к объектам следообразования [9]. При этом в широком смысле под следом необходимо понимать любые изменения окружающей обстановки, причинно связанные с расследуемым преступлением, а в зависимости от формы отражения их делят на идеальные и материальные [10].

Исследования механизма следообразования отдельных видов преступлений являются эффективным методом в борьбе с преступностью. Данное положение применимо и к рассматриваемому виду преступности. Анализируя данный факт, хочется согласиться с мнением о том, что информация, получаемая в результате изучения материальной обстановки события, является основой дальнейшего хода следственной работы по конкретному преступлению [11].

В последние годы появился ряд научных трудов, посвященных особенностям преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Так, существенное значение имеют научные труды авторов, рассматривающих вопросы компьютерных преступлений, способов их совершения, а также методику их расследования [12], определяющие основы теории и практики преступлений в сфере компьютерной информации [13], раскрывающих понятие, классификацию, особенности изъятия и осмотра цифровых следов преступлений [14] и др.

Признавая высокую научную и практическую ценность названных трудов, в то же время необходимо отметить, что в большинстве проанализированных работ

отсутствуют научные положения о механизме следообразования хищений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии, который по своему содержанию отличается определенной спецификой.

Цель исследования – анализ элементов механизма следообразования при совершении хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии, а также разработка следовой картины, типичной для указанного вида преступности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами настоящего исследования послужили:

1) статистические данные:

а) Федеральной службы государственной статистики РФ (форма федерального статистического наблюдения № 280 ИТТ «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий») за период 2019, 2020 и 6 месяцев 2021 года;

б) из формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» о зарегистрированных преступлениях, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, предусмотренных п «г», ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159 УК РФ за период 2019, 2020 и 6 месяцев 2021 года;

2) результаты изучения вступивших в силу 72 приговоров суда и 15 уголовных дел, возбужденных на территории Краснодарского края и Республики Адыгея, а также материалов более 500 уголовных дел, возбужденных на территории субъектов Российской Федерации (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Адыгея) по фактам совершения хищений денежных средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии.

Исследование особенностей механизма следообразования хищений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии, проводилось в четыре этапа:

1) выявление особенностей материальных следов, образованных в результате совершения хищений денежных средств с банковского счета указанным способом;

2) выявление особенностей идеальных следов, образованных в результате совершения хищений денежных средств с банковского счета указанным способом;

3) разработка криминалистического понимания электронно-цифровых следов указанных преступлений, а также формирование специальной классификации этих следов в зависимости от технологий и методов социальной инженерии, используемых злоумышленником при совершении преступления;

4) формирование целостной авторской позиции относительно вопроса особенностей механизма следообразования при совершении хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материальные и идеальные следы

Применительно к рассматриваемой категории хищений будет вполне обосновано выделить следующие материальные следы-предметы: портативные, многофункциональные или микропроцессорные электронные устройства: персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны, планшеты и другие гаджеты; устройства вывода информации; оборудование компьютерных и беспроводных сетей; детали электронных устройств; документы, рукописные и машинописные записи конфиденциальных сведений; данные банковских карт потенциальных жертв; сим-карты, используемые злоумышленниками, и сим-карты жертв; банковские карты, используемые злоумышленниками, и банковские карты жертв и др.

Поскольку речь идет о работе с объектами материального мира, то следует учитывать необходимость сбора следов человека, которые можно обнаружить на следах-предметах. Среди них приобретают существенную ценность и криминалистическую значимость следы папиллярных линий рук и ног; следы зубов; следы частей тела; следы одежды; вещественные следы биологического происхождения: следы слюны, крови, волос, пота, запаха и прочих выделений человеческого организма (перхоть, подногтевое содержимое) и др. [15].

Идеальные следы выступают как субъективные образы материальной действительности, отображенные в памяти человека, и позволяют выявить важные элементы в его сознании. Под идеальными следами преступления понимается криминалистически значимая уголовно-релевантная информация, воспринятая и запечатленная человеком в виде мысленных (памятных) образов, которая может быть воспроизведена им в вербальной форме либо извлечена из его памяти средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве [16].

Отметим, что идеальные следы возникают в памяти потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, эксперта, специалиста и других лиц в связи с вовлечением их в процесс уголовно-правовых и процессуальных правоотношений, а также в связи с собиранием, исследованием, использованием и оценением полученной информации. Особенностью идеальных следов рассматриваемой категории преступности является практическая невозможность потерпевшего запечатлеть в памяти внешний облик злоумышленника в связи с дистанционным характером совершения преступления.

Важно подчеркнуть, что показания потерпевших и специалистов-психологов представляют наибольший интерес при расследовании рассматриваемых преступлений, так как эти лица могут сообщить информацию о психологической манипуляции, применяемой в отношении них, о механизмах оказанного психологического воздействия, охарактеризовать психологическое состояние, вызванное целенаправленными действиями подозреваемого, а также дать оценку действиям, побудившим добровольно предоставить конфиденциальную информацию или совершить определенные действия.

Понятие и виды электронно-цифровых следов

Принимая во внимание изложенное, стоит подчеркнуть, что хищения, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии, реализуются удаленно от жертв, что подтверждает сложность построения обвинения только на материальных и идеальных следах преступления, так как они не отражают в полной мере всю картину произошедшего события.

Механизм следообразования хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии, существенно отличается от традиционных видов. Данный факт обуславливается тем, что в процессе проведения следственных действий обнаруживаются, исследуются и фиксируются как общеизвестные следы (материальные и идеальные), так и электронно-цифровые, образованные благодаря использованию информационно-телекоммуникационных технологий.

В настоящее время обозначенный элемент механизма следообразования определяют как «цифровые следы», «виртуальные следы», «компьютерные следы». В криминалистических учениях нет единого мнения о том, какое из понятий верно и какое необходимо использовать для обозначения категории следов, образованных в результате использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Так, одни авторы рассматривают цифровой след, представляющий собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи [17]. Другие исследователи предлагают под такими следами понимать любые изменения состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею кибернетического пространства), связанные с событием преступления и зафиксированные в виде компьютерной информации (т. е. информации в виде, пригодном для машинной обработки) [18].

Мы придерживаемся позиции, что следы, образованные при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо рассматривать в качестве «электронно-цифровых следов», поскольку данная формулировка свидетельствует о том, что эти следы образованы в результате движения электронов, которые оставляют в памяти электронных устройств криминалистически значимую информацию, которая, в свою очередь, представлена в виде двоичного (цифрового) кода [19].

По нашему мнению, электронно-цифровые следы в преступлениях анализируемого вида представляют собой изменение состояния автоматизированной системы, а также информации, которая содержится в памяти электронно-вычислительных устройств или создана в сети Интернет с помощью названных устройств, непосредственно связанных с преступными действиями злоумышленника по получению конфиденциальной информации и хищению денежных средств с банковского счета жертв.

Кроме того, необходимо добавить, что совершенствование технологий передачи и хранения информации, особенности ее обработки, передачи и воспроизведения обусловили изучение электронно-цифровых следов

в качестве самостоятельного элемента механизма следообразования [20]. Именно поэтому механизм следообразования преступлений рассматриваемой категории, как и деятельность по собиранию, фиксации и исследованию таких следов в процессе доказывания, отличается ярко выраженной спецификой.

Установление особенностей следовой картины, в частности той ее части, которая включает электронно-цифровые следы, позволит правильно квалифицировать деяние, определить способ и механизм совершения преступления, верно и в полной мере осуществить сбор доказательственной базы, а также своевременно изобличить виновного в совершении преступления. Поэтому считаем необходимым рассмотреть электронно-цифровые следы анализируемых хищений в зависимости от применяемых методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий.

1. Осуществление фишинговых рассылок в сети Интернет от имени известных компаний/организаций с просьбой предоставить конфиденциальные данные или скачать вредоносную программу, предварительно замаскированную под полезное приложение, графический файл.

К указанной группе методов социальной инженерии можно отнести следующие электронно-цифровые следы:

- программы для создания сайтов (интернет-магазинов), приложения социальных сетей и сервисов электронной почты, программы, осуществляющие удаленное администрирование;
- анкетные данные пользователя (злоумышленника), указанные в названных программах и приложениях при регистрации;
- текстовые клише, содержащие обращения от имени государственных учреждений, банковских организаций, администраторов социальных сетей, таких как «Госуслуги», «СберБанк», «Авито», покупателей/продавцов в интернет-магазинах и др.;
- черновики электронных писем, содержащих форму для предоставления жертвой конфиденциальной информации либо ссылку для перехода на фишинговый сайт (сайт-клон известной организации/компании);
- списки рассылки сообщений;
- входящие/исходящие электронные сообщения в сети Интернет, а также вся информация, их характеризующая (содержание, дата, время, адреса электронной почты, с которых были отправлены/получены сообщения, имя отправителя/получателя, фотография (изображение, которое было размещено в качестве фотографии пользователя интернет-ресурса) и др.);
- электронные базы персональных и банковских данных жертв;
- информация о веб-браузере компьютера или сотового телефона преступника, содержащем ссылки, истории посещения веб-сайтов, свидетельствующие о способности злоумышленника осуществлять рассылки, сбор и анализ конфиденциальных сведений жертвы;
- ссылки на фишинговый сайт, снимки экрана страниц сайта (изображение, полученное устройством и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода, например фрагмент веб-страницы);
- снимки экрана устройства, свидетельствующие о криминалистически значимой информации о сайте

(название, характеристика интерфейса, целевое назначение, адресная строка, дата и время посещения, описание конфиденциальных данных, которые на указанном сайте требуется вводить, или действий, какие необходимо выполнить, и т. д.);

– специально созданные цифровые фотографии и видеофайлы, например для отправки сообщений на сайтах бесплатных объявлений («Авито», «Юла»), способствующие осуществлению фиктивных сделок;

– снимки экрана, свидетельствующие о продаже какого-либо товара или оказания услуги (фиксирующие информацию о наименовании товара (услуги), его описании, стоимости, адресе, указанном в качестве места встречи с покупателем, номере телефона и др.);

– снимки экрана, свидетельствующие о переписке злоумышленника с жертвой (содержание просьб или требований, которые были выдвинуты злоумышленником, ссылки, которые он направил для перехода на сайт, характеристика конфиденциальных данных, необходимых для осуществления какой-либо операции, и др.);

– электронно-цифровые данные от провайдера сети Интернет (информация об IP-адресах злоумышленников, сведения о доменном имени, сведения о регистрации домена при создании фишингового интернет-сайта и др.);

– образцы шпионских или вредоносных программ, инструкции по их использованию и внедрению в персональный компьютер или сотовый телефон для кражи конфиденциальных данных жертвы или электронных денежных средств и др.

2. Выдача за другое лицо при телефонном звонке и использование при общении с жертвой предварительно подготовленного сценария (текста) или алгоритма взаимодействия с жертвой для получения конфиденциальных данных или склонения к осуществлению каких-либо действий с банковским счетом (картой).

При реализации названных методов социальной инженерии при совершении хищений электронных денежных средств целесообразно выделить следующие электронно-цифровые следы:

– программные компоненты, позволяющие осуществить подмену абонентского номера, способствующие использованию услуг сотовой связи без установления личности абонента и данных о вызове;

– фонограммы записи голоса специалиста банковской организации, сотрудника полиции или пенсионно-фонда и др.

– сценарии взаимодействия с жертвой, алгоритмы оказания психологического воздействия для достижения преступной цели, представленные в электронном виде;

– электронные файлы, содержащие сценарий (текст) по неправомерному получению конфиденциальной информации пользователей либо алгоритмы, способствующие достижению выполнения жертвой определенных действий со своим банковским счетом (картой) в интересах злоумышленника;

– электронно-цифровые данные от операторов связи о лице, на которое зарегистрирована сим-карта (о входящих и исходящих соединениях; о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков,

видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий, и др.);

– цифровые фонограммы звукозаписи разговоров злоумышленников с жертвами;

– данные списков контактов злоумышленника;

– журналы входящих/исходящих вызовов злоумышленника или жертвы и другая информация.

Кроме того, выделяется ряд общих электронно-цифровых следов, которые свойственны всем хищениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии: сведения о проведенной банковской транзакции по счету (карте), записи с камер видеонаблюдения в банкоматах или банках, где было осуществлено обналичивание денежных средств подозреваемыми, и др.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В настоящее время количество совершенных преступных деяний с применением новейших технологий, а также различных психологических методов воздействия неизменно растет. Исследуемая проблема, по нашему мнению, еще долгое время не утратит своей актуальности ввиду того, что человек более уязвим, чем компьютерная система. Он может легко поддаваться влиянию и психологической манипуляции, поэтому преступники все чаще используют методы социальной инженерии для получения доступа к интересующей конфиденциальной информации пользователей, а также для достижения преступных целей.

Следует отметить новизну построенного механизма следообразования при совершении хищений с использованием методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий, которая выражается в существовании в его структуре как традиционных для всех преступлений следов (материальных и идеальных), отличающихся своей спецификой применительно к обозначенному виду преступности, так и электронно-цифровых, возникших в связи с использованием высоких технологий. Представлена уточненная криминалистическая классификация электронно-цифровых следов в зависимости от применяемых информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии.

Предложенная информация может способствовать совершенствованию навыков сохранения электронно-цифровых следов и умений извлекать из таких следов криминалистически значимую информацию, позволяющую интерпретировать ее для понимания ключевых аспектов хищений денежных средств с банковских счетов потерпевших. Данная потребность обуславливается тем, что электронно-цифровые следы часто упускаются из вида следователем либо собираются с различными нарушениями правил обращения с такими следами и анализируются правоохранителями неверно. А недостатки, возникающие в процессе обнаружения, исследования и сбора электронно-цифровых следов, представляют угрозу для эффективного расследования, предотвращения хищений безналичных денежных средств, совершенных с использованием методов социальной инженерии, задержания или преследования подозреваемых (обвиняемых).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Сформирована типичная следовая картина хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии, знание которой позволяет получить необходимую информацию о способе совершения преступления, причастных к нему лицах, а также определяет тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Автор выражает глубокую благодарность к. ф-м. н. И.Н. Старостенко за обсуждения и консультативную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Workman M. Wisecracker: A theory-grounded investigation of phishing and pretext social engineering threats to information security // *Journal of the American society for information science and technology*. 2008. Vol. 59. № 4. P. 662–674.
2. Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // *Социологические исследования*. 1994. № 2. С. 87–96.
3. Ревенков П.В., Бердюгин А.А. Социальная инженерия как источник рисков в условиях дистанционного банковского обслуживания // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. № 9. С. 1747–1760.
4. Казаченок О.П. Социальная инженерия VS кибербезопасность в банковской сфере // *Банковское дело*. 2021. № 2. С. 50–56.
5. Головин А.Ю., Головина Е.В. Социальная инженерия в механизме преступной деятельности в сфере информационно телекоммуникационных технологий // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2021. № 2. С. 3–13. DOI: [10.24412/2071-6184-2021-2-3-13](https://doi.org/10.24412/2071-6184-2021-2-3-13).
6. Huang W., Brockman A. Social engineering exploitations in online communications: Examining persuasions used in fraudulent e-mails // *Crime online: Correlates, causes, and context Durham*. North Carolina: Carolina Academic Press, 2011. P. 87–111.
7. Blommaert J., Omoniyi T. E-mail fraud: Language, technology, and the indexicals of globalization // *Social Semiotics*. 2006. Vol. 16. № 4. P. 573–605.
8. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: ЛексЭст, 2003. 471 с.
9. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
10. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. 237 с.
11. Гусев А.В., Медведева С.Н. Использование признаков материального следа для определения компонентов причинно-следственной связи и механизма следообразования // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2017. № 2. С. 97–102.
12. Вехов В.Б. Компьютерные преступления. Способы совершения методики расследования. М.: Право и закон, 1996. 179 с.
13. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. 408 с.
14. Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н. Цифровые следы преступлений. М.: Проспект, 2021. 168 с.
15. Крылов И.Ф. Избранные труды по криминалистике. СПб.: Юридический факультет СПбГУ, 2006. 998 с.
16. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. М.: Юрлитинформ, 2010. 200 с.
17. Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. № 3. С. 106–123.
18. Мещеряков В.А., Цурлуй О.Ю. Криминалистические особенности получения компьютерной информации с цифровых носителей при производстве отдельных следственных действий // *Эксперт-криминалист*. 2020. № 2. С. 15–17.
19. Колычева А.Н. Некоторые аспекты фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2017. Т. 27. № 2. С. 109–113.
20. Давыдов В.О., Головин А.Ю. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2016. № 3-2. С. 254–259.

REFERENCES

1. Workman M. Wisecracker: A theory-grounded investigation of phishing and pretext social engineering threats to information security. *Journal of the American society for information science and technology*, 2008, vol. 59, no. 4, pp. 662–674.
2. Reznik Yu.M. Social engineering: subject area and boundaries of application. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994, no. 2, pp. 87–96.
3. Revenkov P.V., Berdyugin A.A. Social engineering as a source of risks in online banking services. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost*, 2017, vol. 13, no. 9, pp. 1747–1760.
4. Kazachenok O.P. Social engineering vs cybersecurity in the banking sphere. *Bankovskoe delo*, 2021, no. 2, pp. 50–56.
5. Golovin A.Yu., Golovina E.V. Social engineering in the mechanism of criminal activity in the field of information and telecommunications technologies. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2021, no. 2, pp. 3–13. DOI: [10.24412/2071-6184-2021-2-3-13](https://doi.org/10.24412/2071-6184-2021-2-3-13).
6. Huang W., Brockman A. Social engineering exploitations in online communications: Examining persuasions used in fraudulent e-mails. *Crime online: Correlates, causes, and context Durham*. North Carolina, Carolina Academic Press Publ., 2011, pp. 87–111.
7. Blommaert J., Omoniyi T. E-mail fraud: Language, technology, and the indexicals of globalization. *Social Semiotics*, 2006, vol. 16, no. 4, pp. 573–605.
8. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoy tekhnike i taktike* [Forensic science. Guide to

- Criminal Technique and Tactics]. Moscow, LeksEst Publ., 2003. 471 p.
9. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. Chastnye kriminalisticheskie teorii* [Forensics course. Private forensic theories]. Moscow, Yurist Publ., 1997. Vol. 2, 464 p.
 10. Belkin R.S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya* [Forensic Science: Problems of Today]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 237 p.
 11. Gusev A.V., Medvedeva S.N. Use of signs of a material trace for definition of components of cause-and-effect relationship of mechanism of traces appearance. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. 97–102.
 12. Vekhov V.B. *Kompyuternye prestupleniya. Sposoby soversheniya metodiki rassledovaniya* [Computer crimes. Ways to carry out the investigation methodology]. Moscow, Pravo i zakon Publ., 1996. 179 p.
 13. Meshcheryakov V.A. *Prestupleniya v sfere kompyuternoy informatsii: osnovy teorii i praktiki rassledovaniya* [Crimes in the field of computer information: the foundations of the theory and practice of investigation]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2002. 408 p.
 14. Bagmet A.M., Bychkov V.V., Skobelin S.Yu., Ilin N.N. *Tsifrovye sledy prestupleniy* [Digital traces of crimes]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 168 p.
 15. Krylov I.F. *Izbrannye trudy po kriminalistike* [Selected works on forensic science]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy fakultet SPbGU Publ., 2006. 998 p.
 16. Suvorova L.A. *Idealnye sledy v kriminalistike* [Ideal traces in forensics]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 200 p.
 17. Rossinskaya E.R., Saakov T.A. The problems of collecting digital footprints of crimes in social networks and messengers. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2020, no. 3, pp. 106–123.
 18. Meshcheryakov V.A., Tsurluy O.Yu. Criminalistic peculiarities of receipt of computer information from digital carries in performance of some investigative operations. *Ekspert-kriminalist*, 2020, no. 2, pp. 15–17.
 19. Kolycheva A.N. Some aspects of fixing of the evidentiary information stored on the resources of the internet. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 109–113.
 20. Davydov V.O., Golovin A.Yu. Value of virtual traces in investigation crimes of extremist character. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2016, no. 3-2, pp. 254–259.

**PECULIARITIES OF THE MECHANISM OF MARKING FORMATION
WHEN COMMITTING A THEFT USING THE INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND SOCIAL ENGINEERING TECHNIQUES**

© 2021

N.I. Starostenko, adjunct of Chair of Criminalistics
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar (Russia)

Keywords: forensics; mechanism of marking formation; theft; social engineering; information and telecommunication technologies.

Abstract: One of the main ways of achieving mercenary purposes in thefts committed using the information and telecommunication technologies is the application of social engineering techniques implemented through the psychological influence methods and aimed at controlling the consciousness and behavior of people. Late identification of such thefts and the shortcomings when collecting primary material during the preliminary investigation indicate the necessity to study the features of their mechanism of marking formation. The paper deals with the forensic characteristics of the material, ideal, and electronic-digital traces peculiar for this type of crime. Material traces are represented as traces-objects (technical devices adapted for the social engineering methods implementation, SIM cards, bank cards, documents), and traces-displays (biological traces allowing to identify that the theft of funds is committed by a specific person using a particular technical device). As the ideal traces, the authors consider the mental image of a crime committed in the mind of a person presented in the evidence of a victim, suspect (accused), witness, expert, specialist, and other persons, resulting from the illegal remote actions of a suspect (an accused) to have psychological influence (the use of social engineering methods) on a victim using the information and telecommunication technologies. The paper defines digital traces, considers their specific examples depending on the use of the Internet and (or) computer, mobile devices, and the social engineering methods by intruders. The authors formulate the typical trace pattern of analyzed thefts, the knowledge of which allows obtaining the forensically important information on the way and nature of a crime, persons involved in it, and determining the tactics of follow-up law enforcement intelligence and investigative actions.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НАРКОМАНИИ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2021

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»
М.Ю. Жирова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
С.В. Кондратюк, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: наркомания; наркоситуация; общественное восприятие; социально-экономические проблемы; отношение к наркотикам; вредные привычки; потребление наркотиков; Самарская область.

Аннотация: Представлены результаты социологического исследования восприятия наркоситуации населением Самарской области. Для этого были опрошены 2043 жителя Самарской области, проживающие как в городских, так и в сельских населенных пунктах. В центре внимания находились субъективные оценки восприятия населением наркомании как социального явления. Результаты проведенного исследования на высоком репрезентативном уровне дали возможность выявить особенности сложившегося общественного мнения населения Самарской области о распространении вредных привычек в целом и наркомании в частности. Констатируется, что в общественном восприятии населения Самарской области проблема наркомании по своей остроте находится лишь на шестом месте. Остроту проблемы наркомании осознает примерно половина опрошенных. Среди основных причин ситуации с наркоманией большинство респондентов отметили неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, моральную деградацию общества, отсутствие организованного досуга. Отмечается, что, согласно полученным данным, наиболее эффективными для борьбы с наркоманией, по мнению опрошенных, являются осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков, профилактическая работа с молодежью по продвижению здорового образа жизни, а также карательные меры. По ключевым вопросам анкеты установлено существенное различие позиций по возрастным группам анкетированных. Например, первое употребление наркотиков у большинства признавшихся приходится на возрастные интервалы от 16 до 29 лет. Сделан вывод, что проблемы наркомании связаны в основном с распространением девиантных форм поведения среди молодежи, однако причины такого поведения порождаются комплексом социально-экономических факторов.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире употребление наркотиков стало одной из наиболее острых социальных проблем [1–3]. В частности, отмечается, что на фоне пандемии COVID-19 значительно увеличилось употребление каннабиса¹. В России проблема немедицинского употребления наркотических средств в последние десятилетия также стоит чрезвычайно остро [4; 5] и оценивается как существенная угроза национальной безопасности [6–8].

Следует признать, что российское государство уделяет значительное внимание данной проблематике [9; 10]. Указом Президента РФ от 23.11.2020 была утверждена новая Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года². В ней отмечается, что за 2010–2020 годы выявлено свыше 2 миллионов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, более 72 % (1,5 миллиона) из которых – тяжкие и особо тяжкие; раскрыто более 45 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в соста-

ве организованных групп; пресечена деятельность около 8 тысяч преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных; из незаконного оборота изъято более 420 тонн наркотиков и иных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации. В Стратегии констатируется, что в результате реализации антинаркотической политики в 2010–2020 годах наркоситуация в стране в целом стабилизировалась, однако согласно данным мониторинга, проводимого Государственным антинаркотическим комитетом, в большинстве регионов Российской Федерации она остается напряженной. Так, с 2010 года наблюдается рост более чем в 2,5 раза числа лиц с зависимостью от новых потенциально опасных психоактивных веществ и с полинаркоманией и более чем в 3 раза – числа лиц с зависимостью от лекарственных препаратов с психоактивным действием.

Исходя из анализа сложившейся ситуации с распространением наркомании, Стратегия устанавливает следующие цели антинаркотической политики на ближайшее десятилетие:

- сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления;
- снижение тяжести последствий незаконного потребления наркотиков;
- формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте.

Для достижения названных целей в различных регионах России реализуются собственные мероприятия по

¹World Drug Report 2021 // United Nations. Office on Drugs and Crime. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr2021.html>.

²Указ Президента Российской Федерации. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: от 23 ноября 2020 года № 733 // Консорциум Кодекс: электронный фонд актуальных правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566387046>.

противодействию наркотизации населения [11–13]. В Самарской области принята и действует государственная программа Самарской области «Противодействие незаконному обороту наркотиков, профилактика наркомании, лечение и реабилитация наркозависимой части населения в Самарской области» на 2014–2023 годы³. Однако проблема распространения наркомании по-прежнему остается актуальной для Самарской области. В соответствии с докладом о наркоситуации в Самарской области в 2020 году, подготовленном антинаркотической комиссией Самарской области⁴, в 2014 и 2015 годах Самарская область являлась «самым наркотизированным субъектом» в Российской Федерации. В настоящее время ситуацию удалось несколько стабилизировать, уровень состояния и развития наркоситуации в Самарской области сейчас оценивается как «напряженный».

Исследования влияния особенностей восприятия населением социально-экономических и иных проблем на уровень наркотизации уже проводились, но они главным образом концентрировались на изучении подростковой и молодежной среды [14; 15]. Целью исследований выступало выявление особенностей коллективного сознания молодежи в отношении распространения наркомании, детерминирующих факторов и разработка рекомендаций по оптимизации антинаркотической деятельности субъектов профилактики. Выводы, полученные в ходе этих исследований, представляют высокую научную значимость. Так, например, было показано, что официальные данные по наркотизации молодежи имеют крайне высокую степень латентности, поскольку результаты проведенных мониторингов выявили существенно более высокий масштаб наркотизации в подростково-молодежной среде, нежели это следовало из официальной статистики [14]. Была также показана неэффективность работы по профилактике наркомании среди учащейся молодежи. Констатировалось, что профилактическая работа «оказывает очень слабое влияние на их отношение к наркотикам и поведение» [15, с. 30].

Следует признать, что на сегодняшний день отсутствуют аналогичные актуальные научные исследования применительно к проблеме наркотизации в Самарской области. Данная работа направлена на восполнение названного пробела, исходя из анализа данных, полученных по всем социально-демографическим срезам населения Самарской области.

По мнению авторов статьи, одним из существенных факторов, оказывающих влияние на наркоситуацию, является состояние общественного мнения. Субъектив-

ные оценки наркоситуации в том или ином регионе дают возможность проанализировать отношение населения к наркомании, выявить специфические причины, влияющие на распространение данного социального явления применительно к региональным условиям.

Исходя из этого, в ходе исследования была поставлена задача изучить мнение респондентов о воздействии социально-экономических и социально-психологических проблем региона на распространение наркомании, а также общественное мнение о наиболее эффективных возможных путях дальнейшего совершенствования мер предупреждения распространения наркомании.

Цель исследования – изучение общественного мнения населения Самарской области о наркоситуации в регионе.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анкета опроса

Для реализации задач исследования был использован метод программированного опроса. Всего респондентам было предложено ответить на 30 вопросов, составляющих 6 блоков.

Первый блок – социально-демографический, направленный на выяснение у респондентов пола, возраста, образования, уровня доходов и наличия вредных привычек.

Второй блок – выяснение круга социальных проблем населенного пункта, в котором проживает конкретный респондент. Для этого респондентам предлагалось указать пять наиболее острых проблем, требующих решения в первую очередь в данном населенном пункте.

Третий блок – установление уровня удовлетворенности населением возможностями проведения свободного времени в конкретном населенном пункте – включал два вопроса: «Как вы считаете, в населенном пункте, где вы проживаете, достаточно возможностей, чтобы интересно проводить свободное время?» и «Что дополнительно вам нужно для того, чтобы интересно проводить свободное время?».

Четвертый блок – оценка населением уровня распространения наркомании в конкретном населенном пункте и эффективности возможных мер борьбы с ней – включал следующие вопросы: «Как вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в вашем населенном пункте (области)?», «Как вы считаете, в чем причина распространения наркомании в последнее время?», «Как вы думаете, трудно ли достать сегодня наркотики?», «Знакомы ли вы лично с людьми, употребляющими наркотики?», «Прибегали ли вы или ваши знакомые к услугам сети Интернет для получения сведений о наркотиках или способах их употребления?», «Какие мероприятия, по вашему мнению, наиболее эффективны для профилактики и решения проблем наркомании?».

Пятый блок – оценка эффективности самоконтроля, общественного контроля и мер государственного принуждения в сдерживании распространения наркомании – предлагал ответить на следующие вопросы: «Что удерживает вас от употребления наркотиков?», «Известна ли вам ответственность в Российской Федерации за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ?», «Предлагали ли вам когда-либо попробовать наркотики?».

³Правительство Самарской области. Постановление об утверждении государственной программы Самарской области «Противодействие незаконному обороту наркотиков, профилактика наркомании, лечение и реабилитация наркозависимой части населения в Самарской области» на 2014 – 2023 годы: от 29 ноября 2013 года № 710 (с последующими изменениями и дополнениями) // Консорциум Кодекс: электронный фонд актуальных правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/464008930>.

⁴Доклад о наркоситуации в Самарской области (по результатам мониторинга наркоситуации в 2020 году. Самара: Антинаркотическая комиссия Самарской области, 2021. 239 с. URL: http://netmarkoticam.org/external/netmark/files/c_19/Doklad_o_narkosituatsii.1.pdf.

«Как бы вы поступили, если бы вам предложили попробовать наркотики?».

Шестой блок – изучение различных аспектов, связанных с имеющимся у респондентов опытом употребления наркотиков – включал следующие вопросы: «Пробовали ли вы наркотические вещества?», «Какие причины привели вас к тому, что вы употребляете (употребляли) наркотики?», «В каком возрасте вы впервые попробовали наркотическое вещество?», «Как часто вы употребляете наркотики?», «Какой наркотик вы употребляете (употребляли)?», «Каким способом вы употребляете наркотики?», «Почему вы потребляли/потребляете конкретные наркотики?», «Где вы впервые попробовали наркотики?», «Кто впервые предложил вам попробовать наркотик?», «Каким способом вы обычно получаете наркотики?», «Каков источник денежных средств, на которые вы приобретаете наркотики?» и «Где вы достаете наркотики?».

Выборка исследования

Всего было опрошено 2043 человека в возрасте от 14 до 60 лет, проживающих как в городах (Самара, Тольятти, Жигулевск), так и в сельских поселениях Сызранского, Нефтегорского, Шигонского и Ставропольского районов Самарской области.

По гендерному признаку респонденты распределились следующим образом: 48,6 % – мужчины, 51,4 % – женщины.

По возрастному признаку респонденты были представлены в следующих пропорциях: подростки в возрасте 14–17 лет составили 5,9 % опрошенных; молодежь 18–29 лет – 22,4 %; люди среднего возраста (30–39 лет) – 25,2 %; возрастная группа 40–49 лет – 21,8 %; старшая группа (от 50 лет) – 24,7 % участников опроса.

По уровню образования респонденты распределились так: 45,5 % участников опроса имеют высшее образование; среднее профессиональное образование получили 30,6 % участников опроса; окончили среднюю школу 13,6 % опрошенных; 10,2 % респондентов получили основное общее образование.

Уровень материальной обеспеченности по субъективным оценкам респондентов выглядит следующим образом: 54,2 % участников опроса относят свои семьи к среднему уровню достатка; пятая часть опрошенных считают свои семьи обеспеченными на уровне выше среднего; к высокообеспеченным семьям относятся 6,6 % участников опроса. Обеспеченность ниже среднего уровня отмечена в 16,4 % анкет; считают себя не обеспеченными самым необходимым 3,6 % участников опроса.

Социально-демографические характеристики участников опроса соответствуют статистическим показателям населения Самарской области⁵.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблемы наркомании проанализированы на фоне социально-экономических проблем, которые волнуют население Самарской области.

Следует признать, что в целом в общественном восприятии населения Самарской области проблема наркомании не фигурирует как острая и находится лишь на шестом месте после безработицы, качества медицинского обслуживания, качества дорог, алкоголизма и проблемы преступности в целом. Следует отметить, однако, что женщины ставят проблему наркомании на четвертое место после безработицы, качества медицинского обслуживания и алкоголизма. При этом проблема наркомании находится по частоте упоминания примерно в одном ряду с преступностью и алкоголизмом. Проблемы же состояния жилищно-коммунальной сферы и нехватки жилья стоят в общественном восприятии гораздо ниже наркомании, они актуальны примерно для трети опрошенных.

Остроту проблемы наркомании осознает примерно половина опрошенных. В среднем проблему наркомании оценили как актуальную почти 45 % респондентов. При этом жители Самары и сельских поселений чаще, чем другие, подчеркивали актуальность проблемы наркомании (55,2 и 48,9 % соответственно). Респонденты из Тольятти и Жигулевска отмечали наркоманию в перечне важных проблем существенно реже, чем в среднем по массиву (33,2 и 21,1 % соответственно).

Анализ ответов показывает, что в рейтинге различных социальных групп острота проблемы наркомании воспринимается неодинаково. Так, мнения респондентов с разным материальным положением распределились следующим образом. Участники опроса из хорошо обеспеченных семей выделяют наркоманию, алкоголизм, нехватку жилья. Остальные варианты ответов отмечены ими реже. Респонденты, оценивающие материальное положение своих семей на среднем уровне, чаще других отмечают проблемы безработицы, алкоголизма и преступности, а остальные проблемы для них остаются на уровне показателей по массиву. Респонденты с оценкой уровня дохода ниже среднего, а также малообеспеченные чаще отмечают среди наиболее острых проблем наркоманию и качество медицинского обслуживания. В их рейтинге наркомания находится на третьем месте, в то время как в рейтинге участников опроса с уровнем дохода выше среднего данная проблема занимает пятое место, а у респондентов, обеспеченных на среднем уровне, шестое.

В зависимости от возраста респондентов выявлены следующие оценки остроты социальных проблем. Молодежь в возрасте 14–30 лет выделяет наркоманию чаще (в 48,3 % случаев), чем в среднем по массиву (44,9 %), респонденты в возрастных группах 31–39 лет, 50–50 лет и старше 50 лет – на уровне средних показателей. Участники опроса в возрасте 40–49 лет выделяют наркоманию реже всех иных возрастных групп (39,5 %).

Были подвергнуты анализу полученные данные об отношении населения к различного рода факторам, влияющим на уровень наркомании. На первом месте среди таких факторов респондентами выделялась организация досуга. Согласно полученным данным, две трети опрошенных удовлетворены условиями для проведения свободного времени в своем населенном пункте. Треть участников опроса считают, что у них недостаточно условий для проведения свободного времени. Среди групп по возрасту с проблемами организации

⁵Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области.
URL: <https://samarastat.gks.ru/population>.

досуга чаще сталкивается молодежь (44,6 %), а также представители старшей возрастной группы (56,2 %).

Меньшую удовлетворенность имеющимися возможностями проведения свободного времени выражают жители сельской местности (57,3 %) и Жигулевска (55,3 %), в Самаре и в Тольятти показатели близки к средним данным по массиву (63,9 и 60,6 % соответственно при среднем значении 61,1 %). Большинство предложений участников опроса по совершенствованию условий для отдыха относятся к благоустройству территории, развитию учреждений культуры, повышению уровня сервиса.

Оценка респондентами сложившейся наркоситуации была проанализирована также через призму наличия у них вредных привычек как фактора, определенным образом влияющего на данную оценку. Помимо этого, анализ самооценки вредных привычек среди населения дает важную информацию о социально-психологической устойчивости отдельных индивидов к девиантному поведению. Согласно полученным данным, больше двух пятых участников опроса признаются в наличии вредных привычек. Данное поведение чаще характерно для мужчин (53,2 % в сравнении с 34,5 % у женщин), представителей возрастных групп 18–30 лет (52,7 %) и 31–39 лет (50,0 %), а также для людей с высоким уровнем достатка (53,3 % при средних данных по массиву в 43,7 %).

Субъективная оценка наркоситуации населением Самарской области предполагает изучение представлений о том, насколько масштабной она признается по сравнению с наркоситуацией в целом по стране. Для этого перед респондентами был поставлен вопрос: «Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (области)?». Четвертая часть опрошенных отмечают высокий уровень распространения наркомании в населенном пункте, в котором они проживают; чуть более половины респондентов (51,3 %) считают уровень распространения наркомании таким же, как в других регионах. Однако интересно отметить, что при этом участники анкетирования, которые имеют вредные привычки, указывают на существенно большую частоту проявления наркомании в своем населенном пункте (30,5 %) по сравнению с не имеющими вредных привычек (20,9 %). И только 5,2 % отвечающих считают проблему наркомании вовсе не распространенной на территории Самарской области.

Респондентам был задан вопрос, какие причины распространения наркомании в обществе видятся в качестве основных. Примерно половина респондентов связывают эту проблему с неудовлетворенностью жизнью и социальным неблагополучием. Две пятых респондентов выделяют в качестве причины распространения наркомании моральную деградацию общества. Проблема организации досуга отмечена 37,4 % респондентов. Чуть меньшее количество респондентов указали на безработицу и иные экономические проблемы в качестве причин наркомании. Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков отметили 31,7 % опрошенных. Четверть участников опроса связывают распространение наркомании с плохой работой правоохранительных органов. Влияние массовой культуры и СМИ отмечено в пятой части анкет. Слабость профилактической работы подчеркивают 17,7 % респондентов. Следовательно,

из множества разноплановых причин наркомании респонденты в первую очередь обращают внимание на социальное и экономическое неблагополучие общества.

При этом, однако, участники опроса, имеющие вредные привычки, сравнительно чаще, чем не имеющие таковых, выделяют влияние наркобизнеса, доступность наркотиков, плохую работу правоохранительных органов, влияние массовой культуры и СМИ.

Ответы респондентов на вопрос о наиболее эффективных мерах по борьбе с наркоманией выявили установку населения на расширение мер уголовного репрессии: за ужесточение мер наказания за наркопреступления высказалось относительное большинство респондентов (45 %), в то время как, например, в пользу профилактической работы с молодежью и продвижению здорового образа жизни отдано было существенно меньшее число голосов (32,3 и 33,1 % соответственно). Помимо этого, принудительное лечение наркоманов считают необходимым 31,6 % респондентов. Пятая часть респондентов отметили необходимость повышения доступности помощи психологов и психотерапевтов в целях предупреждения наркомании.

Отдельно в рамках проведенного анкетирования исследовался вопрос о влиянии личного и социального контроля на предупреждение употребления наркотических средств. Полученные данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что для населения Самарской области самоконтроль и самоответственность являются решающими факторами в вопросе удержания от употребления наркотиков, удельный же вес в этом общественного контроля критически низок. Так, самым эффективным методом борьбы с наркоманией, по мнению респондентов, является осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков. Данную позицию разделяют почти 70 % участников опроса. Более трети участников опроса также отметили в качестве серьезных сдерживающих факторов возможные проблемы со здоровьем, а также раннюю смерть. И на этом фоне лишь 7,4 % респондентов в качестве сдерживающего фактора в употреблении наркотиков указали общественное осуждение и разрыв социальных связей, что еще раз подтверждает тот факт, что меры социального контроля не являются существенными для россиян.

В проективной ситуации предложения наркотиков 88,4 % участников опроса выразили бы отказ от их употребления, 5,5 % участников опроса приняли бы решение в зависимости от вида наркотика, 3,0 % респондентов ответили, что поведут себя в зависимости от ситуации и настроения и 0,7 % участников опроса однозначно попробовали бы наркотик. Заслуживают внимания полученные данные, согласно которым участники опроса, не имеющие вредных привычек, в два раза реже, чем имеющие их, рассмотрят предложение о том, чтобы принять наркотики. Среди респондентов, имеющих вредные привычки, в полтора раза больше тех, кто попадают в группу риска в ситуации предложения им наркотиков, по сравнению со средними показателями по массиву.

Исследовался вопрос об осведомленности респондентов об ответственности за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ. Выявлено, что почти треть опрошенных либо полностью, либо недостаточно информированы об ответственности за эти деяния.

Согласно полученным данным, количество респондентов, когда-либо употреблявших наркотики, составило 3,0 % (60 человек). Среди них две трети пробовали наркотики в прошлом; соответственно, продолжают употреблять наркотические вещества треть от тех, кто признался в употреблении. Анализ данных показывает, что количество употребляющих наркотики среди тех, кто признается в наличии вредных привычек, в два раза больше (5,9 %), чем в среднем по массиву.

Полученные результаты еще раз наглядно подтвердили тот факт, что в условиях наркотизации населения основная группа риска – это молодежь [16–18]. Так, результаты показывают, что первое употребление наркотиков у подавляющего большинства (96,6 %) признавшихся приходится на возрастные интервалы от 16 до 29 лет, при этом в возрасте до 18 лет пробовали наркотики уже 44,1 % опрошенных.

Среди указанных респондентами причин употребления наркотиков абсолютно доминирует любопытство и стремление к новым ощущениям (49,1 %). Помимо этого, высок удельный вес таких причин, как жизненные проблемы, депрессия и стресс – 20,8 % опрошенных, желание получить удовольствие, расслабиться – 18,9 %.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование выявило тот факт, что в первую очередь население волнуют социально-экономические проблемы региона, такие как, например, уровень безработицы и качество медицинского обслуживания. Эти же проблемы, с точки зрения респондентов, являются определяющими для распространения наркомании в регионе. Так, в ходе исследования установлено, что среди основных причин ситуации с наркоманией большинство респондентов отметили неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, моральную деградацию общества, отсутствие организованного досуга.

При этом на первое место среди факторов, влияющих на уровень наркомании, респонденты поставили организацию досуга. Действительно, известно, что организация досуга является одним из ключевых факторов, влияющих на уровень наркотизации населения [19; 20]. Полученные результаты свидетельствуют, что треть опрошенных полагают, что у них отсутствуют достаточные условия для реализации досуга. При этом значительно более высокий удельный вес таких ответов зафиксирован среди молодежи и лиц старшего возраста. Выявлено, что высокий уровень неудовлетворенности имеющимися возможностями проведения свободного времени характерен для жителей сельской местности и небольших городов, например Жигулевска.

Следовательно, представляется, что в свете поставленной перед исследованием задачи – определить возможные направления совершенствования региональной политики в сфере противодействия незаконному потреблению наркотических средств – органам региональной власти в качестве приоритетного направления такой политики можно рекомендовать совершенствование условий для организации свободного времени молодежи, лиц старшего возраста в сельской местности и небольших городах. Респонденты в этой связи выделяли в качестве

приоритетных такие меры, как благоустройство территории и развитие учреждений культуры.

Согласно полученным данным, наиболее эффективно в борьбе с наркоманией, по мнению опрошенных, осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков. При этом, однако, исследование выявило, что меры общественного контроля (например, общественное осуждение, разрыв социальных связей) не имеют в глазах населения хоть сколько-нибудь существенного значения, что, безусловно, свидетельствует о серьезной деградации общества.

Установлено, что треть опрошенных либо полностью, либо недостаточно информированы об ответственности за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ. В этой связи одним из актуальных направлений региональной политики должно оставаться правовое просвещение и правовое информирование населения, в том числе в области незаконного оборота наркотических средств.

Авторы полагают, что полученные результаты могут служить основанием для дальнейших исследований заявленной проблематики.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. В общественном восприятии населения Самарской области проблема наркомании не фигурирует как острая.

2. Большинство респондентов считают уровень распространения наркомании в Самарской области таким же, как и в других регионах России.

3. В основную группу риска в ситуации наркотизации входят молодежь и лица, имеющие вредные привычки.

4. В качестве причин наркомании респонденты в первую очередь выделяют социальное и экономическое неблагополучие общества.

5. Среди факторов, влияющих на уровень наркомании, респонденты выделяют организацию досуга. При этом с проблемами организации досуга чаще сталкивается молодежь, а также представители старшей возрастной группы.

6. По мнению респондентов, для решения проблемы организации досуга необходимы меры по благоустройству территории, развитию учреждений культуры, повышению уровня сервиса.

7. К наиболее эффективным мерам по борьбе с наркоманией респонденты отнесли расширение мер уголовной репрессии, профилактическую работу с молодежью и продвижение здорового образа жизни.

8. Самоконтроль и самоответственность являются решающими факторами в вопросе удержания от употребления наркотиков. Удельный же вес общественного контроля критически низок.

9. Почти треть опрошенных либо полностью, либо недостаточно информированы об ответственности за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 269 p.
2. Legleye S., Piontek D., Pampel F., Goffette C., Khlat M., Kraus L. Is there a cannabis epidemic model? Evidence

- from France, Germany and USA // *International Journal of Drug Policy*. 2014. Vol. 25. № 6. P. 1103–1112.
3. Singer M. Drugs and development: the global impact of drug use and trafficking on social and economic development // *International Journal of Drug Policy*. 2008. Vol. 19. № 6. P. 467–478.
 4. Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // *Lex Russica (русский закон)*. 2017. № 10. С. 147–157.
 5. Табаков А.В. Современное состояние и основные тенденции развития транснациональной организованной наркопреступности. СПб.: СПбГАСУ, 2018. 259 с.
 6. Зазулин Г.В. Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013 годы). СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 326 с.
 7. Плотникова Т.В., Харин В.В. Наркотизм как одна из актуальных угроз национальной безопасности России // *Актуальные проблемы государства и права*. 2019. Т. 3. № 10. С. 243–250.
 8. Мустафина Г.М. К вопросу наркотизации населения как одной из угроз социальной безопасности страны // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 4. С. 300–301.
 9. Шекк Е.А., Евланова О.А., Коимшиди Г.Ф. Особенности формирования антинаркотической политики Российской Федерации и некоторые вопросы ее реализации // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2018. № 4. С. 69–74.
 10. Наумов Ю.Г., Тотоев Р.Р. Институциональное оформление системы противодействия наркобизнесу в России // *Экономическая безопасность*. 2021. Т. 4. № 3. С. 717–730.
 11. Омигов В.И. Теория и практика борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Пермь: Прикамский социальный институт, 2005. 124 с.
 12. Романова Л.И. Наркопреступность в Дальневосточном регионе. Владивосток: Дальневосточный университет, 2002. 162 с.
 13. Середа Г.В., Середа И.М. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и криминологический аспекты: (по материалам Восточной Сибири). Иркутск: ИГЭА, 2001. 146 с.
 14. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды: основы теории и оценка региональных трендов // *Вестник Сибирского юридического института ФСКН России*. 2012. № 2. С. 95–100.
 15. Сидоров П.Г. Распространение наркотических средств среди молодежи высших и средних профессиональных образовательных учреждений: социологическое измерение. Хабаровск: Дальневосточный институт повышения квалификации ФСКН России (ДВИПК ФСКН России), 2012. 34 с.
 16. MacDonald R., Marsh J. Crossing the Rubicon: Youth transitions, poverty, drugs and social exclusion // *International journal of drug policy*. 2002. Vol. 13. № 1. P. 27–38.
 17. Михайлов Б.П., Тузов Л.Л. Актуальные проблемы профилактики наркомании и незаконного оборота наркотиков в молодежной среде // *Вестник Московского университета МВД России*. 2017. № 6. С. 165–170.
 18. Нахимова Я.Н., Ромашкина Г.Ф. Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // *Образование и наука*. 2017. Т. 19. № 6. С. 138–160.
 19. Новгородский А.А. Сущность наркомании и ее причины // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2010. № 1. С. 105–116.
 20. Федотов А.А. Алкоголизм и наркомания в регионах России: текущая ситуация, причины и следствия // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020. № 9-2. С. 123–128.

REFERENCES

1. Beck U. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press Publ., 2009. 269 p.
2. Legleye S., Piontek D., Pampel F., Goffette C., Khlat M., Kraus L. Is there a cannabis epidemic model? Evidence from France, Germany and USA. *International Journal of Drug Policy*, 2014, vol. 25, no. 6, pp. 1103–1112.
3. Singer M. Drugs and development: the global impact of drug use and trafficking on social and economic development. *International Journal of Drug Policy*, 2008, vol. 19, no. 6, pp. 467–478.
4. Teplyashin P.V. The situation with drug crimes in the Russian Federation: the basic criminological markers and trends. *Lex Russica (russkiy zakon)*, 2017, no. 10, pp. 147–157.
5. Tabakov A.V. *Sovremennoe sostoyanie i osnovnye tendentsii razvitiya transnatsionalnoy organizovannoy narkoprestupnosti* [Current state and the main tendencies of transnational organized narcocriminality]. Sankt Petersburg, SPbGASU Publ., 2018. 259 p.
6. Zazulin G.V. *Antinarkoticheskaya politika v Rossii: problemy stanovleniya (2000–2013 gody)* [Drug policy in Russia: problems of formation (2000–2013)]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr-Press Publ., 2013. 326 p.
7. Plotnikova T.V., Kharin V.V. Narcotism as one of the urgent threats to the national security of Russia. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava*, 2019, vol. 3, no. 10, pp. 243–250.
8. Mustafina G.M. On the issue of drug addiction of the population as one of the threats to the social security of the country. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2021, no. 4, pp. 300–301.
9. Shekk E.A., Evlanova O.A., Koimshidi G.F. Features of the formation of the anti-drug policy of the Russian Federation and some issues of implementation. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2018, no. 4, pp. 69–74.
10. Naumov Yu.G., Totoev R.R. Institutionalization of the anti-drug trafficking system in Russia. *Ekonomicheskaya bezopasnost*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 717–730.
11. Omigov V.I. *Teoriya i praktika borby s nezakonnyim oborotom narkotikov* [Theory and practice of struggle with the illegal drug trafficking]. Perm, Prikamskiy sotsialnyy institute Publ., 2005. 124 p.
12. Romanova L.I. *Narkoprestupnost v Dalnevostochnom regione* [Narco-criminality in the Far-Eastern region].

- Vladivostok, Dalnevostochnyy universitet Publ., 2002. 162 p.
13. Sereda G.V., Sereda I.M. *Nezakonnyy oborot narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv: ugovonno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekt: (po materialam Vostochnoy Sibiri)* [Illegal drug and psychotropic trafficking: criminal and criminological aspects: (on the materials of Eastern Siberia)]. Irkutsk, IGEA Publ., 2001. 146 p.
 14. Komlev Yu.Yu. Sociological drug addiction monitoring of teenager and youth environment: theory and estimation of regional trends. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii*, 2012, no. 2, pp. 95–100.
 15. Sidorov P.G. *Rasprostranenie narkoticheskikh sredstv sredi molodezhi vysshikh i srednikh professionalnykh obrazovatelnykh uchrezhdeniy: sotsiologicheskoe izmerenie* [Distribution of narcotic drugs among young people of higher and secondary vocational educational institutions: sociological measurement]. Khabarovsk, Dalnevostochnyy institut povysheniya kvalifikatsii FSKN Rossii (DVIPK FSKN Rossii) Publ., 2012. 34 p.
 16. MacDonald R., Marsh J. Crossing the Rubicon: Youth transitions, poverty, drugs and social exclusion. *International journal of drug policy*, 2002, vol. 13, no. 1, pp. 27–38.
 17. Mikhaylov B.P., Tuzov L.L. Urgent problems of prophylaxis of the narcomania and drug trafficking among young people. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 6, pp. 165–170.
 18. Nakhimova Ya.N., Romashkina G.F. Social attitudes to drugs abuse among youth and drug abuse prevention. *Obrazovanie i nauka*, 2017, vol. 19, no. 6, pp. 138–160.
 19. Novgorodskiy A.A. The essence of drug addiction and its causes. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*, 2010, no. 1, pp. 105–116.
 20. Fedotov A.A. Alcoholism and drug addiction in the regions of Russia: current situation, causes and effects. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2020, no. 9-2, pp. 123–128.

ON THE PROBLEM OF COUNTERACTING THE SPREAD OF DRUG ADDICTION IN THE SAMARA REGION

© 2021

S.V. Yunoshev, PhD (Law), Associate Professor,
Head of Chair “Criminal Law and Procedure”

M.Yu. Zhirova, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

S.V. Kondratyuk, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: drug addiction; drug abuse situation; public perception; social and economic problems; attitude to drugs; harmful habits; drug usage; the Samara Region.

Abstract: The paper presents the results of a sociological study of the perception of drug abuse situation by the Samara Region population. For the research, the authors interviewed 2043 residents of the Samara Region living both in urban and rural settlements. The author’s attention focused on the subjective values of the population’s perception of drug addiction as a social phenomenon. The results of the study carried out at a high representative level made it possible to identify the peculiarities of existing public opinion of the Samara Region population about the spreading of harmful habits in general and drug addiction in particular. The study states that the drug addiction problem takes sixth place only by its urgency in public perception. Nearly half of the interviewed people are aware of the importance of the drug addiction problem. Among the key reasons for the drug addiction situation, most respondents mention life dissatisfaction, social deprivation, moral degradation of society, and the lack of organized leisure. The authors note that according to the obtained data, the interviewed people consider conscious negative attitude to the drug usage, the preventive work with the youth on the promotion of a healthy lifestyle, and the punitive measures the most effective for the struggle with drugs. Using the key questions of the checklist, the authors identified the significant difference of the positions according to the age groups of the surveyed people. For example, most admitted tried drugs for the first time in the age intervals from 16 to 29. The authors conclude the problems of drug addiction result from the deviant behavior forms among youth, however, the reasons for such behavior are caused by the complex of social and economic factors.

НАШИ АВТОРЫ

Дулгер Артем Вячеславович, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: a.dulger@tltsu.ru

Жирова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: zhirovamarin@gmail.com

Кабанов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: pavelKabanov.2019@mail.ru

Кабанова Людмила Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: baklushina05@rambler.ru

Кондратюк Сергей Викторович, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры «Уголовное право и процесс», заведующий кафедрой правовых дисциплин.

Адрес 1: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Адрес 2: Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе,

299011, Россия, г. Севастополь, ул. Балаклавская, 11.

E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Юго-Западный государственный университет,

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

E-mail: ivrevina@mail.ru

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Юго-Западный государственный университет,

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

E-mail: ivrevina@mail.ru

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Старостенко Нина Игоревна, адъюнкт кафедры криминалистики.

Адрес: Краснодарский университет МВД России,

350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

E-mail: nstarostenko1996@mail.ru

Ушакова Татьяна Владимировна, магистрант.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: gta2004@list.ru

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Юго-Западный государственный университет,
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

E-mail: ivrevina@mail.ru

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Chebotareva Irina Nikolaevna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.

Address: Southwest State University,
305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94.
E-mail: ivrevina@mail.ru

Dulger Artyom Vyacheslavovich, lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: a.dulger@tlttsu.ru

Kabanov Pavel Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: pavelKabanov.2019@mail.ru

Kabanova Ludmila Nikolaevna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: baklushina05@rambler.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Moiseev Aleksandr Mikhailovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Criminal Law and Procedure”, Head of Chair of Legal Disciplines.

Address 1: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Address 2: Institute of Economics and Law (branch) of the educational institution of Trade Unions of Higher Education “Academy of Labor and Social Relations” in Sevastopol,
299011, Russia, Sevastopol, Balaklavskaya Street, 11.
E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Pashutina Olesya Sergeevna, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.

Address: Southwest State University,
305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94.
E-mail: ivrevina@mail.ru

Revina Irina Valeryevna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.

Address: Southwest State University,
305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94.
E-mail: ivrevina@mail.ru

Savelyeva Olga Yurievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Starostenko Nina Igorevna, adjunct of Chair of Criminalistics.

Address: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya Street, 128.
E-mail: nstarostenko1996@mail.ru

Ushakova Tatyana Vladimirovna, graduate student.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: gta2004@list.ru

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: svyunoshev@gmail.com

Zhirova Marina Yuryevna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: zhirovamarin@gmail.com